
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324832 5

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

WILLIAM H. DONNER
COLLECTION

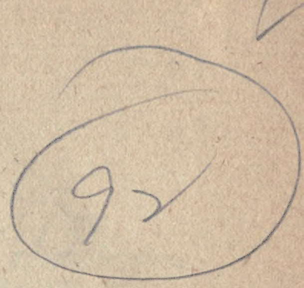
purchased from
a gift by

THE DONNER CANADIAN
FOUNDATION

Verbitskaiâ, Anastasiiâ Alekseevna (Ziablova

А. ВЕРБИЦКАЯ.

Kliûchi schast'iâ

КЛЮЧИ СЧАСТЬЯ.

[kn.] IV.

НА ВЫСОТѢ.

ШЕСТНАДЦАТАЯ ТЫСЯЧА.

РОМАНЪ

ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ

МОСКВА—1912.

PG
3470
V4 K4
1910
kn. 4

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1912.

. . . .
Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня.
И все выше я шелъ. И дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня...

Бальмонтъ.

I.

Каждый день, въ семь часовъ вечера, Маня выходитъ изъ трамвая, соединяющаго предмѣстье, гдѣ она живетъ, съ Парижемъ. Торопливо идетъ она по линіи бульваровъ на урокъ къ Изѣ Хименесъ.

Огненными линіями въ туманъ и сумерки огромнаго города врываются нарядные бульвары съ оголенными платанами, съ сіяющими окнами безчисленныхъ кафе, съ суетливой, праздной и жизнерадостной толпой.

Бѣгутъ отовсюду, сливаясь въ страстномъ стремленіи къ отдыху и радости, цѣлыя волны рабочаго люда. Улицы черны отъ мужскихъ пальто. Привѣтливо улыбаясь навстрѣчу хищнымъ взглядамъ фланеровъ, граціозной походкой идутъ модистки, приказчицы, бѣлошвейки, барышни-манекены. Онѣ одѣты скромно, но со вкусомъ. Блѣдныя губы жадно ловятъ воздухъ, котораго не достаетъ имъ цѣлый день въ магазинахъ и мастерскихъ, отравленныхъ газомъ и дыханіемъ толпы. Глаза искрятся... Онѣ ждутъ... Чего? Случая, счастья... Кто знаетъ?.. Можетъ быть, сейчасъ, за этимъ поворотомъ, это счастье встрѣтитъ ихъ? Не одна только чувственность сблизитъ двухъ людей, жаждущихъ забвенія?.. Кто поручится, что не свершится чудо, и что изъ этихъ объятій не родится Любовь?.. Та, о которой грезятъ всѣ женщины, отъ королевы до судомойки, и безъ которой жизнь не имѣетъ цѣны?

И всѣ эти грубыя желанія и нѣжныя грезы, эта страстная жажда отдыха и радости создаютъ какую-то насыщенную электричествомъ знойную атмосферу, опьяняющую нервы, бьющую какъ вино въ самыя крѣпкія головы... Въ сложной, кипучей и напряженной жизни громаднаго города,—это какой-то алый часъ...

Маня быстро идетъ среди этого огня перекрестныхъ взглядовъ и улыбокъ, одинаково чуждая наивнымъ мечтаніямъ однихъ и жаднымъ желаніямъ другихъ, равнодушная къ любопытству и восхищенію.

Вонъ вдали домъ, гдѣ живетъ Иза. Маня замедляетъ шаги. У подъѣзда она останавливается и смотритъ вверхъ... Небо озарено словно пожаромъ. Ни одной звѣзды. Гулъ кипучей жизни остался позади, на линіи бульваровъ. Здѣсь, въ переулкѣ, тихо... И въ этой тишинѣ еще отчетливѣе доносится до нея громкое дыханіе страшнаго звѣря... Толпы.

И сердце Мани даетъ толчокъ. Вызовъ загорается въ груди...

Кто осилитъ въ этомъ поединкѣ? Сумѣетъ-ли она укротить звѣря? Сможетъ ли она побѣдить Жизнь и самую грозную изъ ея силъ—Любовь?.. Или тяжелое колесо проѣдетъ по ея повергнутой душѣ, губя ее, какъ тысячи другихъ?

„Увидимъ... Увидимъ! Уже скоро..."

Ей отворяетъ дверь негритянка, безобразная Мими.

Маня любитъ ея добрую улыбку, оскалъ ея сіяющихъ зубовъ. Она похожа на животное, эта непосредственная дикарка съ ея загадочной моралью, съ ея таинственной для культурнаго человѣка душой.

Два спаньёля съ бѣлой шелковистой шерстью лаютъ звонко и оглушительно. Какаду сердито кричитъ что-то по-испански.

Маня идетъ въ салонъ съ золотистой мебелью, пыльными вѣнками и зеркальными стѣнами. Спаньёли трутся у ея ногъ. Какаду киваетъ ей бѣлымъ хохломъ и привѣтливо воркуетъ..

Входитъ Иза.

Эта женщина нравится Манѣ. Вся она похожа на восточную сказку. На мизинцѣ у нея дивный рубинъ, который кажется каплей крови днемъ, а вечеромъ горитъ какъ раскаленный уголь. Огромныя кольца-серьги качаются при каждомъ ея движеніи. Звенятъ браслеты на смуглыхъ рукахъ... Но ярче золота и камней кажется Манѣ ея улыбка и блескъ ея черныхъ глазъ.

По праздникамъ Маркъ пріѣзжаетъ въ автомобилѣ за обѣими женщинами и Ниночкой. Онъ увозитъ ихъ всѣхъ къ себѣ на цѣлый день. Всѣ трое любятъ эти часы. Отель его такъ красивъ... Обѣдъ такъ вкусенъ. „Пиръ Лукулла", смѣются гости, наголодавшись за недѣлю. Мясо онѣ рѣдко ѣдятъ теперь. Только овощи... Одна Ниночка не знаетъ лишеній... Но Маркъ не долженъ объ этомъ догадываться... Именно онъ—никогда!..

Шумомъ и смѣхомъ наполняется старый, дремлющій особнякъ. И тѣни былого просыпаются, прислушиваются съ изумленіемъ къ звукамъ чуждой жизни. И тихо выходятъ изъ своихъ угловъ.

Это было буквально такъ въ одно прекрасное и теплое ноябрьское утро. Онѣ только что пріѣхали и внизу, въ столовой, снимали шляпы передъ старыми, тусклыми зеркалами XVIII столѣтія. Ниночка звонко смѣялась, сидя на полу. Она вцѣпилась въ сенъ-бернара, который обнюхивалъ ея личико и размашисто вилялъ хвостомъ. Блѣдное солнце заливало палисадникъ и заглохшій фонтанъ.

Вдругъ Ниночка закричала, и всѣ оглянулись.

Въ дверяхъ гостиной стоялъ призракъ Штейнбаха... Высокая фигура съ согнувшимися плечами не двигалась. Сѣдые волосы изъ подъ черной шапочки выбились на лобъ. Таинственные глаза безъ дна и блеска глядѣли въ лица живыхъ страннымъ, далекимъ и враждебнымъ взглядомъ.

Вдругъ этотъ взглядъ упалъ на Ниночку, и дрогнуло блѣдное лицо. Въ ту же минуту вошелъ запоздавшій Штейнбахъ.

— Ниночка, мой ангелъ... Почему она плачетъ?

Онъ схватилъ дѣвочку на руки. Она дрожала и прятала личико на его груди. Штейнбахъ оглянулся и понялъ...

— Дядя, войди!.. Не бойся... Это мои друзья... Фрау Кеслеръ, это единственный близкій мнѣ человѣкъ. Онъ вчера только вернулся изъ Россіи съ Андреемъ. Мы будемъ жить вмѣстѣ...

Призракъ медленно покачалъ головой и отступилъ съ порога... Но его темный взглядъ остановился на лицѣ Мани. И словно холодомъ дунулъ въ ея сердце...

Онъ скрылся...

— Почему ты такъ блѣдна? — спросилъ Штейнбахъ.—Неужели боишься?

Она молчала.

— Теперь ты разлюбишь этотъ домъ, Маничка?

— Нѣтъ, нѣтъ, Маркъ... Мнѣ вспомнилось... Пустяки!.. Давай обѣдать скорѣе...

Онъ входилъ всегда неожиданно и безшумно въ комнату, гдѣ звенѣлъ смѣхъ Ниночки. И глядѣлъ на нее молча... Его какъ будто влекла къ себѣ эта молодая жизнь, похожая на лепечущую березку. Сначала ничего кромѣ безграничнаго удивленія не выражалъ этотъ далекій взоръ... Мысль, заблудившаяся въ таинственныхъ поляхъ Безсознательнаго, какъ будто искала дорогу ощупью въ сумеркахъ.

Насталъ день, когда Маня увидала жгучую скорбь въ этомъ взглядѣ. Онъ долго смотрѣлъ на ребенка... Закрывъ лицо руками, онъ вдругъ застоналъ. И вышелъ, беззвучный и непонятный, оставивъ въ комнатѣ струйку холода, бросивъ на всѣ лица тѣнь тайны.

И вотъ одинъ разъ словно улыбка прошла по восковому лицу. Тоска не исчезла, но смягчилась. Онъ взглянулъ на Маню. И всѣ съ удивленіемъ разслыхали: „Сарра...“

Онъ опять ушелъ. Но на порогѣ оглянулся на Маню.

Словно позвалъ...

— Какая Сарра? — спросила фрау Кеслеръ. Она говорила шопотомъ, хотя всѣ видѣли, какъ старикъ прошелъ подъ окнами, мимо фонтана, опираясь на палку. И исчезъ на мшистыхъ дорожкахъ сада, гдѣ умирали опавшіе листья.

— Онъ вспомнилъ свою погибшую дочь.

— Развѣ я похожа на нее, Маркъ?—спросила Маня. И глаза у нея были большіе и тревожные.

— Н-не знаю. Трудно разобраться во мракѣ больной души...

Понемногу всѣ свыклись съ этой жуткой фигурой. Даже Нина не пугалась черныхъ глазъ, изъ сада въ окно слѣдившихъ за нею, когда она ползала на коврѣ...

Манѣ было жаль, что страхъ ея исчезаетъ и смѣняется состраданіемъ къ одинокому безумцу. Однимъ сказочнымъ элементомъ въ жизни меньше...

И все-таки она никогда не могла отдѣлаться отъ тоски и тревоги, когда черные таинственные глаза останавливались на ея лицѣ... Что онъ думаетъ?.. Что онъ предчувствуетъ? Что онъ знаетъ?.. Почему волнуетъ ее тайна этой души... мракъ этихъ глазъ?..

II.

Рядомъ съ желтымъ салономъ Изы Хименесъ находится классъ. Это пустая комната съ зеркальной стѣной, безъ ковра и мебели, съ однимъ піанино. А за нею уборная. Стѣны ея увѣшаны газовыми голубыми юбочками и трико тѣлеснаго цвѣта. Подъ каждой на гвоздѣ номерокъ. Это традиціонный балетный костюмъ, съ открытымъ плоскимъ лифомъ; костюмъ, обнажающій ученицу. Учитель долженъ съ одного взгляда видѣть всѣ контуры и всѣ изгибы тѣла: ногу, начиная отъ бедра, колѣни, ступню, руки, плечи... Здѣсь нѣтъ мелочей. Важно каждое движеніе мускуловъ, каждое напряженіе мышцы. Все должно быть естественнымъ, все должно казаться легкимъ. Въ этомъ грація и красота танца.

Классомъ балетной гимнастики, то-есть самыми трудными первыми шагами, начиная съ „позицій“, столь же скучными, но необходимыми, какъ гаммы для піаниста и вокализы для пѣвца, руководитъ m-me Frédau. Это отставная балерина, сухая и юркая, въ рыжемъ парикѣ, но безъ всякаго „макильяжа“ на увядшемъ лицѣ. Она тоже переодѣвается въ короткое, немного ниже колѣнъ шерстяное платье. Если смотрѣть только на ея фигуру и стройныя, изящно обутыя ножки, ее можно принять за дѣвушку.

Маня быстро и легко справляется со всѣми трудностями первыхъ шаговъ, почти непреодолимыхъ для многихъ взрослыхъ... „У нея уже сейчасъ есть пальцы...“ съ удивленіемъ говоритъ на балетномъ языкѣ Иза своей помощницѣ. Это значитъ, что Маня можетъ свободно стоять на носкѣ. Изъ сорока ученицъ школы у нея одной этотъ даръ, такой же рѣдкій, какъ поставленный отъ природы голосъ у пѣвца. Многія ученицы

тяготятся этой балетной гимнастикой. Но для Мани важно все... Она видитъ теперь, какое трудное искусство—танецъ... Когда на сценѣ балерина скользитъ легкой тѣнью, еле касаясь пола, непосвященные не подозрѣваютъ, сколькихъ трудовъ стоила эта легкость, сколькихъ мученій стоила эта грація!.. И за стереотипной улыбкой сколько скрыто слезъ и сомнѣній въ себѣ!.. Здѣсь мало таланта. Нужны годы терпѣнія, упорства и черной невидной работы.

При этомъ Маня удивительно пластична отъ природы. Она точно инстинктомъ угадываетъ всѣ основныя движенія танца. *Оппозиція*, не дающаяся неуклюжимъ американкамъ и вульгарнымъ еврейкамъ, то-есть движеніе рукъ, обратное движенію ногъ, самое важное въ искусствѣ танца—достигается Маней шутя. Надобно видѣть ее, когда она стоитъ наноскѣ, вся стремясь впередъ въ граціозной *арабескѣ*, вотъ-вотъ готовая оторваться отъ земли и полетѣть... Или когда въ гордой *attitude*, поднявъ руки вверхъ, она стремится ввысь, вся—застывшее движеніе...

Чувствуется, что танецъ ея стихія. Что для нея въ этой сферѣ нѣтъ ничего недостижимаго.

За полгода она настолько освоивается съ сложными движеніями, изъ которыхъ комбинируются танцы, со всѣми этими jeté, glissé, chassé, balancé, pirouette и т. д., что Иза разрѣшаетъ ей заниматься этимъ только дома. Маня работаетъ часа по четыре, иногда до изнеможенія.

— Ты кончишь тѣмъ, что наживешь болѣзнь сердца,—говоритъ фрау Кеслеръ, когда Маня, вся блѣдная, падаетъ на постель.—Чего ради такъ убиваться?

— Хочу быть артисткой, а не диллетанткой... Это не дастъ мнѣ удовлетворенія...

— А Дунканъ? А Иза?.. Чему онѣ учились?

— Дунканъ—геніальна, а Иза громадный талантъ. Но она мнѣ признавалась... Она всегда жалѣла о томъ, что съ дѣтства не прошла классической французской школы... А помнишь, какъ Дунканъ выворачиваетъ руки? Глядѣть на нее страшно! Это нарушаетъ законы пластики. То, надъ чѣмъ я бьюсь, Агата, это базисъ всего... Нельзя стать піанистомъ, не изучивъ гармоніи, или написать оперу, не зная контрапункта... Такъ и

здѣсь... Вотъ я недавно отъ Марка услыхала, что всѣ эти трудности, надъ которыми мы бьемся, были знакомы танцовщицамъ еще въ Греціи...

— Да быть не можетъ!

— Есть цѣлое изслѣдованіе объ этомъ... Чего же ты удивляешься, Агата? Если для такого ремесла, какъ проституція, на Востокѣ готовились съ семилѣтняго возраста и проходили цѣлую школу, неужели такое искусство какъ танецъ, требовало меньше знанія и труда?

Изъ сорока ученицъ у Изы больше половины взрослыхъ. Всѣ онѣ пріѣзжаютъ въ своихъ автомобиляхъ или въ собственныхъ экипажахъ. Бѣдныхъ, какъ Маня, очень немного. Всѣ ученицы разбились на строго обособленныя касты. Дочери банкировъ не дружатъ съ дѣтьми артистовъ. Французскія и русскія аристократки надменно сторонятся отъ сближенія съ „мѣщанками“ Американки выдѣляются эксцентричностью туалета, вульгарностью манеръ, громкимъ, вызывающимъ смѣхомъ. Ихъ тщеславіе, ихъ ненасытная жажда новизны и зрительныхъ впечатлѣній глубоко возмущаютъ Маню... Онѣ только и болтаютъ о спортѣ, о скачкахъ, о выѣздахъ... Самыми симпатичными оказываются все-таки еврейки. Ихъ тщеславіе и мѣщанство умѣряется ихъ добродушіемъ, ихъ интересомъ къ искусству.

Богатыя дѣвушки въ кружевахъ и шелку, переодѣваясь въ уборной, щеголяютъ другъ передъ другомъ роскошью нижнихъ юбокъ и бѣлья. Маня подмѣчаетъ усмѣшки, съ которыми онѣ оглядываютъ ея скромный костюмъ... Но Маня держится какъ принцесса.

Отношеніе къ ней мѣняется внезапно черезъ какой-нибудь мѣсяцъ...

Штейнбахъ заѣхалъ за нею въ своемъ автомобилѣ. Его сразу узнаютъ... Всѣ видятъ, какъ онъ смиренно ждетъ Маню на лѣстницѣ, и какой гнѣвный взоръ кидаетъ она ему, отказываясь ѣхать... На улицѣ она говоритъ съ нимъ рѣзко и гордо...

Французскія еврейки, знающія по-русски, божатся потомъ, что они говорили на *ты*...

Маня такъ и не поѣхала съ Штейнбахомъ и пошла пѣшкомъ къ трамваю... „Какова?!."

Когда на другой день Маня входитъ въ уборную, всѣ смолкаютъ и глядятъ на нее большими глазами. Почему у нея нѣтъ бриллiантовъ? Почему она одѣвается такъ просто?.. Зачѣмъ она живетъ въ предмѣстьи, а не въ отелѣ Штейнбаха?.. Вѣдь она несомнѣнно его любовница...

— Невѣста его, — таинственно сообщаетъ m-me Фредò... И ропотъ удивленiя встрѣчаетъ эту вѣсть...

Теперь Маня могла бы ходить въ разорванной юбкѣ и дырявыхъ башмакахъ... Ей простили бы все...

У Изы есть также ученики, человѣкъ десять, не болѣе. Это рослые американцы, одни—красивые и бѣлокурые; другiе, похожiе на мясниковъ, съ широко развитыми челюстями и красными квадратными лицами. Есть и сухенькiе, юркiе французы... Маня не замѣчаетъ флирта между ними и ученицами. Напротивъ... Скорѣе какая-то профессiональная зависть и соперничество проскальзываютъ въ отношенiяхъ, ничуть не смягчая нравовъ. Всѣ слѣдятъ другъ за другомъ насмѣшливыми глазами и не прощаютъ промаховъ.

— Приходите завтра вечеромъ, — говоритъ Иза Манѣ. — У меня классъ пантомимы, и вы увидите Нильса...

А!.. Это имя у всѣхъ на устахъ. О немъ никто не говоритъ равнодушно. Маня заинтересована.

— Только сердце свое берегите! — смѣется креолка, качая головой и грозя пальцемъ. И серьги ея тоже качаются, а браслеты звенятъ.

На другой день, ровно въ шесть, Маня подымается по лѣстницѣ. Еще за дверью она слышитъ задорные звуки *fandango*. „Неужели опоздала?.. Ахъ, что за музыка!.."

Она быстро раздѣвается въ передней. Сухое, страстное трещанье кастаньетъ словно манитъ ее.

„О, какiе знойные звуки!.. Прямо жгутъ..."

Она пробирается черезъ толпу ученицъ, стоящую у входа въ классъ.

Вотъ Иза увидала ее... Кивнула и хлопнула въ ладоши аккомпаніатору...

— Начинайте сначала. Нильсъ, на мѣсто!.. Модъ, ваша шаль развязалась...

Нильсъ—испанецъ съ смуглымъ бритымъ лицомъ—оглядывается и видитъ Маню... А!.. Вотъ она!.. Онъ тоже много слышалъ о ней... Онъ улыбается... И словно свѣтлѣетъ его лицо отъ сверкнувшихъ зубовъ. Онъ издали раскланивается. Какой пластичный жестъ!..

„Красавецъ!..“ думаетъ Маня, глядя на этотъ энергичный профиль: „Неужели русскій? И что за ноги... фигура!..“

Модъ—американка. Это эффектная брюнетка, и костюмъ къ ней идетъ. Нильсъ выше средняго роста. Короткіе суконные штаны открываютъ мускулистыя длинныя ноги. Широкій пунцовый поясъ охватываетъ гибкій станъ. На головѣ красный шелковый платокъ. Конецъ его свисаетъ на плечо.

Они пляшутъ. Трещатъ кастаньеты. И сердце Мани бьется. Можно ли плясать картиннѣе? А главное, съ большей страстью и блескомъ?..

„Я безумно влюблена“, говоритъ себѣ Маня. „Неужели и я когда-нибудь буду танцовать съ нимъ этотъ танецъ?.. Вотъ будетъ наслажденіе!..“

Урокъ кончился, а она все еще грезитъ съ открытыми глазами... О чемъ?.. Ахъ, какая волна творчества поднялась въ ея душѣ!.. Такъ давно не помнитъ она этой волны... Зароились образы... Намѣтились позы... Цѣлая драма безъ словъ пронеслась въ головѣ...

Нильсъ и Модъ ходятъ крупными шагами въ разныя стороны по классу. M-me Фредо поливаетъ полъ изъ лейки, чтобъ не скользили ноги.

— Не разговаривать, Модъ! — кричитъ Иза. — Нельзя говорить послѣ танца...

Маня знаетъ это правило. Всѣ въ школѣ всегда, чтобъ „не испортить дыханья“, послѣ ряда упражненій мѣрно и молча ходятъ по классу.

Еще танецъ... И еще... Потомъ solo Нильса...

Какъ во снѣ выходитъ Маня изъ класса.

Иза подходитъ къ ней.

— Ну, какъ? Хорошъ мой Нильсъ? Тоже русскій... Да... Это

моя слава... Я учу его безплатно. Онъ кончаетъ въ этомъ году. И въ Парижѣ его уже знаютъ... Хотите, я познакомлю васъ?

— Нѣтъ... Нѣтъ!.. Не надо!.. Въ другой разъ...

Но въ корридорѣ она сталкивается съ нимъ.

Онъ что-то говоритъ, небрежно прислонясь къ стѣнѣ... Передъ нимъ хрупкая блондиночка, скромно одѣтая, какъ модистка. Она смотритъ на него влюбленными глазами и заботливо расправляетъ складку на его поясѣ.

— А ты скоро?—по русски спрашиваетъ она дѣтскимъ, звонкимъ голоскомъ.

— Если хочешь, чтобъ мы вышли вмѣстѣ, подожди меня, Милочка... Только раздѣнься, а то простудишься...

Онъ видитъ Маню и смолкаетъ.

Она проходитъ мимо, не сводя съ него глазъ. И въ этихъ темныхъ, огромныхъ глазахъ онъ видитъ столько горячаго, непосредственнаго восторга...

Лицо его дрогнуло. Онъ робко кланяется Манѣ. Она, краснѣя, опускаетъ голову... Потемнѣвшими глазами глядитъ онъ ей вслѣдъ.

За дверью Маня слышитъ ревнивый вопросъ блондинки: „Кто это?.. Новенькая?... Вы незнакомы?..“

Всю ночь она видитъ во снѣ его лицо... Звукъ кастаньетъ преслѣдуетъ ее даже на-яву...

На другой день, на урокѣ m-me Фредо, Иза подводитъ къ ней брюнета въ потертой пиджачной парѣ.

— Вотъ Нильсъ... А это m-lle Мань-я...

Она падаетъ съ облаковъ...

— Петръ Лихачевъ,—говоритъ онъ, пожимая ей руку... И весь онъ такой простой, добродушный... И вѣроятно недалекій... Ахъ, зачѣмъ они познакомились!.. Никогда не надо встрѣчаться съ артистомъ внѣ сцены...

Но Лихачевъ помнитъ ея лицо, какимъ онъ видѣлъ его въ первый вечеръ. И неотступно ходитъ за нею.

Теперь онъ появляется даже въ тѣ часы, когда идутъ уроки младшихъ классовъ. Нерѣдко провожаетъ онъ Маню до трамвая. Всѣ въ школѣ знаютъ, что онъ влюбленъ. Манѣ завидуютъ...

Одинъ разъ онъ приглашаетъ ее къ себѣ.

— Я васъ познакомлю съ женою. Она такъ много слышала о васъ...

Маня видитъ мансарду. Настоящую парижскую мансарду, гдѣ зимой холодно, а лѣтомъ нестерпимо жарко отъ нагрѣвающейся кровли. Видитъ блѣдную Милочку, которая смиренно и самоотверженно стираетъ бѣлье, готовитъ обѣдъ и отчаянно экономитъ, чтобъ выгадать два франка и отдать ихъ „Петѣ" на бокалъ гренадина въ кафе. Маня видитъ блѣдное личико дочки ихъ, родившейся тутъ же... Эту бѣдность... Это безполезное стараніе скрыть ее и казаться веселой и сытой... И бодрой... всегда-всегда...

И сердце Мани падаетъ... Трогательная Милочка!.. Весь міръ для нея въ этомъ человѣкѣ... Исчезнетъ онъ, и все будетъ кончено. Она не переживетъ измѣны.

Но онъ тоже любитъ ее, этого вѣрнаго товарища своихъ бѣдствій. Онъ заботливъ и нѣженъ. Онъ страстно цѣлуетъ хиленькаго ребенка... Скоро-скоро они всѣ вздохнутъ... Кончится кошмаръ этихъ двухъ лѣтъ. И они уѣдутъ независимыми, богатыми... Еще полгода...

Маня слушаетъ повѣсть этихъ двухъ лѣтъ борьбы. Смотритъ въ его красивое лицо, такъ добродушно улыбающееся ребенку... Видитъ, какъ онъ топитъ каминъ, какъ чиститъ овощи... И ей грустно... Развѣ это тотъ испанецъ, котораго она любитъ?.. Нѣтъ... нѣтъ... Это другой... Славный, сильный и красивый человѣкъ... Но это только Лихачевъ...

Каждый разъ, когда Нильсъ выступаетъ въ характерныхъ танцахъ или танцуетъ въ pas de trois и pas de quatre, Маня приходитъ, чтобъ глядѣть на него... И въ школѣ всѣ увѣрены, что она тоже влюблена въ Нильса...

И это правда... Она и не хочетъ лицемѣрить съ собой. Но это чувство ее не пугаетъ... Оно даетъ ей столько радости!.. Такъ много красокъ вноситъ въ ея однообразную жизнь... Она замѣтила, что лучшія темы ея будущихъ танцевъ родятся подъ эту музыку Мошковскаго, когда онъ пляшетъ, а она смотритъ на него, умиленная, благодарная...

Чей это портретъ?..—спрашиваетъ фрау Кеслеръ, неожиданно входя въ комнату Мани.

Она углемъ набросала живописную голову испанца съ платкомъ на головѣ. Сидя на табуреткѣ передъ мольбертомъ, облокотившись на колѣни и подперевъ руками голову, она не сводитъ съ него глазъ.

— Хорошъ, Агата?

— Красавецъ!..

— Это тотъ, кого я люблю...

— Что такое??

Фрау Кеслеръ чуть не роняетъ тарелку съ бобами. Маня звонко хохочетъ.

— Не волнуйся, Агата!.. Драмы не будетъ... Испанца этого нѣтъ на землѣ... Онъ живетъ только въ моей душѣ... И даритъ мнѣ счастье...

— Ха!.. Ха!.. Въ душѣ... Ну, это не страшно!.. Ахъ, Маня, Маня... Ты совсѣмъ не измѣнилась за эти годы... Помнишь, какъ ты ребенкомъ еще влюбилась въ ангела изъ нѣмецкой иллюстраціи? И какъ ты плакала и мечтала умереть?.. Романтичная ты моя головка...

Она выходитъ, смѣясь...

А Маня сидитъ неподвижно, уронивъ руки и глядя вдаль...

Куда упалъ ея взоръ?..

Черезъ гряду далекихъ лѣтъ смотритъ она. И видитъ опять прекрасное лицо, гордый профиль, неумолимый взоръ... Видитъ маленькую дѣвочку, которая въ дортуарѣ плачетъ, стоя на колѣняхъ... И страстно молитъ о чудѣ, безъ котораго жизнь не нужна.

Все блѣдно, все мелко въ сравненіи съ тѣмъ дивнымъ чувствомъ... Гдѣ ты, счастливое дѣтство?..

III.

Черезъ три мѣсяца ученья Маня оказывается мотылькомъ среди жуковъ, медленно расправляющихъ тяжелыя крылья. Сразу между нею и другими ученицами устанавливаются отношенія толпы къ таланту... И теперь Маня не можетъ удержать злораднаго чувства. Она презираетъ себя... Но стать выше

этого не можетъ... „Это восходящая звѣзда“, говоритъ Иза. „Это будущая знаменитость“, твердитъ m-me Фредо̀...

Когда Маня теперь сходитъ съ лѣстницы, гдѣ американокъ поджидаютъ ихъ поклонники или женихи, она холодно щурится на рокочущіе у подъѣзда автомобили „мѣщанскихъ дочекъ“,— какъ она ихъ называетъ. Она отлично видитъ взгляды зависти и восторга, которыми ее провожаютъ. Сухо киваетъ она въ отвѣтъ на заискивающія улыбки и привѣтствія. Демонстративно раскрывъ зонтикъ, она идетъ подъ дождемъ къ своему трамваю.

— Дорогая, позвольте васъ довезти домой,—слышитъ она за собой льстивый голосъ американки, садящейся въ автомобиль.

— Благодарю васъ,—надменно отвѣчаетъ Маня.—Намъ не по дорогѣ.

— Милая, не пріѣдете ли вы на нашъ вечеръ?—ласково обнимая талію Мани, проситъ хорошенькая еврейка.—У насъ собираются все знаменитости: артисты, художники... Пріѣзжайте съ вашимъ женихомъ!.. У насъ такъ интересно...

— Я очень тронута,—холодно отвѣчаетъ Маня, осторожно освобождаясь изъ объятій.—Но я нигдѣ не бываю...

Иза на урокахъ невозможна. Она топаетъ ногами на своихъ ученицъ, кричитъ, ругаетъ ихъ дурами на французскомъ и испанскомъ языкахъ. И обижаться нельзя... А то сейчасъ выгонитъ... Но ея нѣжность къ Манѣ отмѣчена всѣми давно. Для нея другое лицо, другія интонаціи.

Одинъ разъ, послѣ урока пластики (съ m-me Фредо̀), дверь изъ желтаго салона пріоткрылась.

Смуглое лицо креолки съ гривкой волосъ на низкомъ лбу и качающимися кольцами серегъ выглядываетъ изъ нея.

— Restes tu encore?—спрашиваетъ она Маню, сверкая черными глазами.

Протяжное „ахъ“ проносится въ классѣ...

— Si tu le veux? Avec plaisir, chère Isa,—просто отвѣчаетъ Маня. И идетъ переодѣться.

Десятки удивленныхъ глазъ глядятъ ей вслѣдъ. Онѣ говорятъ на *ты*! Съ которыхъ поръ? Неужели это возможно?

Кромѣ механики балетнаго искусства и пластики, Маня учится еще мимикѣ и собственно танцу. Для этихъ уроковъ Иза пріѣзжаетъ сама на домъ къ Штейнбаху.

— Какое странное имя „Мань-я!“ —замѣчаетъ одинъ разъ Иза за завтракомъ у Штейнбаха.—Я буду звать тебя Marie...

— Нѣтъ! Нѣтъ!—страстно срывается у Мани. Она встрѣчаетъ взглядъ Штейнбаха, и лицо ея загорается...

— Почему нѣтъ? Ха!.. Ха!.. Какая ты странная!

„Только одинъ человѣкъ въ мірѣ могъ называть меня Мари...“ думаетъ Маня.

И Штейнбахъ видитъ, какая нѣжность согрѣваетъ вдругъ ея лицо... „Улыбнулась... Точно Ниночку увидала... Неужели не разлюбила Нелидова?..“

— Зови меня Marion, Иза... Я сама не люблю моего имени...

Какъ то разъ въ уборную влетаетъ одна ученица-француженка. Это ходячая газета школы. Она клянется, что у Мани есть ребенокъ...

Этотъ шопотъ доходитъ до Мани. Еще тѣснѣе сжимаются ея губы, и надменнѣе несетъ она голову... Она видитъ тайное осужденіе въ глазахъ семитокъ, брезгливыя улыбки аристократокъ... Однѣ американки довольны. Для дѣвушки, идущей на сцену, имѣть прошлое—такъ пикантно! Не всякая бы изъ нихъ дерзнула подняться выше предразсудковъ.

Когда Маня теперь выходитъ изъ школы, ее часто душитъ отвращеніе. И темнѣетъ бѣгущая въ даль дорога ея жизни. Добиваться? Совершенствоваться? Творить? Стремиться ввысь?.. Зачѣмъ? Чтобы эти люди съ плоскими, обнаженными душами наполнили театръ?..

Она боится этихъ минутъ...

На урокахъ у Штейнбаха онъ аккомпанируетъ всегда самъ... Иза обращаетъ на него столько же вниманія, сколько на охотниковъ, трубящихъ въ рога на старомъ гобеленѣ. Она раздражительна, капризна, требовательна. Не стѣсняясь, кричитъ она и на Маню.

— Безтолковая... Дура!.. Настоящая русская дура!.. Сколько разъ я показывала тебѣ этотъ жестъ! Забыла опять? Начинай сначала...

Штейнбахъ еле удерживается отъ смѣха. А потомъ изображаетъ эту сцену, искусно копируя голосъ и акцентъ креолки.

— Нахалка,—говоритъ фрау Кеслеръ.—Сейчасъ видна дочь прачки...

Случается, что, заѣзжая за Маней, Штейнбахъ предлагаетъ фрау Кеслеръ завтракъ. Они берутъ Ниночку. Штейнбахъ это дѣлаетъ нарочно, чтобъ у Мани не было предлога спѣшить домой... Черезъ запертую дверь фрау Кеслеръ слышитъ гнѣвные окрики Изы... „Удивительно!“ думаетъ она... Почему Маня не обижается?“

Этотъ вопросъ она задаетъ самой Манѣ.

— Пусть кричитъ! Пусть бранится!—отвѣчаетъ та.—Развѣ не руководитъ ею только любовь? Великая любовь къ искусству?

Иногда Иза топаетъ ногами... Маня вдругъ съ звонкимъ смѣхомъ кидается ей на грудь. И черезъ секунду обѣ онѣ смѣются, какъ дѣти.

„Двѣ сумасшедшія“, ворчитъ фрау Кеслеръ. „А попробуй-ка это сдѣлать кто-нибудь изъ насъ!“

День Мани такъ полонъ теперь, что для любви ничего уже не остается... Но Штейнбахъ не ропщетъ. Развѣ не принадлежитъ она ему теперь всецѣло? Ему одному? Даже тѣнь соперника не скользитъ на его горизонтѣ... Страшенъ одинъ Нелидовъ... Но, вѣдь, и тамъ все кончено. И даже если когда-нибудь состоится эта встрѣча, Маня тогда будетъ женою его, Штейнбаха...

Не въ этомъ гарантія, конечно. Онъ слишкомъ уменъ, чтобъ довѣрять женщинѣ. Особенно женщинѣ, живущей чувствомъ. Но самъ Нелидовъ своей женитьбой кинулъ непроходимую пропасть между собой и Маней. Люди такого закала не измѣняютъ долгу. „Лишь-бы она никогда не узнала, что онъ былъ въ Венеціи!..“ говоритъ себѣ Штейнбахъ.

Иногда—очень рѣдко—Маня вдругъ подходитъ къ нему, блѣдная, растерянная, съ потемнѣвшими глазами... „Поцѣлуй меня!..“ глухо говоритъ она. И закрываетъ глаза съ выраженіемъ человѣка, побѣжденнаго какой-то внѣшней силой, уступающаго чему-то выше его...

И лицо у нея тогда трагическое. И темна тогда ея любовь.

Долго потомъ Штейнбахъ переживаетъ въ памяти эти минуты. Эти порывы прекрасны. Есть что-то стихійное въ страсти этой женщины. Какая-то жуткая тайна глядитъ на него изъ полузакрытыхъ глазъ ея.

И никогда онъ не можетъ забыть ея улыбки. Это блаженство, граничащее съ страданіемъ. Она искажаетъ ея черты. И, въ то же время, странно одухотворяетъ блѣдное лицо... Невольно вѣрится, что это покорность побѣжденнаго въ непосильной борьбѣ.

Но эти минуты проходятъ... И передъ Штейнбахомъ опять далекій взглядъ, насмѣшливыя уста...

Она равнодушно прощается съ нимъ, даетъ себя поцѣловать и торопливо идетъ къ двери. Она еще на порогѣ этой комнаты. Но душа полна инымъ. У нея свои интересы. Своя жизнь...

И если онъ пробуетъ удержать ее, онъ чувствуетъ отпоръ. Даже непріязнь... Точно она сдалась врагу и презираетъ себя за эту слабость. „Совсѣмъ какъ мужчина“, горько думаетъ онъ.

Одинъ разъ онъ не утерпѣлъ и высказалъ ей это. Она усмѣхнулась.

— Ты меня радуешь, Маркъ... Я хотѣла-бы всегда любить, какъ любите вы...

— Я??

— Ну, да... И ты не лучше другихъ... (Замѣтивъ странный изломъ его дрогнувшихъ бровей, она добавляетъ:) И повѣрь, Маркъ... Теперь (она подчеркиваетъ это слово) я тебѣ это ставлю въ заслугу...

— Я очень тронутъ, — подхватываетъ онъ, кривя губы.— Только я не совсѣмъ понялъ, въ чемъ моя заслуга?

— Умѣть любить безъ драмъ... Легко и радостно...

— А!..

— Вы, мужчины,—взяли ключи счастья... И давно и просто разрѣшили задачу, надъ которой мы, женщины, бьемся... Но погодите... И мы добудемъ ихъ!

— A la bonne heure.!.

Онъ распахнулъ передъ нею дверь. Она ушла. А онъ остался со своими думами.

Нѣтъ... даже въ эти минуты онъ не можетъ назвать ее *своею* вполнѣ... Власть его надъ нею еще не исчезла. Но онъ инстин

ктомъ чувствуетъ ея упорное стремленіе освободиться, ускользнуть... Куда?.. Зачѣмъ?.. Развѣ знаетъ онъ ее, эту новую Маню?.. Вѣдь это уже не та безвольная передъ его страстью, трепещущая дѣвочка, которая любила его въ Липовкѣ, въ стѣнахъ молчаливаго палаца? Даже въ этомъ таинственномъ мірѣ чувственныхъ радостей, гдѣ онъ велъ ее за собою, ослѣпшую и покорную,— она царитъ теперь... Не онъ... Она даритъ свою ласку. А онъ ждетъ, какъ рабъ, когда взглядъ ея упадетъ на него...

Но развѣ завтра этотъ взглядъ не позоветъ другого?

Что тогда?.. „Все будетъ кончено“, говоритъ онъ себѣ. „Останется только смерть“...

Любить легко и радостно... Какая иронія!.. Но Маня, очевидно, искренно вѣритъ, что онъ умѣетъ такъ любить. Она не простила ему рыжей венеціанки. Она до сихъ поръ убѣждена, что онъ съ нею провелъ ту ночь, когда онъ вышелъ встрѣтить Нелидова на вокзалѣ Венеціи, и въ этомъ безмолвномъ поединкѣ вырвалъ у него свое счастье... Но душа Мани словно переродилась съ тѣхъ поръ. Умерла довѣрчивая дѣвочка. А теперь это женщина, которая хочетъ смѣяться надъ иллюзіями и брать отъ любви одно наслажденіе, не жертвуя ей ничѣмъ... Это программа, которую она себѣ намѣтила... Хватитъ ли у нея на это силъ?.. „Увидимъ, увидимъ...“

„Это трагическая борьба“, думаетъ онъ. „Можно создать себѣ новое міросозерцаніе, проповѣдывать свободу любви и свободу *отъ любви*... Можно страстно вѣрить въ этотъ новый догматъ. Можно дерзко бросать вызовъ судьбѣ... И считать себя новой женщиной... Но что дѣлать съ старыми чувствами, воспитанными вѣками? Что дѣлать съ инстинктомъ Женственности? Съ этимъ роковымъ инстинктомъ, дремлющимъ въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ женскаго организма, за темнымъ порогомъ, куда не проникаетъ мысль?.. Что дѣлать съ этой потребностью покоряться и жертвовать, которую тысячелѣтія подчиненія развили въ женской психикѣ?“

„Освободить душу свою изъ подъ ига страсти... Наполнить эту душу великимъ стремленіемъ ввысь... Идти къ высокой цѣли, беря любовь, какъ отдыхъ и радость... Поставить эту любовь въ своей жизни на второе мѣсто. Вотъ въ чемъ ключи счастья, которые обѣщалъ Янъ женщинѣ...“

„Но развѣ одной женщинѣ долженъ былъ онъ бросить свой великій завѣтъ?.. Развѣ для меня самого—любовь не та же драма?.. Развѣ не поставилъ и я ее въ центрѣ моей жизни? Развѣ для меня она не культъ?“

„—У тебя женственная душа“,—не разъ говорила мнѣ Маня... Не въ этомъ-ли тайна моей собственной слабости?“

„И если я потеряю Маню теперь . . . .

IV.

А пока онъ дѣлаетъ все, чтобъ прикрѣпить къ себѣ Маню, чтобъ стать ей необходимымъ.

Въ Венеціи, угадавъ ея страсть къ искусству, онъ читалъ ей лекціи о живописи. Теперь онъ изучаетъ съ нею исторію танца. И эти часы она любитъ... Она готова цѣлые вечера лежать у камина, на тигровой шкурѣ, и, глядя въ огонь, слушать о сѣдой древности.

Танцы стары, какъ любовь... Это сказалъ еще Лукіанъ, жившій при Августѣ... Раньше всего ребенокъ, еще не понимающій словъ, начинаетъ чувствовать ритмъ въ качаніи колыбели, въ пѣснѣ матери.

Штейнбахъ говоритъ о таинственномъ Востокѣ.

Съ вершины башенъ халдейскіе маги въ Азіи, а въ Египтѣ жрецы глядятъ въ ночное небо, слѣдятъ за тихо плывущею луною и ищутъ угадать законы движенія звѣзднаго хоровода... Надо подражать этимъ планомѣрнымъ движеніямъ свѣтилъ вокругъ солнца-Озириса... Жрецы берутся за руки и ритмически ходятъ вокругъ жертвенника то въ одну, то въ другую сторону... Родился Озирисъ, свершилъ онъ чудеса, или умеръ и превратился въ быка Аписа, всѣ эти великія событія надо изобразить передъ молящейся толпой. Вотъ колыбель примитивнаго танца, построеннаго на хоровомъ дѣйствіи.

Но формы его однообразны, полны мистицизма. Одни жрецы имѣютъ на него право. Народъ неподвиженъ. Безмолвный, онъ только глядитъ...

— Золотой вѣкъ танца,—говоритъ Штейнбахъ, беззвучно шагая по ковру,—насталъ только въ Элладѣ... Тезей убилъ Ми-

нотавра въ лабиринтѣ. Его спасла любовь. Нить любящей Аріадны вывела его изъ жилища чудовища, откуда не выходилъ ни одинъ изъ смертныхъ. Но въ памяти героя запечатлѣлись извилистые безконечные переходы мрачнаго лабиринта... Надо возблагодарить боговъ. Надо разсказать толпѣ о подвигѣ полубога... Тезей вноситъ въ іератическій танецъ новыя извилистыя движенія, напоминающія лабиринтъ... Были только „строфы" и „антистрофы"—круговыя движенія хора въ одну сторону и въ другую... Теперь появился журавлиный танецъ... Хоръ идетъ гуськомъ, какъ летятъ птицы въ небѣ...

Вообще, воспринявъ религіозный культъ египтянъ и весь его ритуалъ, греки одухотворили его. Мистическія формы исчезаютъ въ жизнерадостной Греціи. И то, что раньше было привиллегіей жрецовъ, теперь становится достояніемъ народа. Именно здѣсь, подъ яснымъ небомъ Эллады, въ благодатномъ климатѣ страны, гдѣ человѣческое тѣло сдѣлалось высшимъ идеаломъ красоты; гдѣ сами боги, утративъ песьи и птичьи головы и таинственное обличье египетскихъ божествъ, стали людьми въ мраморѣ,—въ этой пластичной Греціи, чуткой ко всему эстетическому — танецъ могъ достигнуть наивысшаго развитія... И какъ тѣсно связанъ онъ съ другими искусствами, съ поэзіей и музыкой!.. Не изъ созерцанія-ли божественно прекрасныхъ линій тѣла, его выразительныхъ позъ, его граціозныхъ движеній—возникла скульптура?.. Не родилась-ли трагедія изъ священныхъ танцевъ въ честь Діониса?..

— Обрати, Маня, вниманіе на эволюцію танца! Красной нитью черезъ всю исторію его развитія, начиная съ древнѣйшихъ временъ и средневѣковья, и кончая ренессансомъ и нашими днями—проходитъ извѣстная идея. Сначала это религіозный ритуалъ. Затѣмъ это забава аристократіи. Наконецъ это радость народа!

— Неужели?—спрашиваетъ Маня, садясь на коврѣ и обхватывая свои колѣни. Ея лицо странно оживляется.

— Въ Греціи танецъ сталъ частью самой жизни. Онъ проникъ не только въ храмы. Въ политикѣ, въ общественности, въ семейной жизни онъ сталъ необходимымъ символомъ. Какъ въ зеркалѣ отражались въ немъ всѣ торжества, всѣ событія, всѣ страсти... Даже философскія идеи отразилъ онъ въ блестящую эпоху Перикла... Онъ разсказывалъ людямъ миѳы изъ

жизни боговъ. И онъ же несъ къ небу молитвы и мечты людей... Вся страна покрылась сѣтью общественныхъ школъ. Тамъ учили *жесту*, мимикѣ, пластикѣ, декламаціи, музыкѣ, танцу. Изъ сліянія всѣхъ этихъ искусствъ возникла Оркестика... По-нашему—интермедія... Но танецъ оставался первенствующимъ искусствомъ. Имена двухъ греческихъ танцовщицъ Эмпузы и Тимелы пережили вѣка, какъ мудрость Аспазіи и красота Фрины... Ты не устала, Маня?

— О, Маркъ! Я готова слушать до зари...

— Какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ танецъ пережилъ всѣ три фазы своего развитія. Изъ церкви онъ перешелъ во дворцы, а оттуда на площади и въ амфитеатры... Но въ демократическомъ искусствѣ исчезла мимика... самое могучее очарованіе танца, выражающая всѣ чувства и мысли... И вотъ почему... Амфитеатры были разсчитаны на десятки тысячъ зрителей. Только первые ряды могли видѣть игру лица и слышать голосъ. Поэтому надѣвали огромную маску, смѣшную или страшную. Говорили въ рупоръ, и голосъ искажался. Что же оставалось въ распоряженіи актера?

— Жесть, Маркъ! Жестъ... Я поняла...

Маня хлопаетъ въ ладоши, сидя на коврѣ.

— Конечно... Жесть занялъ на сценѣ римлянъ первенствующее мѣсто. И пантомима достигла такого развитія, что актеры цѣлые эпизоды разсказывали движеніями рукъ, головы и корпуса... А!.. И ты удивляешься? И мнѣ это кажется непостижимымъ... Но стоитъ только приглядѣться къ барельефамъ и фрескамъ той эпохи... И мы видимъ, что жесть былъ языкомъ сложнымъ, краснорѣчивымъ, картиннымъ, многообразнымъ... Танецъ, слѣдовательно, принялъ преимущественно миметическій характеръ... И въ этомъ видѣ онъ проникъ въ церковь, въ школы-палестры, въ театры... Еще Платонъ въ Греціи утверждалъ, что чувство порядка вселяется въ душу человѣка черезъ тѣло. Онъ утверждалъ, что ритмическая гимнастика учитъ этому порядку. Нума Помпилій въ Римѣ тоже считалъ ее необходимымъ предметомъ физическаго воспитанія... Но эстетическіе элементы, преобладавшіе въ танцахъ Греціи, уже исчезли въ римской имперіи... Въ Элладѣ танецъ назывался *хорейя*. Въ Римѣ—*saltatia*... Вникни въ это слово... Оно дѣйствительно

звучитъ гимнастикой, акробатами... *Salto* по-итальянски скачекъ... И музыка у римлянъ была въ упадкѣ, какъ и словесная драма... Когда же актеръ, чтобъ быть видимымъ тысячной публикой, поднялся на котурны, стѣсняя этимъ движенія ногъ, танецъ погибъ... Осталась пантомима...

Штейнбахъ беретъ изъ шкафа маленькій томикъ, въ старомъ полуоблѣзшемъ переплетѣ изъ свиной кожи, и перелистываетъ желтыя страницы съ страннымъ шрифтомъ.

— Балетъ, какъ мы его понимаемъ, возродился только при Августѣ... Тамъ были двое знаменитыхъ *мимовъ*: комикъ Баѳилъ и трагикъ Пиладъ. Вдвоемъ они открыли хореографическую школу и создали „Италійскую пляску". Это зародышъ балета... Его первоначальная форма „балетъ-дивертисментъ"... Въ него входили музыка, декламація, пантомима, конечно, и танцы. Успѣхъ эта „Италійская пляска" имѣла поразительный! Весь Римъ сбѣгался полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ. Слухи проникли даже въ провинцію... Но скоро друзья разссорились, и каждый открылъ свою школу. Тогда весь Римъ раздѣлился на два лагеря: пиладистовъ и баѳилистовъ, на *синихъ* и *зеленыхъ*. Страсти и споры разгорались, дошли до кровопролитныхъ схватокъ... Ужъ по этому одному можно судить о значеніи балета для римлянъ... Наконецъ волненія изъ столицы перебросились въ провинцію, и вся римская имперія раздѣлилась на синихъ и зеленыхъ. Чтобъ прекратить эту смуту, правительство воздвигло гоненія на театральныя зрѣлища и на актеровъ. Былъ изданъ рядъ эдиктовъ. Они то измѣнялись, то отмѣнялись... И все-таки это уже было началомъ конца...

Штейнбахъ открываетъ одну страницу старинной французской книги...

— Вотъ выдержка изъ Лукіана, жившаго при Августѣ. Изъ этого ты увидишь, какія высокія требованія римское общество предъявляло къ артистамъ... Лукіанъ пишетъ: „Танцовщикъ долженъ знать ритмъ и музыку, чтобъ давать размѣръ своимъ движеніямъ; геометрію, чтобъ чертить на землѣ свои шаги; философію и риторику, чтобъ изображать нравы и возбуждать страсти; живопись и скульптуру, чтобъ сочинять позы и группы. Онъ долженъ въ совершенствѣ знать миѳологію и исторію, всѣ событія отъ хаоса и сотворенія міра до нашихъ дней..."

Онъ закрываетъ книгу и смотритъ на Маню. Та звонко хохочетъ.

— Маркъ, лучше-бъ ты мнѣ не читалъ этого... Вѣдь ты меня убилъ...

— Напротивъ. Я хочу поднять твой духъ... Не вѣрь тѣмъ, кто считаетъ танецъ дѣтской забавой. Только невѣжды могутъ говорить такъ... Вспомни помпейскія фрески! Эти воздушныя фигуры и неподражаемую грацію ихъ... И ты поймешь, что Лукіанъ писалъ, не преувеличивая...

— Поди сюда, Маркъ!.. Покажи, что это за книга у тебя?.. 1460 годъ?.. Вотъ прелесть! И какой шрифтъ необыкновенный... Крупный какой! *Orchésographe* (L'histoire de la danse) par Antoine Taboureau chanoine,—читаетъ она вслухъ.—Духовное лицо, Маркъ? Что это значитъ? И гдѣ ты досталъ эту рѣдкость?

— Здѣсь, у букинистовъ... А вотъ еще цѣнная вещь: „Des Ballets anciens et modernes. Sélon les règles du Théatre. Père Ménétrier jésuite 1682... Издано здѣсь, rue Saint-Jacques chèz Réné Guignard... Видишь надпись: „Avec privilège du Roy“... И посвященіе... „Dédié à monseigneur le duc Daumont pair de France...“ Есть еще нѣсколько трактатовъ о балетѣ... Вотъ Боннэ... Histoire Générale de la Danse sacrée et profane. Ses progrès, ses révolutions depuis son origine jusqu'à présent... Авторъ тоже духовное лицо. И трудъ свой посвящаетъ герцогу Орлеанскому, petit fils de France... Это отъ 1724 г... Но вотъ это самое цѣнное, Маня... Я перерылъ всѣ лавки, чтобы найти эту библіографическую рѣдкость...

— Что такое, Маркъ? Рисунки?..

— Каждая страница выгравирована на стальныхъ доскахъ. Видишь, какой шрифтъ? Это издано въ Парижѣ, въ 1765 г. Авторъ *Blasis*. Онъ былъ первымъ теоретикомъ механики движеній... И первый настоящій *хореографъ*... то-есть *пишущій о танцѣ*. Мы эту книгу подробно разсмотримъ потомъ... А теперь вернемся къ римлянамъ. Вотъ трактатъ d'Aulnaye, изданный въ 1790 г. въ Парижѣ... Quai d'Augustins, въ типографіи Barrois aîné. Онъ называется „De la Saltation Théatrale (les effets de la Pantomime). Авторъ утверждаетъ, что въ Римѣ не столько танцовали, сколько жестикулировали...

— Ахъ, какъ это интересно! Мы все это прочтемъ, Маркъ?

— Непремѣнно, Маня... Особенно цѣненъ историческій трактатъ члена королевской академіи наукъ *de Cahusac*. Называется „Древній и новый танецъ“... Изданіе 1754 г.

Изъ груди Мани вырывается вздохъ.

— А вотъ еще „La danse et les Ballets depuis Bacchus jusqu'à Mademoiselle Taglione“. Это уже отъ 1832 г... Очень интересенъ трактатъ Charles Magnin, membre de l'Institut... Это аналитическій и серьезный трудъ. Называется онъ: „Les origines du théatre antique et du théatre moderne ou l'histoire du génie dramatique depuis le I jusqu'au XVI siècle...“ Напечатано въ Парижѣ. Видишь? Place de la Sorbonne, у Auguste Eudes.

— Какъ дивно пахнетъ отъ этихъ книгъ! Прошлымъ... тлѣніемъ...

Пока Штейнбахъ аккуратно прячетъ эти сокровища въ шкафчикъ empire, Маня опять ложится ничкомъ. Она смотритъ въ каминъ, облокотясь на земь и подперевъ голову руками.

— Почему ты все это купилъ и все изучаешь такъ добросовѣстно?

— Странная женщина! Развѣ ты не будешь танцовщицей? На всѣхъ путяхъ жизни я хочу быть рядомъ съ тобою...

Рѣсницы ея вздрагиваютъ. Она все также пристально смотритъ въ огонь, не мѣняя позы. Но онъ чувствуетъ, что она обдумываетъ эти поразившія ее слова.

— Видишь ли, Маня?.. Духовенству и іезуитамъ больше всего мы обязаны тѣмъ, что до насъ дошли преданія о балетѣ въ древности и въ среднихъ вѣкахъ... На чемъ я остановился?

— На паденіи балета у римлянъ...

— Да... Паденіе это, конечно, вызвано было не императорскими эдиктами. Они не могли истребить прирожденную человѣку любовь къ искусству. Не могли бороться съ жаждой зрѣлищъ... Но подоспѣли внѣшнія обстоятельства: вторженіе варваровъ и паденіе римской имперіи. Эстетическая струя на время изсякла. Искусства умирали медленной смертью... Но все еще могло бы возродиться, если-бъ въ міръ не явилось христіанство...

— Такъ это оно убило танецъ, Маркъ?—задумчиво глядя въ огонь, спрашиваетъ Маня.

— Чуть ли не выше мудрости цѣнилъ древній міръ силу

и красоту тѣла. Для христіанской церкви нагота казалась безстыдной, плоть грѣховной, радость и любовь—соблазномъ. На статуи накинули одежды... Скульптура погибла, какъ и живопись. Сохранились только народные или характерные танцы. Исчезли религіозные и общественные, въ которыхъ таились самые высокіе элементы искусства... Но стихійно въ человѣкѣ влеченіе къ танцу. И христіанство не могло его истребить. Замѣть, Маня... въ средніе вѣка опять танецъ переживаетъ ту же эволюцію. Церковь, сначала осудившая языческій культъ и его ритуалъ, чтобъ сохранить свое вліяніе должна идти на уступки и санкціонировать пляску... И вотъ мы видимъ странное зрѣлище: въ честь духовныхъ особъ или въ память великихъ событій устраиваются религіозныя процессіи, хороводы и пляски. Совершенно тѣ же, что были въ языческой Греціи и въ римской имперіи. Особенно процвѣталъ этотъ „духовный балетъ" въ странахъ, имѣвшихъ сношенія съ Востокомъ: въ Италіи и Испаніи. Тамъ танецъ проникъ даже въ церкви, даже на кладбище...

— Какая побѣда, Маркъ!..

— Неправда ли, Маня?.. Въ вѣкъ аскетизма, въ вѣкъ изувѣрства—человѣкъ борется за красоту, за идеалы, завѣщанные язычествомъ, за любовь къ природѣ и жизни, за высокое и свѣтлое искусство...

Штейнбахъ медленно ходитъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, задумчиво глядя на узоръ ковра.

— Но вотъ наступилъ моментъ, когда балетъ долженъ былъ стать достояніемъ богатыхъ и знатныхъ. Королей и придворныхъ. Изъ духовнаго онъ сталъ свѣтскимъ... Это случилось въ XV столѣтіи...

— Въ вѣкъ кватроченто?.. Когда возродилась и живопись?

— Да... да... Живительный вѣтеръ, внезапно подувшій надъ Европой, развѣялъ удушливый туманъ схоластики. Онъ разогналъ полумракъ, въ которомъ бродили люди. Разорвалъ нависшія надъ землей тучи... Словно солнце брызнуло надъ оцѣпенѣвшимъ міромъ. Все возродилось, все расцвѣло: живопись, скульптура, музыка. Возродился и балетъ... Городъ Тортона пожелалъ устроить праздникъ въ честь Галеаццо, миланскаго герцога и супруги его Изабеллы Аррагонской. Городъ поручилъ организацію празднества итальянскому дворянину Бергандіо-ди

Боттà. Онъ блестяще справился съ задачей. Онъ создалъ аллегорическій балетъ... Тутъ было все: танцы, хороводы, процессіи, затѣмъ битва и тріумфальный маршъ... все, что могло волновать умы современниковъ и возбуждать ихъ страсти... Слава этого балета прогремѣла далеко за предѣлы Тортоны... Теперь каждый монархъ желаетъ имѣть свой придворный балетъ... Свадьба, рожденіе принца, посѣщеніе высокихъ гостей — все даетъ пищу балету-дивертисменту и аллегоріи... Наконецъ, папа и кардиналы, очарованные зрѣлищемъ, начинаютъ покровительствовать балету. Впрочемъ, всѣ искусства обязаны своимъ расцвѣтомъ просвѣщенному духовенству... особенно папамъ изъ рода Медичи... Во Франціи королева Катарина, тоже изъ рода Медичи, первая основала балетъ... Снова одна за другой возникаютъ хореографическія школы. Зарождается и воскресаетъ балетъ-пантомима. Маски остаются. Мимика по-прежнему отсутствуетъ. И драма еще въ зародышѣ... Обычай не дозволяетъ женщинѣ выступать на сценѣ. Всѣ женскія роли исполняютъ мужчины. Нѣтъ тонкости рисунка, нѣтъ проникновенія и психологіи... Дворъ Валуа наслаждается декламаціей, пантомимой на миѳологическіе сюжеты, пляской выдающихся актеровъ и живыми картинами...

— А когда же, Маркъ, женщина появилась въ балетѣ?

— Въ вѣкъ Людовика XIV. Это былъ вѣкъ расцвѣта всѣхъ искусствъ. Король - Солнце покровительствовалъ музыкальной академіи. Изъ нея возникла потомъ Парижская Опера... Людовикъ же основалъ академію танцевъ... Такимъ образомъ зрѣлища утратили придворный характеръ. Они стремились стать популярными... Въ тѣ годы въ Парижѣ жилъ знаменитый музыкантъ Люлли. Другъ его—тоже композиторъ и одновременно поэтъ—Квинольтъ сталъ творцомъ *балета-оперы.* Люлли написалъ *Le Triomphe de l'Amour* (Торжество любви). И вотъ впервые на сценѣ Парижской оперы въ этомъ балетѣ появилась женщина...

Маня хлопаетъ въ ладоши и радостно смѣется.

— Долой маски, Маркъ?

— Да... Танцовщица явилась съ открытымъ лицомъ... Ты даже не можешь себѣ представить теперь, какое значеніе для развитія балета-драмы и для сценическаго искусства, вообще,

имѣла эта дерзкая реформа... Всѣ традиціи рухнули... Во времена регентства знаменитая танцовщица Комарго появилась на сценѣ въ короткомъ платьѣ. Клеронъ уже была въ трико... и отказалась отъ фижмъ, безобразившихъ фигуру... Всѣ постепенно приближались къ античному идеалу... И, наконецъ, явилась Салле... Она танцовала въ кисейной греческой туникѣ и съ распущенными волосами...

— Даже тогда? — вскрикиваетъ Маня.

— Великая реалистка Гимаръ въ концѣ XVIII-го столѣтія одѣвалась на сценѣ соотвѣтственно исполняемой роли. Но реформа коснулась не только костюма... Танецъ самъ сталъ развиваться. Техника его достигла совершенства. Вернулись тройные пируэты наноскахъ и антраша, извѣстные еще классическимъ танцорамъ... Особенно прославился своей виртуозностью де-Вестрисъ... впослѣдствіи его сыновья. Но они и послѣдователи ихъ исказили идею балета, привили танцу вычурность. Истиннымъ создателемъ *балета-драмы* явился Новерръ... Для балета онъ былъ тѣмъ, чѣмъ Рафаэль для живописи. Взгляни... вотъ его *Lettres sur la Danse*...

Маня съ благоговѣніемъ беретъ маленькую книгу, изданную въ Штудтгардтѣ въ 1760 г. съ наивными заставками, съ странной печатью и архаическими буквами. Вмѣсто „je suis“ стоитъ „je fuis“. И надо имѣть хорошее зрѣніе, чтобы различать сразу *f* и *s*, почти одинаковые по виду. Вмѣсто „il avait“ стоитъ il avoit. Какъ у Раблэ, котораго онѣ съ Соней читали въ гимназіи.

— А вотъ его портретъ...

— Какой красавецъ! — говоритъ Маня, беря гравюру изъ рукъ Штейнбаха. Голова въ напудренномъ парикѣ, съ энергичнымъ профилемъ и огромными пламенными глазами, дѣйствительно, великолѣпна.

— Когда Новерръ писалъ эту книгу, онъ былъ придворнымъ maître des ballets въ герцогствѣ Вюртембергскомъ. Всѣ государства увлекались тогда балетомъ... Даже въ Петербургѣ при Елисаветѣ онъ уже развивался, а при Екатеринѣ свой балетъ былъ у каждаго вельможи. Новерра вдохновилъ Кагюзакъ... Я тебѣ показывалъ его историческій трактатъ о танцѣ? Давно забытая *мимика* воскресла въ творчествѣ Новерра и легла въ основу новаго балета-драмы... Новерръ возмущался

вычурностью балета... Онъ не допускалъ его прикладной, второстепенной роли при оперѣ. „Балетъ это драма“, говоритъ онъ. „Танцы тѣсно связаны съ сюжетомъ и вытекаютъ изъ него. Мимика выражаетъ характеръ, мысль и чувства...“ Ты видишь, что всѣ эти принципы воскрешали античную пляску Греціи, древнюю мимическую драму... Можешь себѣ представить, какую революцію произвели они въ театрѣ! Имя Новерра прогремѣло по всей Европѣ, дошло даже до Петербурга, куда его приглашали. Въ 1763 г. 13-го іюня въ Парижской Grand-opera впервые даны были отрывки изъ балета-пантомимы Новерра *Медея* и *Язонъ*. Это была уже настоящая трагедія... Но мужчины еще не рѣшались отказаться отъ маски. Понадобилось десять лѣтъ борьбы и страстной пропаганды. И только въ 1772 г. танцоръ Гардель, любимецъ Парижа, появился на сценѣ съ открытымъ лицомъ... И мимика, античное искусство, стала быстро развиваться на сценѣ. Когда-же Новерръ получилъ должность придворнаго балетмейстера въ Парижѣ въ 1780 г.,—балетъ-пантомима воскресъ послѣ семнадцати вѣковъ забвенія... Имъ восторгались Дидро, Вольтеръ, Руссо...

— Даже они!!—хохочетъ Маня и хлопаетъ въ ладоши.

— Во времена революціи и директоріи—балетъ-пантомима былъ уже въ полномъ расцвѣтѣ. Хореографическія школы Франціи дали цѣлую плеяду талантливыхъ танцоровъ и танцовщицъ... Но Италія опередила ее. И немудрено... Тамъ отъ маски отказались раньше... Изъ знаменитыхъ школъ Милана и Неаполя вышли безсмертныя звѣзды балета: Марія Тальони, Карлотта Гризи, Фанни Чирито, Каролина Розатти... Всѣ онѣ стремились въ Парижъ, тамъ и дебютировали... Особенно прославилась мимическимъ талантомъ Аннунціата Рамачини въ балетѣ *Тщетная предосторожность*... Его авторъ Доберваль былъ ученикомъ Новерра... Вообще, въ XIX-мъ столѣтіи балетъ достигъ совершенства, какъ эстетическое зрѣлище. Имъ восторгались Гёте и Шиллеръ. О немъ писалъ суровый Карлейль... Адамъ Смитъ и Локе, какъ Платонъ когда-то, придавали воспитательное значеніе искусству танца. Въ сороковыхъ годахъ, въ эпоху романтизма были написаны самые волнующіе, самые прекрасные драмы-балеты: *Эсмеральда* на сюжетъ Виктора Гюго, *Жизель* на сюжетъ Теофиля Готье, *Фаустъ*, *Корсаръ*, *Катарина*, *Сомнамбула* и другіе...

Штейнбахъ садится рядомъ съ Маней у камина.

— Теперь ты спросишь, почему выродился и палъ балетъ? Много причинъ на это... Въ объединившейся Германіи растворились крохотныя королевства. Обѣднѣли герцоги. А королямъ-меценатамъ, потерявшимъ корону, было не до искусства... Субсидіи прекратились. Въ Италіи народъ возсталъ за свою свободу. Во Франціи подъ Седаномъ хоронили имперію, покровительствовавшую балету, и въ кровавыхъ мукахъ рождалась республика... Жизнь осложнилась, отчаянно обострилась борьба за существованіе... Самая демократическая страна — Франція — до сихъ поръ не создала народнаго театра, такого, „гдѣ дешевыя мѣста не были бы пыткой...“ Такъ пишетъ Роменъ Ролланъ... А въ Вѣнѣ помнишь театръ, гдѣ толпа стояла за рѣшеткой?

— Ужасно!.. Я до сихъ поръ безъ содроганія не могу объ этомъ вспомнить...

— Проработавъ цѣлый день, эти люди спѣшили въ театръ. Зачѣмъ?.. Чтобы обогатить душу незнакомой красотой... А ихъ заставили стоять три часа за рѣшеткой, потому только, что у нихъ не было денегъ, чтобъ заплатить за стулъ... И кто поручится, что физическая усталость послѣ одного такого вечера не перевѣситъ въ душѣ рабочаго любви къ искусству и не убьетъ его влеченія къ красотѣ?

— Мнѣ было стыдно на нихъ оглянуться, Маркъ...

— И всюду, Маня, такъ! Но на Западѣ искусства уже потеряли поддержку государства... Усложнилась жизнь, и родились другія серьезныя общественныя потребности. Театры перешли въ руки частныхъ предпринимателей, ничего не имѣющихъ общаго съ искусствомъ. Это грубые эксплоататоры. Это они подняли цѣны на мѣста, чтобы окупить расходы на пѣвцовъ и артистовъ. Для балета остается немного... Его урѣзали. Онъ опять потерялъ самостоятельное значеніе, сталъ дивертисментомъ или частью оперы. Онъ вернулся къ тому, съ чего начиналъ когда-то... Но самое важное то, что балетъ не успѣлъ пережить третьей фазы своей эволюціи и стать народнымъ общедоступнымъ зрѣлищемъ. А всякое искусство, порвавшее связь съ народомъ или не сумѣвшее заинтересовать его, роковымъ образомъ обречено на вырожденіе...

Маня порывисто приподнимается на коврѣ. Стоя на колѣняхъ передъ Штейнбахомъ, она смотритъ на него огромными глазами. Губы ея полуоткрыты.

— Что ты, Маничка?

— Маркъ... Ты въ это вѣришь... что искусство должно быть народнымъ?

— Конечно... Оно должно быть достояніемъ массъ, а не привиллегіей немногихъ. Цѣль прогресса въ томъ, чтобъ художники писали для музеевъ, а писатели для безплатныхъ читаленъ; чтобъ театры стали народными; чтобъ искусство вошло въ жизнь націи какъ необходимый эстетическій элементъ... какъ радость, красота и отдыхъ для трудящихся, а не забава для праздныхъ...

Она садится опять, какъ бы обезсиленная наплывомъ впечатлѣній.

— Я это думала всегда... Нѣтъ, не думала... Я это чувствовала... Ахъ, Маркъ, какъ я несчастна, что живу теперь!.. Я тоже должна стать не радостью... какъ ты это сказалъ?.. Не радостью и красотой трудящихся, а забавой сытыхъ и праздныхъ...

V.

За веселыми праздничными обѣдами Штейнбаха Изу разбираютъ, что называется, по косточкамъ. Фрау Кеслеръ ревнуетъ и потому она безпощадна. Штейнбахъ только изрѣдка вставляетъ ѣдкія замѣчанія.

— Она отвратительна!—говоритъ фрау Кеслеръ.—Неряха... какъ всѣ южанки... Въ домѣ пыль. Въ шкафахъ—хаосъ... И она бьетъ по щекамъ прислугу и швыряетъ въ нее тарелками. Ты это знаешь или нѣтъ? Ни одна француженка не согласилась бы жить у нея...

— А почему же Мими ее обожаетъ?

— Потому что въ жилахъ ея течетъ кровь рабовъ,—тихонько замѣчаетъ Штейнбахъ.

— Конечно... Она ни во что не ставитъ побои и оскорбленія. Ей подарятъ старую шелковую тряпку, и она счастлива. Чего вы хотите отъ дикарки?

— Онѣ двадцать лѣтъ живутъ, не разставаясь. Вѣдь онѣ молочныя сестры. Мими выходила Изу, когда та умирала отъ обострившейся болѣзни сердца. И она всегда спитъ у ея постели, на полу, рядомъ съ собаками...

— И тебя это не возмущаетъ? — спрашиваетъ Штейнбахъ.

— Ничуть... Любовь всегда ищетъ выраженій. У негритянки своя манера выражать ее.

— Ахъ, Манька!.. До чего я тебя ненавижу въ такія минуты... Ты споришь только изъ упрямства...

Но Маня становится странно-задумчивой...

— Любить такъ, какъ Мими? Развѣ это не есть само по себѣ счастіе, Агата?

Штейнбахъ невольно подается впередъ. Что она думаетъ? Что вспоминаетъ?.. Вотъ онъ заговорилъ, этотъ инстинктъ женственности, дремлющій за порогомъ сознанія... И все измѣнилось въ ней разомъ: голосъ, глаза, улыбка...

— Ты-то ужъ очень способна такъ любить!—язвительно подхватываетъ фрау Кеслеръ.

Маня переводитъ на нее свой мечтательный взглядъ, полный грусти и покорности.

— Я такъ люблю Ниночку, — просто говоритъ она.

Но разговоръ вдругъ падаетъ... Всѣмъ точно жутко стало.

Въ другой разъ Штейнбахъ начинаетъ разсказывать: онъ познакомился съ ученицами Изы, богатыми еврейками. Все это міръ банкировъ и купцовъ. Онѣ ужасаются алчностью Изы... Она назначаетъ такія цѣны за урокъ...

— Не дороже платьевъ и кружевъ, которыя носятъ эти дамы?

— Я понимаю... Каждый вправѣ цѣнить твой трудъ... Но ихъ возмущаетъ ея манера... Она стучитъ по крышкѣ піанино и говоритъ на своемъ ломаномъ языкѣ (Онъ ловко передразниваетъ Изу): „Деньги сюда!.. Деньги впередъ... Я никому не вѣрю!..“

— Торговка!—срывается у фрау Кеслеръ.

Маня звонко хохочетъ.

— Тебѣ и это нравится? — спрашиваетъ Штейнбахъ, язвительно улыбаясь.

— Это, пожалуй, больше всего... Сколько здѣсь презрѣнія къ этимъ дамамъ!

Штейнбахъ заѣхалъ къ Манѣ предупредить ее, что Мими звонила къ нему. Урока нынче не будетъ.

— Что такое? Иза больна?

— Нѣтъ, она здорова. Но больна ея собачка... Иза плачетъ и ждетъ доктора...

— Дура!—свирѣпо говоритъ фрау Кеслеръ.—Людей бьетъ по щекамъ, а надъ собаченкой плачетъ...

— А почему ты думаешь, что люди имѣютъ больше правъ на сочувствіе, чѣмъ животныя?

— Ну... ну... продолжай!—подхватываетъ фрау Кеслеръ, подбочениваясь.—Послушаемъ твои бредни... Вооружитесь терпѣніемъ, Маркъ Александровичъ!..

— Это я вамъ совѣтую,—улыбается Штейнбахъ.

— Вспомни, что Байронъ написалъ на могильномъ памятникѣ своей собаки: „Моему единственному другу...“

— Это рисовка... У него была мать...

— Конечно... Она сбросила его съ лѣстницы въ припадкѣ гнѣва и на всю жизнь сдѣлала калѣкой... У него и жена была, Агата, которую онъ любилъ искренно... Но развѣ она не разсталась съ нимъ изъ-за сплетенъ и лицемѣрныхъ требованій свѣта? У него и друзья были. Но не они ли обливали его грязью и своей клеветой изгнали изъ Англіи?

— Диѳирамбъ собакѣ,—кривя губы, говоритъ Штейнбахъ.

— Вовсе нѣтъ... Все той же Изѣ...

— И я вполнѣ ее понимаю... Когда у меня Ниночка больна, я тоже не могу работать.

Лицо фрау Кеслеръ багровѣетъ.—Вы слышите эти сравненія?.. Убирайся, убирайся... Я не хочу съ тобой говорить!.. Ступай, обнимись съ своей Изой...

— Агата, милая... Не огорчайся! Ну, поцѣлуй же меня... Я не разлюбила тебя... Но, видишь ли? У меня двѣ души. Одна изъ нихъ съ тобою, другая съ Изой...

„А мнѣ что же остается?“ съ ироніей хочетъ спросить Штейнбахъ. Но молча развертываетъ газету.

Фрау Кеслеръ права, ревнуя къ креолкѣ... Все сказочное и мистическое въ душѣ самой Мани: ея предчувствія, суевѣрія, ея жажда творчества, ея порывы ввысь,—все, что такъ чуждо трезвой Агатѣ, и что Маня переживала до сихъ поръ въ одиночествѣ, — она нашла это у Изы... Во многомъ она узнаетъ себя, когда Иза плачетъ отъ неудавшагося пасьянса или когда она, какъ ребенокъ, радуется прогулкѣ въ лѣсу и солнцу. Онѣ обѣ любятъ сказки. Онѣ обѣ грезятъ на яву. Онѣ вѣрятъ въ свои сны... Онѣ цѣнятъ выше всего въ жизни свои настроенія... Скрыться изъ дома внезапно и весь день просидѣть въ лѣсу, въ глухой аллеѣ, безмолвно, безъ думъ, какъ животное... Слѣдить, какъ падаютъ золотые листья, какъ паутина летаетъ въ воздухѣ и садится на лицо... Забыть объ обѣдѣ... о тѣхъ, кто ждетъ тамъ, дома... Отрѣшиться отъ себя. Почувствовать всѣми фибрами таинственную связь съ природой... Ахъ, Иза это понимаетъ! Она не назоветъ ее безумной. У нея тоже нѣтъ привычекъ и уваженія къ обычаямъ, свойственнаго культурнымъ людямъ. Иза какъ и Мими... „Какъ и я", думаетъ Маня. „Развѣ не называлъ меня Николенька дикаркой?"

И въ этомъ желтомъ салонѣ креолки Маня нашла то, чего не даютъ ей стильныя комнаты Штейнбаха. Она нашла себя.

Онѣ понимаютъ другъ друга иногда съ полуслова... Даже въ молчаніи ихъ души близки. Вотъ почему Маня такъ любитъ кататься въ лѣсу съ Изой, ѣздить съ нею въ оперу или драму... Любитъ молчать у ея камина. Любитъ слушать ея болтовню за дымящейся чашкой шоколада.

И въ этой бесѣдѣ, или въ лѣсу, на прогулкѣ, или на урокѣ— здѣсь чаще всего—Маня переживаетъ рѣдкія и цѣнныя минуты. Тогда съ души Изы спадаетъ все будничное, мелочное, отталкивающее; весь мусоръ, накопившійся въ ней за долгіе годы сперва нужды, потомъ борьбы за извѣстность; въ столкновеніяхъ съ импрессаріо, эксплоатировавшими ея талантъ; съ продажной прессой; съ грубо-чувственной любовью поклонниковъ... Душа эта внезапно встаетъ передъ Маней—непосредственная, какъ въ годы дѣтства, открытая для прекрасныхъ порывовъ, полная жизни и веселья, несмотря на тяжелый недугъ, лишившій Изу сцены!.. Но только здѣсь, въ этой неряшливой комнатѣ, лицо великой артистки выглядываетъ внезап-

но изъ-подъ покрова обыденщины. И только тутъ надо искать настоящую Изу. Изу—ребенка. Изу—поэта.

Креолка привязалась къ своей ученицѣ бурнымъ чувствомъ, свойственнымъ только истеричкамъ; чувствомъ, гдѣ странно слились восторгъ и раздражительность; зависть и нѣжность; жажда власти и жажда поклоненія; ревность и загадочный страхъ предъ Маней, которая иногда кажется креолкѣ человѣкомъ съ другой планеты.

Часто послѣ урока, когда дверь запирается за послѣдней ученицей, Иза съ сверкающими глазами бросаетъ Манѣ: „Tu restes?“ Оказывается, что Иза купила новыя cartes postales. Ихъ надо разсмотрѣть... Иза восторгается ими, собираетъ ихъ.

И вотъ Мими подаетъ имъ фрукты, ликеръ и бисквиты. Усѣвшись глубоко въ креслахъ, у лампы, онѣ застывшими глазами глядятъ на алжирскую улицу или пустыню Египта въ лунную ночь... Или на Геннисаретское озеро въ блѣдно-розовой утренней дымкѣ, съ стадомъ овецъ и задумчивой, одинокой фигурой пастуха... Все осталось здѣсь, какъ было 2000 лѣтъ назадъ... И обѣ женщины отдаются наслажденію созерцанія, понимая другъ друга безъ словъ.

А иногда Иза хандритъ. Въ эти дни она дѣйствительно швыряетъ тарелками въ лицо Мими... Накидывается съ необузданной бранью на Маню, запоздавшую на четверть часа. И Маня глядитъ на нее съ сожалѣніемъ, какъ на помѣшанную. Доброта и жестокость, энтузіазмъ и мелочность странно сочетаются въ этой душѣ.

Но Маня понимаетъ причину этой тоски и взрывовъ отчаянія. Талантливая артистка покинула сцену въ самомъ разгарѣ славы, потому что подкрался неизлечимый недугъ. А что вызвало его? Не борьба ли за жизнь и извѣстность?

— Не плачь,—говоритъ Маня, обнимая артистку и гладя ея жесткіе волосы.—Надо бороться и искать новую радость...

— Какую?.. Мнѣ уже сорокъ пять лѣтъ... Болѣзнь меня искалѣчила. Позаймусь съ вами, уже задыхаюсь... А что впереди? Старость. Одиночество... Тебѣ легко утѣшать въ твои двадцать лѣтъ, когда тебя ждетъ слава и любовь... Ты завоюешь жизнь. А меня она разбила...

— А ты думаешь, меня она пощадила? Нѣтъ, Иза... И меня

она схватила за горло... и бросила на землю... Но видишь? Я поднялась и иду опять... Иду въ гору... Не плачь!.. Поищемъ вмѣстѣ... Мы, быть можетъ, найдемъ эту радость...

Марья Сергѣевна...

Нѣтъ... нѣтъ... ради Бога!.. Для васъ... и для всѣхъ я только Marion...

— Marion... Чудная, божественная Marion... Вы съ ума меня сводите!

Онъ говоритъ ей это, стоя съ нею въ полусвѣтломъ корридорѣ, близъ класса, улучивъ минутку перерыва. За дверью слышенъ гулъ голосовъ, точно въ ульѣ, потомъ рѣзкій крикъ... Это Иза ругаетъ участвующихъ въ пантомимѣ, которую онѣ разучиваютъ. Американки танцовали, растопыривъ пальцы. Это недопустимо... Руки должны быть изящны. Пальцы согнуты извѣстнымъ образомъ. Нигдѣ не должно быть угловъ. Только округлости... Маня это почувствовала чутьемъ художника. Никогда не дѣлаютъ этихъ замѣчаній... Ей смѣшно...

— Vous êtes toutes des grenouilles! (Вы всѣ лягушки!)—кричитъ Иза, отчаянно картавя.

Маня хохочетъ, а Лихачеву досадно. Сейчасъ Иза кончитъ свой разгонъ... Сюда войдутъ...

Лихачевъ и Маня оба въ испанскихъ костюмахъ. Подъ гримомъ и въ этомъ туалетѣ Маня красавица. Неправильность чертъ ея забывается, когда видишь эти громадные удлиненные глаза и сверкающую улыбку. Лихачевъ тоже удивительно эффектенъ. И костюмъ онъ умѣетъ носить... Въ глазахъ Мани все еще не угасъ восторгъ, какой она испытываетъ, танцуя съ нимъ.

— Какъ вы плясали сейчасъ, Marion!.. Я безумно влюбленъ въ васъ... Вотъ вы опять смѣетесь?..

— Да... Мнѣ всегда весело, когда вы говорите о любви...

— Жестокая!.. Неужели вамъ пріятно меня мучить?

Маня звонко смѣется.

— Мучить васъ? Ахъ, милый Нильсъ!.. Бросьте жалкія слова... Ей-Богу, это не изъ вашего амплуа. Какъ я завидую вашей ясной душѣ!

— Да вы прямо смѣетесь надо мною!.. Моя душа раскололась пополамъ... Я ночей не сплю... Зачѣмъ вчера вы дразнили меня?

— Я? Васъ??

— Зачѣмъ вчера въ танцѣ, когда я шепнулъ вамъ... „Люблю...“ Вы отвѣтили: „Я тоже...“ Вы играете мною?

— Ничуть... Я и люблю васъ... но только тамъ на сценѣ... вотъ въ этомъ костюмѣ...

— Не все-ли равно? Вѣдь это я...

— Нѣтъ, не вы!.. Не вы... Это другой... Неужели вы не понимаете, что жизнь одно, сцена другое?

Лихачевъ хруститъ пальцами... Обхватилъ бы ее сейчасъ и зацѣловалъ бы!.. Змѣя... Такъ и скользитъ между пальцевъ!

Крики Изы смолкли. Шаги ближе... Дверь распахивается. Злыя усмѣшки и удивленные взгляды словно обнимаютъ эту парочку. У Лихачева лицо злое и смущенное. Маня съ спокойной улыбкой выдерживаетъ этотъ натискъ любопытства.

Кивнувъ головой Нильсу, она идетъ переодѣваться. Классы кончены.

На улицѣ Лихачевъ догоняетъ Маню. Она оглядывается, и въ лицѣ ея разочарованіе.

— Неужели вы не видите, что я страдаю?—говоритъ онъ ей капризнымъ тономъ человѣка, не привыкшаго встрѣчать отпоръ.

Она грустно улыбается... О немъ-ли грезитъ она весь этотъ мѣсяцъ, обдумывая детали пантомимы, въ которой публично выступитъ скоро?.. Выступитъ въ первый разъ?..

Нѣтъ, нѣтъ... Далекъ и ненуженъ ей этотъ Лихачевъ, который шагаетъ вотъ тутъ, рядомъ съ нею, унылый и смѣшной въ своемъ старомодномъ пальто... Она думаетъ о красавцѣ-испанцѣ, который пляшетъ съ нею въ пантомимѣ и (по замыслу Изы) преслѣдуетъ ее своей любовью... Его глаза, его губы, его движенія чаруютъ и вдохновляютъ ее... Она любитъ этого испанца.

— Не сердитесь, милый Нильсъ... Сцена и успѣхъ залѣчатъ всѣ ваши раны...

— Я буду думать о васъ всю ночь... цѣловать васъ буду во снѣ!

— Я тоже...

— Вотъ видите... видите... Это не называется дразнить?.. Вы безжалостная кокетка!..

— Неправда, Нильсъ!.. Вы не умѣете цѣнить моей искренности... Васъ любитъ артистка, а не женщина .. Вы мое вдохновеніе... Моя радость... Неужели вамъ этого мало?.. Сейчасъ вотъ я сяду въ трамвай, закрою глаза и всю долгую дорогу буду видѣть ваше лицо подъ гримомъ, ваши глаза, ваши жесты... Постойте!.. Не перебивайте... Я лягу въ постель и буду обдумывать... благоговѣйно... слышите ли?.. Благоговѣйно буду обдумывать мою роль... Все ли я вѣрно поняла?.. Все ли я сумѣла передать?.. По-моему нынче вкралась какая-то дисгармонія... Вы что-то упустили... а можетъ и я... Это надо обдумать...

— Все возможно... Я голову теряю... Я могу провалить роль...

— Молчите, Нильсъ!.. Не терять должно искусство отъ всего, что мы переживаемъ, а выигрывать... Иначе мы съ вами не артисты, а диллетанты... И потомъ вы ошибаетесь... Или я знаю васъ лучше, чѣмъ вы себя знаете?.. Сцена ваша стихія... Вы счастливѣе и сильнѣе меня... И въ своемъ чувствѣ ко мнѣ вы тоже заблуждаетесь... Вы любите вашу жену, какъ женщину... А меня... замолчите!.. Я знаю... А меня, какъ красоту... какъ вдохновеніе... Вотъ почему я радостно смѣюсь, когда вы говорите мнѣ о любви... Я горжусь этимъ... Я счастлива... Вотъ и мой трамъ... До свиданія, Нильсъ!.. До завтра...

Онъ смотритъ ей вслѣдъ потемнѣвшими глазами... Какимъ голосомъ она сказала сейчасъ это „до свиданія!..“ Точно влюбленная, которая не дождется поцѣлуя... Это не игра... Такъ не задрожитъ нарочно голосъ... Но что-же тогда?.. Что?

VI.

Въ большомъ и уютномъ номерѣ Лоскутной гостиницы Катя сидитъ за остывшимъ самоваромъ. Передъ нею опустѣвшая коробка конфетъ. Она пробуетъ послѣднія, откусываетъ по кусочку и смакуетъ начинку... „Надо нынче опять купить... Только ужъ въ другой кондитерской...“ думаетъ она, дѣлая гримаску.

Въ дверь стучатъ, и тотчасъ входитъ Нелидовъ.

Она бѣжитъ навстрѣчу.

— Не простудись, Катя... Я раздѣнусь... Очень морозно.

— Пустяки... Отъ кого письмо?..

— Отъ мама... Ты ничего не имѣешь противъ того, чтобъ дома встрѣтить Новый годъ?.. Мама тоскуетъ. И одной ей тяжело вести хозяйство...

— Конечно, Николенька!.. Поѣдемъ хоть завтра...

— А ты не соскучишься?—робко спрашиваетъ онъ.

— Съ тобою?—вскрикиваетъ она. Крѣпко прижавшись къ нему, она, какъ кошечка, трется объ его плечо щекой. Ее опьяняетъ запахъ его одежды, запахъ его бороды и кожи.

— Хоть на край свѣта съ тобою, Николенька!—страстно шепчетъ она. И въ ея влажныхъ глазахъ онъ видитъ беззавѣтную, молодую страсть.

Развѣ это не то, чего искалъ онъ?..

Развѣ это не все, что нужно ему?..

Вотъ они дома, наконецъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ мытарствъ по столицамъ.

Анна Львовна поправилась, ходитъ съ костылемъ. Отъ хозяйства не отказывается.

— Я буду помогать вамъ, maman...

Старуха снисходительно треплетъ невѣстку по смуглой щекѣ.

— Гдѣ тебѣ?.. Такой... птичкѣ... Поживи безъ заботъ... Все придетъ въ свое время.

Нелидовъ съ недоумѣніемъ бродитъ по комнатамъ... Отчего это потолки словно ниже стали?

Въ столовой онъ останавливается и смотритъ на сугробы снѣга. Всѣ дорожки въ паркѣ занесены. Расчистили только главную аллею къ ихъ пріѣзду.

Почему стремился онъ сюда такъ страстно? Что ждалъ онъ найти въ этихъ старыхъ стѣнахъ?..

Въ кабинетѣ онъ стоитъ долго, озираясь по сторонамъ. Его губы тѣсно сжаты. И сдвинулись вплотную темныя брови...

Онъ запираетъ дверь на задвижку и садится въ кресло, у письменнаго стола.

Наконецъ!.. Наконецъ одинъ!..

Послѣ трехъ мѣсяцевъ жизни съ глазу на глазъ... какая

отрада!.. Не дѣлать веселаго лица... Не говорить ненужныхъ словъ... Молчать съ угрюмыми глазами, которые все еще глядятъ въ прошлое... Не увѣрять въ любви, когда погасла чувственность, а душа беззвучна...

За цѣлый годъ показались ему эти три мѣсяца... Могъ ли онъ думать, что самъ пристрастится къ театрамъ и концертамъ?.. Что онъ охотно будетъ ѣздить въ кинематографъ, который Катя любитъ, какъ дитя?.. Могъ ли онъ думать, что въ немъ проснется стремленіе быть на-людяхъ, въ толпѣ? Не люди нужны ему, а одиночество. И, какъ это ни странно, его даетъ только толпа. Тамъ можно молчать... Лишь изрѣдка перекидываться бѣглыми, ни къ чему не обязывающими фразами... Можно даже не вслушиваться въ вопросы...

Говорить съ ней? О чемъ можно говорить съ птичкой, которая звонко щебечетъ и грѣется въ лучахъ солнца? Пріятно слышать ея пѣсенку. Юностью вѣетъ отъ этого личика. Свѣжестью пахнетъ отъ смуглаго тѣла. И онъ его цѣлуетъ ночью... Они только цѣлуются... Но развѣ это не все, что нужно птичкѣ?

Любитъ ли онъ ее?.. Конечно... Она дала ему цѣлый мѣсяцъ забвенія. Она подарила его чувственными наслажденіями... И не скоро еще будетъ онъ сытъ ея ласками...

Наконецъ его трогаетъ ея любовь... Такъ довѣрчиво льнетъ она къ его груди... И онъ долженъ... онъ всегда долженъ думать о счастьи Кати! Развѣ не взялъ онъ на себя этого обязательства?.. Развѣ нѣтъ въ его сердцѣ благодарности за все, что эта смуглая дѣвочка беззавѣтно бросила ему подъ ноги?

Обидѣть этого ребенка? Сдѣлать больно птичкѣ?.. Нѣтъ, нѣтъ... Никогда!..

Онъ тоскливо озирается. Темнѣетъ въ комнатѣ. Крѣпнетъ морозъ за окнами... Трещатъ тихонько старыя стѣны... Шуршатъ и шепчутъ что-то обои...

Нѣтъ!.. Не надо слушать... Не надо вспоминать!.. Мечты не сбылись. Сильные умѣютъ ихъ забыть... Вотъ за этимъ столомъ онъ писалъ *ей* свое послѣднее письмо. Вотъ на этотъ столъ упалъ онъ тогда головою. И плакалъ... первый разъ въ жизни плакалъ, какъ мальчикъ... О чемъ?.. Развѣ одна, въ концѣ-концовъ, не сможетъ замѣнить другую? Кто сказалъ, что любовь одолѣетъ силу жизни, силу привычекъ, силу пошлости?..

И вдругъ стѣны исчезаютъ...

Тихо лепечутъ надъ ними липы бесѣдки... Тихо свѣтлѣетъ предразсвѣтное небо. Въ эту ночь въ его душу впервые постучались Любовь и Нѣжность. Онѣ вошли тогда, обнявшись, какъ сестры. И онъ понялъ все, что было. И все что будетъ. Какъ будто кто на ухо шепнулъ ему. И онъ отвѣтилъ: „Да...“

Они прощаются. Какъ призракъ бѣлѣетъ у входа въ бесѣдку молодая березка. Она задѣваетъ росистой вѣткой по ихъ лицамъ... Онъ проситъ Маню быть его женой. Она молчитъ. Онъ спрашиваетъ ее объ Янѣ... Она опять молчитъ. Она не хочетъ сказать, чѣмъ больна ея мать... И вдругъ тщета всѣхъ его усилій, тщета его опасеній и борьбы встаетъ въ его сознаніи. И онъ говоритъ ей съ холоднымъ отчаяніемъ:

„Да, въ сущности, это все равно! Ни ты, ни я не можемъ ничего измѣнить въ нашей судьбѣ. И свершится то, что написано въ ея книгѣ...“

И еще онъ сказалъ ей тогда: „Я знаю, я чувствую, что ты будешь моей гибелью...“

И вотъ въ тотъ день, когда онъ писалъ ей у этого стола свое послѣднее письмо, отчего рыдалъ онъ? Не почувствовалъ ли онъ въ ту минуту холода и молчанія Вѣчности? Не увидалъ ли онъ тогда очами души черную яму, внезапно преградившую путь его жизни, по которому онъ шелъ такъ гордо и смѣло, полный вѣры въ себя?

— Николенька... Отвори!.. Ты заперся, Николенька?

Онъ вскакиваетъ и хватается за голову. Забыть!.. Все забыть...

Онъ отодвигаетъ задвижку.

Катя обхватываетъ руками его шею.

— Николенька... Я соскучилась... Maman зоветъ обѣдать...

На этотъ разъ онъ самъ крѣпко прижимаетъ ее къ груди.

Вотъ она любовь, которую онъ звалъ... Что нужно еще?.. Красота, юность, здоровье, желанья—все держитъ онъ тутъ, въ своихъ рукахъ... Боль пройдетъ. Прошлое забудется... Жизнь могучѣе Мечты... Развѣ сильные оглядываются? Впередъ идутъ они. Безъ колебаній. Только вдаль глядятъ они на намѣченныя цѣли. И достигаютъ всего...

— Катя!..—какъ-то болѣзненно срывается у него.

И онъ приникаетъ къ ея полуоткрытымъ отъ удивленія и радости губамъ.

VII.

Какъ-то разъ Иза заболѣла инфлуэнцой и долго не рѣшалась выходить. Маня должна была всѣ уроки брать въ школѣ.

— Я пришла, — сказала она, — но съ условіемъ... Собачки и какаду изгоняются на время... Я ихъ не должна слышать...

— Дерзкая! — сверкнувъ глазами, бросила ей креолка.

Никогда потомъ Маня не могла забыть этого вечера... Съ глазу на глазъ оставались двѣ артистки... Никто не стоялъ между этими близкими душами. Ничто не нарушало настроенія. Жесты были свободны, мимика богата и естественна. Каждое душевное движеніе такъ легко и просто облекалось въ изящныя и благородныя формы... Онѣ обѣ такъ увлеклись работой, что не замѣтили, какъ наступила ночь.

— Мы съ ума сошли!— сказала Маня.—Какъ я вернусь домой?

— Оставайся у меня...

— О, что ты? Агата полицію подыметъ на ноги... Она всегда предсказываетъ, что меня убьютъ апаши. Какъ-будто наше Нельи не заселено чиновниками и бѣдняками!.. Я позвоню Штейнбаху.

Когда онъ везъ ее домой, онъ былъ пораженъ выраженіемъ ея лица.

На другой день Маня сказала ему:

— Буду брать теперь всѣ уроки у Изы... Мнѣ это удобнѣе.

Онъ молчалъ. Не смѣлъ ни допрашивать, ни выяснять. Но сердце его сжалось. Она уходила отъ него все дальше.

— Пожалуйста, распоряжайся своимъ вечеромъ, — черезъ недѣлю заявила она ему.— Не жди моего звонка. Я могу вернуться по трамваю. Тысячи людей ѣздятъ такъ... Мнѣ совѣстно тебя стѣснять...

— Это вздоръ!—страстно перебилъ онъ.—Ты сама знаешь, что я счастливъ даже этими бѣглыми свиданіями...

Она нахмурилась, уловивъ горечь его тона.

— Развѣ у тебя нѣтъ никакого дѣла?

Сердце его заколотилось въ груди отъ ея враждебнаго тона. Ужъ не презираетъ ли она его за то, что онъ посвятилъ ей жизнь! Но женщины такъ не разсуждаютъ...

Она бѣжала сюда, какъ на свиданье. Она спасалась тутъ отъ капризовъ Ниночки, отъ „рацей“ Агаты, отъ любви Штейнбаха... Отъ своего рабства передъ ребенкомъ. Отъ своей власти надъ Маркомъ... Свобода... Свобода! Только съ Изой Маня была самой собою... Какъ могла она думать когда-то, что въ этой комнатѣ нельзя ни учиться, ни грезить? Между нею и золотыми чертогами искусства падали всѣ стѣны. И двери въ волшебный міръ творчества распахивались передъ нею только здѣсь...

Но чѣмъ больше сближались эти двѣ женщины, и чѣмъ яснѣе въ обыденной жизни опредѣлялись родственныя черты этихъ двухъ натуръ, — тѣмъ ярче и внезапнѣе (на урокахъ именно больше всего)—выявлялась вся рознь ихъ темпераментовъ и творчества. Дружба блѣднѣла, отступала въ тѣнь. А выдвигалась борьба двухъ сильныхъ индивидуальностей, борьба за свое міросозерцаніе, за свой взглядъ на искусство, за свое собственное творчество. Самая великая и цѣнная борьба. И это больше всего привлекало Маню.

Она быстро поняла всю односторонность и несложность творчества Изы. Въ этомъ была сила креолки. Но въ этомъ же таилась ея слабость. Искусствомъ „жеста“,—самымъ труднымъ и сложнымъ—она владѣла въ совершенствѣ. Она была создана для пантомимы. Ея руки говорили такъ же страстно и выразительно, какъ и ея лицо. Все яркое и непосредственное, всѣ сильныя душевныя движенія, всѣ аффекты: гнѣвъ, страхъ, отчаяніе, ненависть—особенно ревность—Иза умѣла передавать неподражаемо... Она находила дивные жесты для любви, незабываемую мимику страсти. Въ ея творчествѣ было что-то стихійное, грозное или опьяняющее... Великой артисткой была она въ мимодрамахъ, въ этихъ испанскихъ танцахъ *malagueña*, или въ *bolero* и *fandango*, требовавшихъ темперамента прежде всего. И Маня понимала, что ей никогда не достигнуть такого совершенства...

— Я передъ нею восковая кукла, — говорила Маня Штейнбаху.—Всѣ испанскіе „техническіе“ танцы, какъ Panaderos и Zapateado я съ моимъ здоровымъ сердцемъ исполню теперь лучше ея... Но ни catchucha, (качуча) ни malagueña я не протанцую, какъ она... Для этого нужно родиться испанкой...

Но все утонченное, одухотворенное, подчасъ мистическое,

такъ плѣнявшее Штейнбаха въ творчествѣ Мани, было недоступно креолкѣ. Она и Маня это были два міра, два начала: Діонисъ и Аполлонъ... И эта рознь, которую скоро хотя и безсознательно почувствовала Иза, наполняла ея душу странной тревогой, почти суевѣрнымъ страхомъ, который чувствуетъ дитя или дикарь передъ непонятнымъ явленіемъ природы.

Темпераментъ Изы подавлялъ и восхищалъ Маню. Но чувство критики не засыпало никогда. Гордо и страстно стремилась она сбросить чары этой индивидуальности, освободиться изъ подъ гнета навязанныхъ ей образовъ, стать свободной въ своемъ творчествѣ. Развѣ здѣсь не больше всего нужна свобода?..

Изучая какой-нибудь танецъ или пантомиму, Маня вносила въ исполненіе частицу собственной души, какія-то новыя и сложныя психологическія тонкости... Образъ, созданный Изой, исчезалъ... Намѣчался другой. И онъ требовалъ уже новыхъ жестовъ, новой мимики. Отъ старой роли не оставалось ничего при этомъ толкованіи. Все освѣщалось неожиданно. И странно измѣнялась перспектива. Главное стушевывалось... Изъ тѣни выступали незамѣченные раньше штрихи, тончайшіе нюансы, то второстепенное, по мнѣнію Изы, что она не считала нужнымъ подчеркивать... И получалось впечатлѣніе знакомаго пейзажа, который мы впервые видимъ въ лунную ночь. Все становится новымъ, загадочнымъ, нереальнымъ... Вмѣсто знакомыхъ контуровъ глазъ видитъ только глубокую тѣнь, полную тайны. А тѣ предметы, мимо которыхъ мы сотни разъ проходили равнодушно, вдругъ выступаютъ изъ мрака въ призрачномъ сіяніи.

И если творчество Изы бенгальскимъ огнемъ ослѣпительнаго фейерверка зажигало всѣ образы, всѣ чувства, всѣ событія пантомимы, то творчество Мани было тѣмъ луннымъ блескомъ, который изъ повседневнаго создаетъ сказочный міръ.

Вотъ эта немолчная борьба, которую Маня начала сознательно, раздражала Изу. На этой почвѣ у нихъ случались самыя бурныя ссоры. Всѣ ученицы рабски подражали Изѣ... Съ какой стати эта Marion сочиняетъ свое?

Теперь Иза всегда была на сторожѣ. Разобраться во всемъ этомъ ей было не подъ силу, но самый неуловимый штрихъ она угадывала „чутьемъ“ художника... этимъ шестымъ чувствомъ. И гнѣвъ ея тогда вскипалъ мгновенно.

— Не такъ... не то... Что у тебя за глаза? Развѣ испанки смотрятъ на мужчину такими глазами?.. Только на мадонну глядятъ такъ... Ты развѣ никогда не любила? Никого не цѣловала?.. У тебя не было ребенка?.. Не хочу этихъ жестовъ!.. Начинай сначала...

Маня выдерживала этотъ натискъ съ упрямой складкой губъ...

Черезъ секунду Иза ударяла кулакомъ по клавіатурѣ. Гулъ шелъ по комнатѣ, а она вскакивала съ сверкавшими глазами. И браслеты ея звенѣли. И серьги качались.

— Да ты смѣяться надо мной стала? Дерзкая... негодница... Убирайся, если не хочешь работать!.. У меня нѣтъ времени для тебя...

Какъ-то разъ, давъ ей успокоиться, Маня заговорила мягко:

— Сядь, Иза... вотъ сюда на диванъ. Не надо играть... не волнуйся... Смотри мнѣ въ глаза... Гляди на мои руки... И если ты не поймешь меня, значитъ я ничего не стою!.. Но ты забудь о роли, которую ты создала... Отрѣшись отъ прошлаго... Гляди безъ предубѣжденія, какъ смотрятъ дѣти на сцену... И если есть правда и красота въ томъ, что я изображаю, она откроется передъ тобой... Передъ тобой прежде всего...

Гнѣвъ Изы упалъ. Глаза ея померкли.

Она покорно сѣла на диванъ.

Вытянувъ шею, она глядѣла. И тревога росла въ ея душѣ... Да, она это предчувствовала. Въ сжатыхъ и приподнятыхъ у переносицы бровяхъ ея чувствовался страхъ неизвѣстности. Опять-таки страхъ дикаря отъ соприкосновенія съ чуждой ему культурой.

И какъ будто одобреніе этой женщины было высшей цѣлью въ жизни Мани, она вложила всю душу въ передачу созданнаго ею образа.

Иногда Иза замыкалась въ странную и молчаливую задумчивость, словно жаждала разобраться въ томъ, что видѣла... Это была славянская душа передъ нею, даже въ любви полная мистицизма. Душа, жаждавшая жертвы и смиренія. Это была кровь чуждой расы...

Но чаще темпераментъ бралъ верхъ.

— Ничего не стоитъ эта передача! — кричала она, сверкая глазами изъ-подъ гривки жесткихъ волосъ, падавшихъ до бро-

вей.—Ничего я не поняла... Все это вздоръ! Пришла учиться, такъ учись! А не хочешь, убирайся...

Маня въ такія минуты спокойно уходила за ширму переодѣться.

— До завтра! — говорила она, подходя къ дивану уже въ пальто и шляпѣ.—Завтра ты будешь добрѣе...

Иза локтемъ отталкивала ея руку.

— Ни завтра, ни черезъ мѣсяцъ, ни черезъ годъ... Убирайся!.. Я не хочу, чтобъ мною командовали... Я артистка, а ты ничто... круглый нуль... Понимаешь? Здѣсь слушаются только меня... А такихъ ученицъ мнѣ не нужно...

Маня уходила, еле сдерживая усмѣшку.

А на другой день черная Мими уже скалила зубы и ворочала бѣлками въ сѣняхъ маленькаго домика, передавая Манѣ лаконическій приказъ быть на урокѣ немедленно.

— Она еще не обѣдала,—сердилась фрау Кеслеръ.—Что за нелѣпости такія?.. Почему немедленно? Уѣзжаетъ она что ли изъ города, ваша сеньора?

— Она не умѣетъ ждать,—на ломаномъ французскомъ языкѣ отвѣчала Мими и добродушно улыбалась, какъ будто иначе и быть не могло... Сеньора приказываетъ, а всѣ повинуются.

Фрау Кеслеръ багровѣла отъ гнѣва. А Маня уже надѣвала шляпу и мчалась съ Мими къ трамваю. Она знала по себѣ, какъ дорога каждая такая минута.

Иза встрѣчала ученицу, какъ чужую, однимъ кивкомъ головы, и садилась за рояль... А Маня начинала сызнова передачу созданнаго ею образа, свою тайную борьбу...

И какое это было торжество, когда Иза слѣдила за нею, не прерывая ея танца, не расхолаживая критикой, сама захваченная чужой индивидуальностью!.. Маня предчувствовала свою побѣду и въ этихъ нервныхъ, отрывистыхъ аккордахъ, и въ влажномъ блескѣ прекрасныхъ черныхъ глазъ... Когда она кончала, а креолка молча опускала руки на клавіатуру, Маня съ трепетомъ обхватывала ея плечи и цѣловала это темное лицо, смѣясь и чуть не плача отъ счастья...

Въ эти минуты она вѣрила въ себя... Такъ бороться, такъ побѣждать—какая радость!

Эти удивительные часы заканчивались такъ же странно...

Выпивъ шоколаду и весело болтая о всякомъ вздорѣ, онѣ брали фіакръ и мчались. Куда?.. Никто не отгадалъ бы.

Въ тихихъ, торжественно молчаливыхъ залахъ Лувра, гдѣ при лунномъ свѣтѣ ночью навѣрно бродятъ тѣни блѣднаго Карла IX и Катарины Медичи, съ ея змѣиными глазами,—посреди комнаты, подъ витриною, на черномъ бархатѣ лежитъ громадный брилліантъ, исторгнутый изъ нѣдръ таинственной Голконды, одно изъ чудесъ свѣта, гордость Франціи!.. День и ночь приставленъ человѣкъ сторожить это сокровище. Человѣкъ служитъ камню, какъ рабъ. И что удивительнаго? Людей много. Брилліантъ одинъ... Люди исчезнутъ, онъ будетъ жить.

Сторожъ знаетъ въ лицо обѣихъ женщинъ и улыбается.

Онѣ подходятъ на цыпочкахъ и стоятъ въ созерцаніи, не обмѣниваясь ни однимъ словомъ. Какъ зачарованныя глядятъ онѣ на таинственную игру лучей... Что встаетъ въ ихъ душахъ въ эти минуты?.. Ахъ, не надо ни уяснять, ни разбираться!.. Это то же настроеніе, что отъ шелеста желтыхъ листьевъ въ лѣсу, что отъ звуковъ Чайковскаго, что отъ блеска Сиріуса въ ночномъ небѣ, что отъ созерцанія Венеры Милосской...

Вотъ и она... Тихонько садятся обѣ женщины на красную бархатную скамью и глядятъ въ гордое лицо... Какое упоеніе въ этомъ безмолвномъ созерцаціи чуда, созданнаго рукой человѣка!.. Исчезаетъ дѣйствительность... Сколько времени прошло? Входилъ ли кто сюда, или онѣ были втроемъ съ богиней въ ея красной комнатѣ?

Ширится и растетъ душа отъ созерцанія безсмертной красоты.

И только когда сторожъ въ ливреѣ, проходя мимо, скажетъ „Mesdames... музей закрываютъ", онѣ встаютъ и медленно уходятъ, обновленныя, смирившіяся, благодарныя... Ахъ, что бы ни ждало впереди: крушеніе надеждъ, измѣна, потеря иллюзій, болѣзнь и смерть... все равно!.. Благословенна жизнь за такія минуты!..

— Иза,—говоритъ Маня, стоя въ крошечномъ скверѣ, подъ башней *St-Germain L'Auxerrois*,—посидимъ здѣсь! Я не могу сейчасъ идти домой... Я ничего уже не люблю въ такія минуты. И *никого*... Понимаешь?.. Надо, чтобы душа сошла внизъ съ высокой башни... Ахъ, какъ много ступенекъ надо ей пройти, чтобъ опять почувствовать землю!..

Онѣ садятся подъ деревьями. Мимо бѣгаютъ дѣти. Снуетъ торопливая, озабоченная толпа.

— Иза... знаешь? Меня никто не понимаетъ, почему я часами стою передъ витриной ювелировъ? Почему я какъ на свиданье бѣгу къ этимъ окнамъ?.. Они думаютъ, что я люблю камни, какъ украшенія... что я хотѣла бы надѣть ихъ на себя и всѣмъ говорить: „Взгляните, какимъ богатствомъ я владѣю!..“ Но ты меня поймешь... Тебѣ случалось въ лѣсу видѣть каплю росы, которая дрожитъ на листкѣ? Это крошечное солнце... Это цѣлый міръ... Я опускаюсь на колѣни и смотрю на нее... А у насъ зимой, въ Россіи, въ морозные дни деревья на бульварахъ стоятъ всѣ въ инеѣ. И каждая снѣжинка сверкаетъ какъ звѣзда... Куда бы я ни спѣшила, я все забываю, когда вижу эти деревья... Или вотъ когда солнце садится, я способна остановиться посреди площади, разинувъ ротъ, и глядѣть на смѣну красокъ... А звѣздныя ночи, Иза? Когда надъ тобой мерцаютъ и дрожатъ эти таинственныя солнца? Моя голова кружится, когда я смотрю на нихъ. Такой маленькой кажусь я себѣ! Такой ничтожной песчинкой въ пустынѣ жизни... И сама жизнь кажется коротенькимъ сномъ. А Вѣчность нѣжной какъ бархатъ ночью... И эта ночь сдвигается вокругъ тебя все ближе... И кажется, вотъ-вотъ ты растворишься въ ней... Знаешь ты, что значитъ чувствовать Вѣчность?.. Когда я гляжу на твой дивный рубинъ, я забываю, что было... Мнѣ безразлично то, что ждетъ меня завтра. Я не чувствую себя... Это только коротенькія мгновенія... Но до чего они цѣнны!.. Ты поймешь, меня Иза... Ты поэтъ... Ты сама, какъ эти камни, какъ золото въ землѣ... Когда невѣжда беретъ въ руки кусокъ драгоцѣнной руды, что видитъ онъ подъ грубой корою? Онъ можетъ споткнуться объ этотъ кусокъ и отшвырнуть его ногой... Онъ не знаетъ, что въ этомъ грубомъ комѣ земли вкраплены золотыя блестки... Надо имѣть глаза, чтобы видѣть ихъ, моя дорогая Иза...

VIII.

Штейнбахъ подъѣзжаетъ къ дому Изы, чтобъ проводить Маню... Его задержали въ банкѣ на четверть часа.

Вдругъ онъ видитъ, что Маня выходитъ на крыльцо. Не одна. Кто этотъ брюнетъ съ нею?

Онъ красивъ и строенъ. Даже въ этомъ ужасномъ старомодномъ пальто и бѣдномъ костюмѣ фигура его прекрасна... Ученикъ что ли? Навѣрно русскій. Только русскіе одѣваются такъ небрежно... Но у него то, что заставляетъ забывать всѣ изъяны костюма. У него молодость.

Прижавшись въ уголокъ автомобиля, Штейнбахъ слѣдитъ за ея лицомъ. Брюнетъ говоритъ что-то. Она улыбается... Но такъ безпечно, такъ непринужденно... Ни тѣни кокетства нѣтъ въ ея взглядѣ. А онъ... какъ будто неравнодушенъ... „Куда же они ѣдутъ? Онъ, кажется, провожаетъ ее къ трамваю?.. Вотъ какъ!.. Не потому ли она не хочетъ, чтобъ я заѣзжалъ за нею?“

Вотъ они двинулись дальше. Говорятъ и смѣются. Какъ легка походка у обоихъ! Какая безсознательная грація движеній! Парочка на диво... Точно созданы другъ для друга...

Штейнбахъ дѣлаетъ знакъ шофферу и нагоняетъ ихъ.

— Марья Сергѣевна, здравствуйте...

Она останавливается внезапно. Она перестала смѣяться. Его лицо поразило ее. Но ясно какъ день, что она не понимаетъ причины этого волненія.

— Вы домой, Марья Сергѣевна? — неокрѣпшимъ, срывающимся голосомъ спрашиваетъ Штейнбахъ. Онъ подымаетъ цилиндръ, сухо щурится на растерянное лицо брюнета и дѣлаетъ надменный полупоклонъ.

— Monsieur Steinbach, — говоритъ Маня (умышленно, какъ всегда, забывая прибавить: баронъ)... Мой товарищъ Нильсъ...

— Это по-парижски,—смѣется брюнетъ.—По-русски я просто Петръ Лихачевъ...

— Вы тоже учитесь?—быстро и любезно спрашиваетъ Штейнбахъ. Онъ тихонько идетъ рядомъ съ ними по панели.

— Я кончаю въ этомъ году.

Лихачеву даже непріятно отъ этого пронзительнаго взгляда. „Вотъ это и есть женихъ“, догадывается онъ... „Ревнивъ, должно быть...“ И ему становится неудержимо смѣшно и весело... Хорошо, когда ревнуютъ!.. Интереснѣе флиртовать съ женщиной, изъ-за спины которой выглядываетъ мужъ или любовникъ.

Ихъ обгоняютъ группы учениковъ и ученицъ. Они весело болтаютъ. Увидавъ это trio, смолкаютъ и оглядываются. Удиви-

тельная удачница эта Marion! Кто изъ нихъ не мечталъ влюбить въ себя этого обаятельнаго Нильса?.. А онъ постоянно съ нею... Вотъ идетъ она съ двумя кавалерами... А у нея такое лицо, какъ будто никого ей не нужно...

Да, Маня заранѣе устала и упала духомъ. Ревность Штейнбаха она теперь чувствуетъ въ каждомъ взглядѣ, въ каждой интонаціи. Это озлобляетъ ее. Онъ ничего не скажетъ, конечно... Но будетъ мучиться... Какая скука!.. Онъ такъ далекъ теперь отъ ея души!.. Если бы онъ зналъ, какъ равнодушна она къ мужчинамъ и къ тому, что они называютъ ихъ *любовью!* Если-бъ онъ зналъ, какъ мало придаетъ она значенія этому чувству Лихачева, онъ спокойно уснулъ бы, этотъ бѣдный Маркъ...

Она вспоминаетъ объ этомъ инцидентѣ только на другой день, когда видитъ его совсѣмъ больное лицо...

Жалость и давно забытая нѣжность внезапно встаютъ въ ея душѣ, какъ бы отгородившейся отъ всѣхъ въ этой любви ея къ искусству. И эта волна такъ высока, что она сама теряется подъ ея натискомъ. Порывисто подходитъ она къ Штейнбаху и обнимаетъ его.

— Ты ревнуешь, Маркъ... О, какъ это нелѣпо!..

— Почему? Онъ такъ красивъ и молодъ...

— Ахъ, Маркъ!.. Развѣ ты ревновалъ меня, когда я любовалась *Фавномъ* Праксителя?..

— Онъ, кажется, увлеченъ тобою?

— Пустяки, Маркъ... Онъ женатъ...

— Развѣ?

— Уже три года какъ женатъ. И любитъ свою жену и дѣвочку...

— Ты видѣла ее?

— Она заходила какъ-то за нимъ... Миленькая, граціозная блондинка. Такая худенькая, слабогрудая... Она безъ памяти влюблена въ него... Это такъ трогательно!.. Но это и все, что ему нужно для счастья...

— Почему ты думаешь?

— Онъ безумно любитъ искусство. Не знаю даже... больше,

пожалуй, чѣмъ я... Любитъ его безъ всякой цѣли, безъ разсчетовъ... Онъ истинный артистъ, Маркъ. И если-бъ ты зналъ, какой трудный путь прошелъ онъ, чтобъ достигнуть цѣли!.. Я не могу не уважать его... Это сила...

— Я этого не думалъ,—удивленно возражаетъ Штейнбахъ, все еще не сдаваясь, не довѣряя.—У него довольно банальная внѣшность...

Маня лукаво улыбается.

— Въ жизни?.. Да, пожалуй... Но на сценѣ онъ красивъ какъ богъ...

— И ты хочешь меня увѣрить въ твоемъ равнодушіи?

Штейнбахъ пробуетъ осторожно освободиться изъ ея рукъ. Но Маня садится на ручку кресла и, обнявъ Штейнбаха, еще крѣпче прижимается щекой къ его щекѣ.

— Маркъ... если восторгъ звучитъ въ моемъ голосѣ, не удивляйся... Я всегда была эстетикомъ... Этотъ человѣкъ вдохновляетъ меня своей пластикой, мимикой... Онъ прославится навѣрное... Иза безъ ума отъ него... Она учитъ его задаромъ...

— Даже она??

— Вѣдь онъ бѣднякъ... Пріѣхалъ въ Парижъ учиться живописи. Онъ окончилъ Школу живописи и ваянія. И вотъ какъ-то разъ онъ попалъ въ балетъ... И тамъ почувствовалъ свое призваніе... Да, да... призваніе... Не криви губы, пожалуйста!.. Иза разсказывала, что когда онъ пришелъ къ ней... (онъ занялъ у кого-то деньги, чтобъ платить ей за уроки), и она увидала его въ трико, у нея даже сорвалось восклицаніе восторга. Черезъ мѣсяцъ уже она отказалась брать съ него плату.

— И вы часто танцуете вмѣстѣ?

— Постоянно... Вся школа сбѣгается смотрѣть на него. А въ испанскомъ костюмѣ онъ такъ хорошъ, что... если-бъ я могла теперь влюбиться... то я влюбилась бы въ него...

Онъ опять дѣлаетъ движеніе, чтобъ отстраниться. Но Маня смѣется и цѣлуетъ его.

— Развѣ это уже такъ невозможно?

— Совершенно немыслимо, Маркъ!.. Нечего тутъ иронизировать... Надо вѣрить мнѣ на слово... Я тебѣ тысячу разъ говорила: увлекусь, скажу. Лгать не буду... И щадить тебя не стану... Потому что щадить—значитъ не уважать... А я тебя... цѣню...

— Охотно вѣрю...

— О, Маркъ! Какой ты нынче противный!.. И что за циничная у тебя усмѣшка!.. Старая у тебя душа...

— Не только душа, Маня...

— Не говори вздору!.. Не люблю... Я знаю, что мнѣ всѣ завидуютъ... И знаешь, Маркъ?.. Это глупо и непослѣдовательно... Потому что я ихъ всѣхъ почти тамъ презираю... А все-таки мнѣ пріятно, когда на тебя любуются и завидуютъ мнѣ...

Она подымаетъ его лицо. Глядитъ въ него. Цѣлуетъ его рѣсницы, брови... Смѣясь цѣлуетъ кончикъ его носа. Приникаетъ къ губамъ...

И онъ смягчается... Онъ безсиленъ бороться.

А почему этотъ Лихачевъ—сила?—спрашиваетъ Штейнбахъ дня черезъ два. Точно продолжаетъ начатый разговоръ.

Маня лукаво смѣется и качаетъ головой.

— Это однако серьезнѣе, чѣмъ я думала...

— Какой вздоръ!.. Ты просто заинтересовала меня... Какъ самъ человѣкъ безвольный, я всегда интересуюсь тѣми, у кого есть богъ въ душѣ... и тѣми, кто умѣютъ добиться своего...

И Маня разсказываетъ быль, которая кажется болѣе странной, чѣмъ сказка...

Лихачевъ—южанинъ изъ казаковъ и старовѣръ...

Въ станицу ихъ заѣхалъ когда-то больной художникъ, чтобы лѣчиться кумысомъ и воздухомъ степей. Красота девятилѣтняго мальчика поразила его. Онъ взялъ его въ натурщики. Лихачевъ разсказывалъ ей, какъ жутко и странно было ему слѣдить за работой художника. И видѣть, какъ изъ легкихъ контуровъ и бѣглыхъ штриховъ вдругъ вставало его лицо... Его собственное лицо, его глаза, его улыбка... Какъ въ зеркалѣ... Нѣтъ. Даже лучше... Онъ крался въ мастерскую и часами любовался портретомъ. Ихъ было двое... Каждый изъ нихъ жилъ своей жизнью. И тотъ, другой, нѣмой и загадочный, улыбался ему, глядѣлъ въ его душу таинственными глазами и словно звалъ за собой...

— Ну, это твое...—ядовито смѣется Штейнбахъ.

— Можетъ быть... Не мѣшай!.. Слушай... Когда лѣто кончилось, и художникъ уѣхалъ съ портретомъ мальчика, Петя пришелъ въ такое отчаяніе, что даже заболѣлъ... Такъ тянулось два лѣта. Мальчикъ весь годъ страстно поджидалъ художника. Тотъ замѣтилъ это влеченіе и самъ привязался къ ребенку. Онъ училъ его рисовать, открылъ у него способности.—„Отдайте мнѣ его",—сказалъ онъ отцу.—„Я изъ него большого барина сдѣлаю..." Но отецъ и слышать не хотѣлъ... Художникъ уѣхалъ въ августѣ. Онъ подарилъ мальчику три золотыхъ за то, что тотъ позировалъ ему. Петя эти деньги закопалъ въ землю. И въ одно утро исчезъ, бросивъ на произволъ судьбы табунъ, который пасъ въ степи... Его не хватились два дня. Была ярмарка въ станицѣ. Всѣ пьянствовали. А когда вспомнили, онъ былъ уже далеко...

— Это дѣйствительно романъ,—усмѣхается Штейнбахъ.

— Знаешь? Онъ брелъ два мѣсяца, питаясь подаяніемъ, пока не попалъ въ Москву... Адресъ художника и золото онъ пряталъ на ночь въ сапогъ... А днемъ держалъ свое сокровище на груди, а сапоги несъ въ рукахъ. Правда, удивительно, Маркъ? Весь оборванный и полуживой добрался онъ въ Москву... И нашелъ таки художника...

У Штейнбаха срывается восклицаніе. Онъ ходитъ по комнатѣ. И походка его нервна.

— Развѣ это не сказка жизни, Маркъ? Только у большихъ талантовъ бываетъ такое упорство, такая дерзость... Ну, конечно, художникъ былъ растроганъ. Онъ послалъ отцу Пети отступного сто рублей. Онъ отдалъ мальчика сначала въ городскую школу, потомъ въ Школу живописи... Лихачевъ кончилъ свободнымъ художникомъ...

— А когда же онъ женился?

— Людмила училась тамъ же... Она дочь богатаго купца. Вѣнчались они тайкомъ... Отецъ не принялъ ихъ... Но мать пожалѣла. Она что-то тамъ заложила и дала имъ три тысячи... Они пріѣхали въ Парижъ. Все спустили въ первые полгода... Бѣдствовали ужасно... Ну... остальное ты знаешь...

— Какъ жаль!.. Можно было помочь ему, дать стипендію...

— Теперь все позади, Маркъ... Онъ своего добился...

Они долго молчатъ.

— А... вообще... интересный онъ человѣкъ?

— О, очень скучный... односторонній ужасно... Ничего не читаетъ, ничѣмъ не интересуется... Съ нимъ не о чемъ говорить... Весь ушелъ въ искусство...

— Въ томъ-то и сила его, Маня... — задумчиво говоритъ Штейнбахъ.

IX.

Бьетъ одиннадцать часовъ... Катя открываетъ глаза. Она одна въ комнатѣ, на широкой двухспальной кровати... Николеньки нѣтъ... Гдѣ онъ? Вотъ досада!.. Она проспала... Гости разъѣхались такъ поздно...

Эта комната лучшая во всемъ старомъ флигелѣ. И Катя любитъ въ ней каждую вещицу... Влюбленными глазами глядитъ она на пиджакъ мужа, перекинутый на спинку стула... на его галстукъ, брошенный у туалетнаго стола, на его штиблеты, вотъ тутъ, на коврикѣ. Расцѣловала бы, кажется, все...

Она закрываетъ глаза и блаженно улыбается... Ахъ, эта ночь!..

Вотъ уже пятый мѣсяцъ, какъ они женаты, а она влюблена безъ памяти, какъ въ первый день. О, нѣтъ!.. Сильнѣе... Теперь вся жизнь ея въ немъ, въ его близости, въ его ласкѣ... Какъ могла она думать, что ей будетъ скучно въ деревнѣ, рядомъ съ нимъ?.. Просыпаться утромъ и глядѣть тихонечко въ его лицо, пока онъ спитъ. Ловить трепетъ его вѣкъ... Потомъ съ крикомъ блаженства обвить руками его шею...

Она любитъ спать. Но для него встаетъ рано. Какъ весело слушать, когда онъ умывается!.. Онъ всегда стѣсняется ее, уходитъ за ширму... такой чудакъ!.. А у нея нѣтъ никакого стыда передъ нимъ... ни чуточки... Развѣ они не мужъ и жена?

— „Жена...“, — повторяетъ она вслухъ. — „Madame Нелидова...“ И звонко хохочетъ, пряча лицо въ подушку.

Она болтаетъ почти не умолкая, шутитъ, смѣется... Онъ любитъ этотъ смѣхъ... Самъ всегда молчитъ. Она говоритъ за двухъ... „Канарейка“, зоветъ ее свекровь... Ахъ, она очень заботлива и любезна! Но холодомъ вѣетъ отъ ея ласки. Катя чувствуетъ, что это ревность соперницы... Чудачки эти матери!

Въ ихъ глазахъ сынъ всегда принцъ, для котораго нѣтъ въ мірѣ достойной женщины...

Дверь скрипнула.

— Катя! Неужели спишь?

Съ радостнымъ крикомъ она подымается на постели.

— Поди сюда!.. Сюда... Скорѣе!.. Поцѣлуй меня...

— Скоро завтракъ, Катя. Я уже выпилъ кофе.

— Безъ меня? И тебѣ не стыдно?—съ огорченіемъ перебиваетъ она.—Ну, вотъ... ты мнѣ испортилъ весь день...

Онъ блѣдно улыбается и цѣлуетъ ея смуглый затылокъ. Она сладострастно ежится вся, словно кошечка, у которой чешутъ за ухомъ.

— Ты со мной еще выпьешь... Я сейчасъ... сейчасъ буду готова... Зачѣмъ ты меня не разбудилъ?

Она свѣшиваетъ съ постели точеныя ножки. Ей пріятно, что онъ ихъ видитъ. Ей всегда хотѣлось бы читать одно желаніе въ его глазахъ... Но онъ быстро отворачивается и идетъ къ двери.

— Я пришлю къ тебѣ Одарку... Она принесетъ теплой воды.

Катѣ досадно... Это прямо удивительно! Точно въ немъ два человѣка. Одинъ днемъ. Другой ночью... Одинъ корректный, усталый... разсѣянный... равнодушный, сказала бы она, если-бъ не эти ночи... безумныя ночи. Какъ пугали ее раньше его грубыя и жадныя ласки! Теперь она ихъ любитъ. Она ихъ ждетъ... Ждетъ цѣлый день, сладко мечтая о ночи. И если обманутъ надежды, она плачетъ тихонько, чтобъ не разбудить его. Такъ жаль мгновеній, уходящихъ безъ этихъ радостей...

Въ столовую она входитъ чинно, какъ пансіонерка...

Анна Львовна ласково улыбается. Катя цѣлуетъ у нея руку.

Николенька читаетъ вслухъ газету. Катя двигается беззвучно, какъ мышка. На столѣ такіе вкусные коржики... Глазки ея поблескиваютъ, когда она пьетъ ароматный кофе...

Жизнь такъ хороша!.. Нынче они поѣдутъ къ Галаганамъ Будутъ блины. Потомъ катанье съ горъ. Вечеромъ танцы...

Что-то говорятъ... О какомъ-то новомъ французскомъ романѣ. Въ газетѣ рецензія...

— Интересно, Николенька?—звонкимъ голоскомъ спрашиваетъ она.

— Нѣтъ... Тебѣ этого нельзя читать,—отвѣчаетъ онъ просто.

Ну, что-жъ? Нельзя, такъ нельзя! Мало ли книгъ на свѣтѣ? Наташа Галаганъ обидѣлась бы на такую „опеку"... Чудная эта Наташа! Она не понимаетъ, что значитъ быть замужемъ!!

Катя на цыпочкахъ выходитъ изъ столовой, чтобъ прибрать разбросанныя въ спальнѣ юбки... Одарка копается. А Николенька сердится. Онъ любитъ порядокъ.

Напѣвая, прячетъ она по ящикамъ коммода бѣлыя перчатки, кружевное fichu, сумочку, вѣеръ... Они кончатъ газету и поговорятъ о хозяйствѣ... А тамъ завтракъ... И она велитъ запречь санки и поѣдетъ кататься съ Николенькой... Какъ она любитъ кататься!.. Нынче солнце... Ей хочется кричать и вертѣться по комнатѣ... Жизнь такъ хороша!..

Вчера, послѣ блиновъ, когда мужчины пили кофе, Катя увела подругу въ эту спальню. Наташа покраснѣла, увидавъ кровать... Чудачка! Чего тутъ стыдиться, разъ они мужъ и жена?..

Наташа заговорила о модномъ писателѣ. Она восторгается его талантомъ... „Николенька его не терпитъ,—возразила Катя.— Онъ не хочетъ, чтобъ я его читала..." А Наташа такъ и вышла изъ себя. „Какой возмутительный деспотизмъ!.. Неужели ты подчиняешься?.. Вѣдь ты уже не дѣвочка..."

Глупенькая Наташа! Не все ли равно, разъ Николенька любитъ ее именно такою?..

Вчера ночью, когда гости разъѣхались, она не удержалась и передала ему этотъ разговоръ... И онъ сказалъ ей тогда... Какъ онъ это сказалъ? „Я хочу, чтобъ ты была моею вполнѣ. Всѣми помыслами, всѣми желаніями, всѣми мечтами... Ничего своего не должно быть у тебя... Ни вкусовъ, ни мнѣній... Все мое..." Ахъ, это лицо его, когда онъ говорилъ!.. Этотъ голосъ...

Катя стоитъ, зажмурившись, уронивъ на полъ кружевной платочекъ... И какъ онъ еще сказалъ? „Ты должна забыть то, что знала и цѣнила. И все получить отъ меня заново... Отъ меня одного..." А она спросила его робко: „И тогда ты будешь любить меня? Всегда?.. Всегда, Николенька?" И онъ отвѣтилъ ей: „Всегда!.."

Это было вчера, вотъ здѣсь, вотъ въ этой комнатѣ... И онъ обнялъ ее тогда... Какъ свою вещь взялъ онъ ее тогда... Трепещущую и покорную... Всегда покорную... Развѣ не вся ея жизнь въ немъ?.. Въ этой ласкѣ?.. Въ его любви?

У Галагановъ, какъ всегда, много народу. Всѣ сосѣди съѣхались... Тутъ и Лизогубы, и Горленко, и Федоръ Филипповичъ. Большой двухсвѣтный залъ, гдѣ когда-то екатерининскій вельможа принималъ малороссійскую знать, весь уставленъ столами. Хозяева почти не присаживаются, угощая гостей...

Послѣ блиновъ мужчины садятся въ карты, дамы за чайный столъ.

— Николай Юрьевичъ! Что я вижу?—спрашиваетъ дядюшка, входя въ кабинетъ.—Неужели вы теперь въ карты играете?

— Учусь,—усмѣхается Нелидовъ.—Состарился, Федоръ Филипповичъ... Ничто уже не манитъ.

„Да... Вѣрно, что состарился“, думаетъ дядюшка, щурясь на его похудѣвшій профиль. „Счастливымъ тебя во всякомъ случаѣ назвать нельзя...“

Въ разгарѣ вечера въ большомъ двухсвѣтномъ залѣ молодежь танцуетъ подъ рояль. Нелидовъ показывается въ дверяхъ и смотритъ на Катю. Она вальсируетъ съ изящнымъ правовѣдомъ, сыномъ Галагана, на недѣлю пріѣхавшимъ изъ Петербурга. Лицо ея разгорѣлось. Ямочки выступили на смуглыхъ щекахъ. Глаза стали влажными... Точно этотъ правовѣдъ ее цѣлуетъ... И улыбка виноватая и смущенная... Потемнѣвшими глазами слѣдитъ за Катей Нелидовъ. Онъ хорошо знаетъ эту чувственную улыбку.

— Какая она хорошенькая! — искренно говоритъ Федоръ Филипповичъ, подходя къ нему.—И жизни сколько! Такъ и искрится вся... И, кажется, петербургскій франтъ увлеченъ ею?

Нервный, короткій смѣхъ срывается у Нелидова.

Когда, обнявшись, эта парочка проносится мимо, онъ дѣлаетъ шагъ впередъ.

— Катя...

Она увидала его, и все лицо ея мѣняется.

— Merci!.. Довольно!—нетерпѣливо кидаетъ она кавалеру.—Я устала...

— Теперь со мною, Катя,—вдругъ говоритъ Нелидовъ, подходя.

Она чуть не вскрикиваетъ отъ радости. Онъ властно обнимаетъ ее и увлекаетъ на середину зала. Многіе останавливаются, чтобъ взглянуть на нихъ.

— Николенька!..—шепчетъ она, въ экстазѣ глядя въ его

глаза.—Какъ ты дивно танцуешь!.. Я даже не знала... О, упоеніе какое! Еще... Ради Бога еще!..

„Ревнуетъ... Любуется... Какъ будто и влюбленъ“, соображаетъ Федоръ Филипповичъ. „Хотѣлось бы мнѣ все-таки знать... если-бъ такъ... случайно... въ бесѣдѣ съ другими... помянуть при немъ о Манѣ?..“

X.

Иза... почему ты такъ любишь деньги?.. Почему тебя называютъ алчной...

— Ахъ ты, дурочка!.. Да какъ же мнѣ не любить ихъ?.. Идетъ старость. Болѣзнь моя неизлечима... Лѣтъ десять назадъ меня любили, искали, дарили мнѣ брилліанты. Теперь я одна во всемъ мірѣ. У меня только мои животныя, Мими и ты... Я больна, да... Но я могу прожить долго... Стать калѣкой... Кто будетъ меня кормить?.. И почему мнѣ не обирать копѣйки этихъ богатыхъ мѣщанъ, которые присылаютъ ко мнѣ своихъ дочекъ? Развѣ они трудились сами, какъ я? Развѣ они знали нужду и лишенія? Плакали слезами обиды?.. А... эти слезы униженія!.. Жизнь позади, а я еще чувствую, какъ горитъ отъ нихъ душа... Я взяла жизнь съ бою, Marion... Вѣдь я—дочь прачки и сама фабричная дѣвушка... Съ дѣтства голодала... въ канавахъ и мусорѣ вмѣстѣ съ собаками искала чего-нибудь, чтобъ утолить голодъ. Я ненавижу людей, Marion!.. Ничего кромѣ низости и неблагодарности не встрѣтила я у нихъ...

— Но, вѣдь, ты любила, Иза?

— О! Любила ли я?!. Больно, стыдно вспомнить, какъ я унижалась передъ *нимъ*... Онъ вытащилъ меня изъ грязи, правда... Онъ сдѣлалъ изъ меня артистку... да... Но развѣ для меня онъ работалъ?.. Повѣришь ли ты, Marion, что уже ставъ извѣстностью, я всѣ деньги и брилліанты отдавала ему и не смѣла ни копейки истратить на себя? А онъ билъ меня... Онъ игралъ... и обманывалъ меня съ разными дѣвками...

— Какъ могла ты это прощать?

— А ты думаешь, я это знала?

— Какъ ты прощала ему побои? Ты... такая гордая?

— Ахъ, Мань-я! Развѣ есть въ любви гордость?.. Онъ билъ меня изъ ревности, хотя я ни разу не измѣнила ему... И я была счастлива... Вѣдь онъ любилъ меня тогда, пойми!.. Но измѣны простить я не могла... И знаешь, что я сдѣлала? Я кинулась на него съ ножомъ... Нѣтъ, не убила, а только ранила... Но онъ былъ жалкій трусъ... Онъ предалъ меня въ руки полиціи... Онъ жаждалъ упрятать меня въ тюрьму, дрожа за свою жизнь... Это было громкое дѣло... Онъ требовалъ вознаградить его за убытки отъ болѣзни, за мое воспитаніе, за наши разъѣзды... Какъ будто онъ не высосалъ изъ меня всей крови!.. Я на судѣ сказала всю правду... Я сказала такъ: „Онъ взялъ у меня не только драгоцѣнности и деньги... Онъ взялъ душу мою. Отнялъ вѣру въ людей и счастье. Теперь я нищая...“ И еще я сказала: „Осудите меня... Мнѣ все равно... Жизнь уже ничего не стоитъ, когда душа пуста...“ И разрыдалась...

— И тебя оправдали, конечно...

— Да, вообрази!.. Хотя они всѣ тамъ были мужчины и не должны были меня понимать... Какую овацію устроила мнѣ публика!.. Я никогда не имѣла такого тріумфа... Важныя дамы плакали и пожимали мнѣ руки... Меня забросали цвѣтами... Но я была несчастна, Marion... Мнѣ хотѣлось умереть...

— А потомъ?

Иза долго молчитъ, закрывъ глаза.

— А потомъ я уѣхала въ Россію... Изъ моихъ страданій люди создали легенду, которая бѣжала впереди меня... И, что это за тріумфы были эти послѣднія пять лѣтъ!

— Но его ты уже не встрѣтила? Ты разлюбила его, Иза?

— Да, Marion... Да... Я знала многихъ мужчинъ потомъ. И многими увлекалась... Но душа молчала... Любятъ только разъ...

Маня не споритъ. Маня молчитъ, задумавшись.

— Но почему ты презираешь людей, Иза? Развѣ ты не встрѣчала истинной любви? Нѣжности? Уваженія?

Иза сухо смѣется, встряхивая черной гривкой.

— Уваженіе? Нѣжность... Знаешь, что я тебѣ скажу?.. Въ любви они всѣ одинаковы, что король, что матросъ. Все обѣщаютъ, пока не добились своего. А потомъ... еле скрываютъ свою сытость... И всѣ обѣщанія забыты... Ты знаешь, что покойный король ничего не заплатилъ мнѣ... Я была взбѣшена...

Онъ воображалъ, что сдѣлалъ мнѣ честь, подаривъ мнѣ одну ночь... Нашелъ дуру!.. Я потребовала, чтобъ онъ облицевалъ каррарскимъ мраморомъ мою виллу... Виллу въ Санъ-Ремо, которую мнѣ подарилъ одинъ англичанинъ... Ахъ, эти мужчины! Грязныя собаки! Какія страстныя письма получала я отъ вашего русскаго князя! (Она называетъ фамилію.) Онъ видѣлъ меня на сценѣ въ Петербургѣ и воспылалъ... „любовью"... Ха!.. Ха!.. Мнѣ онъ тоже понравился... Онъ, а не его богатство. Мы были счастливы безумно... Черезъ полгода я, дура, мчалась въ Россію по первому его зову. Я думала... Кто знаетъ? Можетъ быть, это моя судьба... Онъ такъ молодъ. Увлеченіе его искренно... Пріѣхала... Онъ меня встрѣтилъ, какъ невѣсту... Десять дней я прожила у него... Мы выѣзжали вмѣстѣ. Онъ мною хвасталъ... И вотъ одинъ разъ, когда мнѣ надоѣло поджидать его съ какого-то великосвѣтскаго бала, я вышла ночью и уѣхала на острова... Совсѣмъ одна. Мнѣ ты можешь повѣрить... Просто тоска одолѣла, разболѣлась голова, захотѣлось воздуху... Развѣ я не смѣю дѣлать, что хочу?.. Поѣла устрицъ, выпила шампанскаго и вернулась... Что же ты думаешь? Онъ выгналъ меня изъ спальни... Какъ собачонку... И не захотѣлъ даже выслушать... А!.. Какъ я была взбѣшена... Лакей вынесъ мнѣ въ кабинетъ бѣлье, подушки... И пошелъ къ двери. Онъ ухмылялся, негодяй... Я схватила вазу съ камина и кинула ему въ голову... Ваза стоила нѣсколько тысячъ...

Иза нервно смѣется.

— И ты уѣхала?

— Конечно... На другой же день... Онъ прислалъ изумрудное колье... и серебряную сумочку, всю полную золотомъ... „На дорожные расходы"...

— Неужели ты взяла? Зачѣмъ ты это сдѣлала, Иза?.. Зачѣмъ не швырнула ему въ лицо этого золота?..

— Ты дура!.. Я для него бросила сцену, заплатила неустойку, перессорилась со всѣми... понесла убытки... истратилась на дорогу... Ахъ, ты ничего не понимаешь!.. Развѣ онъ любилъ меня? Развѣ онъ не покупалъ мою ласку?.. Когда я увидала это колье, я поняла все... Не артистка нужна была ему, а кокотка... Не я (Иза ударила себя въ грудь), а мое тѣло... Конечно, я взяла это колье... Но ни разу не надѣла его. Я продала его немедленно...

— И вы не видѣлись больше?

— Никогда... Тѣмъ лучше!.. А то я вцѣпилась бы ему въ глаза... Какое мнѣ дѣло до того, что онъ князь?.. Князей много... А я одна... Но, знаешь, что онъ сдѣлалъ? Онъ прислалъ записку на вокзалъ съ двумя словами: „Скажите кто?..“ Я разорвала письмо и клочки бросила въ лицо лакею... „Вотъ мой отвѣтъ...“ крикнула я. „Другого не будетъ...“

— Бѣдная Иза,—мягко говоритъ Маня и гладитъ смуглую руку креолки.

Подъ этотъ безхитростный разсказъ давно, казалось, закрывшіяся раны заныли такъ больно... „Ему нужна была не я, а мое тѣло...“ Старая сказка...

— Ахъ, Marion, какъ я плакала всю дорогу! Я заперлась въ своемъ купэ... Эти болваны-мужчины толпой стояли подъ моими окнами, выжидая, когда я покажусь... Я кому-то изъ нихъ высунула языкъ... Ха!.. Ха!.. Даю тебѣ слово, что не лгу... Ну, съ той поры я покончила съ увлеченьями... О, я ихъ обирала съ ненавистью, съ наслажденіемъ! Я глумилась надъ ними... И они все переносили, какъ вотъ эти собаки мои пинки... Но развѣ я сравню ихъ съ этими звѣрушками, преданными и нѣжными?.. Каро, поди сюда, мое сокровище!.. Дай лапку... Другъ ты мой неизмѣнный... Какъ ты глядишь на меня! Вся твоя душа въ этомъ взглядѣ... Душа правдивая, вѣрная, нѣжная... какой нѣтъ у людей...

— А Мими? Неблагодарная Иза...

— Мими—это мой черный ангелъ!.. И я люблю ее, какъ сестру. Когда я умру, она получитъ половину моего состоянія. Другую я завѣщала бездомнымъ дѣтямъ того городка, гдѣ я родилась. Дѣтямъ улицы, такимъ, какъ я... Но Мими ничего не знаетъ... А то я возненавидѣла бы ее, и не повѣрила бы больше ни одной ея ласкѣ... И ты тоже молчи... Слышишь? Ни слова!..

Иногда у нихъ случаются размолвки, гдѣ опять выступаетъ рознь ихъ темпераментовъ и міросозерцанія:

— Почему ты такая кислая нынче?—сердито спрашиваетъ Иза.—Ты пляшешь, какъ маріонетка... Что за деревянное лицо? Господи!..

— Ниночкѣ нездоровится...

Иза смолкаетъ, полуоткрывъ ротъ.

— Какъ это глупо!.. Дѣти всегда хворають...

— Это угнетаетъ меня. Я не могу подняться выше этого.

— Потому что ты дочь любишь больше, чѣмъ искусство. А оно требуетъ всего человѣка... Понимаешь? Всего...

— А когда тебѣ измѣнялъ тотъ, кого ты любила? Какъ ты танцовала въ тотъ вечеръ?

— Все равно танцовала... Душа болѣла, а не ноги... не руки...

— А лицо? Развѣ ты могла выразить радость?

— Выражала... Толпа платила золотомъ, чтобъ видѣть меня... И я должна была плясать...

— А! Понимаю... Все поняла теперь... Ты искусство любила сильнѣе, чѣмъ любовь... Я не могла бы... нѣтъ!.. Развѣ не для себя прежде всего мы творимъ?

— Э, милая... Мы не принцессы... Мы боремся и работаемъ... Публикѣ нѣтъ дѣла до личной жизни артиста. За свои деньги онъ требуетъ зрѣлища...

— Какое униженіе!.. Неужели, Иза, ты не чувствуешь этого униженія?

— Вздоръ! Надо жить... Можешь презирать людей, сколько хочешь. Безъ нихъ не обойдешься... И какія бы слезы ни дрожали въ груди, надо владѣть собой и улыбаться. Это искусство, Marion. Это самое трудное изъ искусствъ...

— Ломать себя?

— Владѣть собой... Безъ этого нѣтъ истиннаго артиста... И только эта сила даетъ намъ власть надъ людьми...

— Значитъ, я никогда не буду артисткой, — грустно говоритъ Маня.—Ни для денегъ, ни для славы я не пойду потѣшать толпу...

— Зачѣмъ потѣшать?.. Радовать...

— Все равно!.. Мнѣ дороги только мои собственныя настроенія. Я чту ихъ, какъ высочайшія цѣнности. Мои танцы—это часто молитвы... Это пѣсни безъ словъ... Я не смогу торговать ими... Я буду танцовать только, когда душа моя зазвучитъ...

Иза протяжно и комично свищетъ.

— А ангажементъ? А импрессаріо? А неустойка?.. Знаешь ли, милочка? Тебѣ останется только выйти замужъ за твоего Марка...

Брови Мани горестно поднимаются.

— Иза... Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ ты меня поняла... Когда я попадаю въ толпу, меня охватываетъ всегда чувство холода и... брезгливости... Больше чѣмъ когда-либо я чувствую, какъ цѣнно, какъ необходимо человѣку—художнику особенно—одиночество... Все стадное мнѣ невыносимо... Я ненавижу публику, наводняющую театръ. Особенно публику первыхъ представленій. Она всюду одинакова... въ Парижѣ, въ Москвѣ... Пресыщенная, праздная, ничтожная, равнодушная... Она скучаетъ, зѣваетъ и кашляетъ, когда на сценѣ говорятъ тихимъ проникновеннымъ голосомъ лучшія мысли автора. Ей нужны суета, дешевые эффекты... На что ей мысли и мечты?.. Герой, умирая въ концѣ пьесы, бросаетъ свои послѣднія слова, отдаетъ зрителямъ всю красоту, весь порывъ своей творческой воли... А зрители, не дождавшись занавѣса, бѣгутъ за калошами, двигаютъ стульями, хлопаютъ дверями... какъ будто калоши сами уйдутъ изъ театра... Сколько здѣсь презрѣнія къ артисту! О, какъ я страдаю въ эти минуты! Я дошла до того, что не хожу никогда на первыя представленія... И подумать, что отъ каприза и низменнаго вкуса этой публики зависитъ успѣхъ художника... Несчастные авторы!.. Несчастные артисты!..

— Вотъ, погоди... И ты задрожишь передъ этой публикой,—шепчетъ Иза.

И сердце Мани сжимается... Гдѣ зритель, съ которымъ она жаждала бы подѣлиться своими грезами? Гдѣ люди, которые входили бы въ театръ, какъ въ храмъ? Гдѣ тѣ, что не ищутъ тамъ зрѣлища? Для которыхъ артистъ не паяцъ?

И опять путь, избранный Маней, кажется ей не тропинкой на высокую гору, съ которой открываются даль и солнце, а долгой дорогой по унылой и пустынной равнинѣ въ вечерній часъ...

А пока Маня учится и грезитъ, Штейнбахъ работаетъ для ея будущаго съ упорствомъ и ловкостью, свойственными его расѣ.

Не разъ, одѣваясь въ передней Изы, Маня слышитъ звонки. На лѣстницѣ она встрѣчаетъ какихъ-то подозрительныхъ людей съ бѣгающими пронзительными глазами и слащавой улыбкой. Всѣ они—съ портфелемъ подъ мышкой. Всѣ они, при видѣ

ея отступаютъ назадъ съ аффектаціей, свойственной французамъ, снимаютъ шляпы и кланяются ей. Всѣ глядятъ въ ея лицо кто съ большей, кто съ меньшей наглостью... Всѣ смотрятъ ей вслѣдъ, пока она спускается по лѣстницѣ, и чему-то двусмысленно улыбаются.

— Кто это къ тебѣ ходитъ?—спрашиваетъ Маня креолку.

Та дѣлаетъ наивное лицо. — А что?

— Удивительно противныя физіономіи!.. Не сердись... Но меня просто бѣситъ, какъ они на меня глядятъ!..

— Это журналисты, Маня...

— А... Вотъ что!.. Зачѣмъ они къ тебѣ ходятъ?

Иза странно глядитъ на свою ученицу.

— А ты никогда не читаешь газетъ?

— Никогда!..

Иза, усмѣхаясь, качаетъ головой. И серьги ея тоже качаются.

— Почему же такъ?

— У меня дѣлается совсѣмъ пусто въ головѣ, когда я прогляжу газету. Не знаю, почему это такъ... Но до того скучно становится жить на свѣтѣ!..

— А вотъ о тебѣ вчера еще появились двѣ замѣтки... въ *Figaro* и въ *Matin*...

— Обо мнѣ??

— Ну, да... О насъ обѣихъ... Ко мнѣ ходятъ репортеры и все выспрашиваютъ о тебѣ...

— Что за нелѣпость, Иза! Какое имъ дѣло до меня?

Но Иза закипаетъ внезапно гнѣвомъ. Она чуть не плачетъ... Что это такое? Она отказывается понимать... Это или притворство... или... глупость?.. Люди добиваются извѣстности всѣми путями... Платятъ за это деньги. А тутъ счастье само идетъ въ руки... А она же недовольна? И почему журналистамъ не интересоваться ею, Изой Хименесъ, имя которой когда-то было на всѣхъ устахъ?

— Да... тобою... Но я-то при чемъ?

— А ты моя ученица. Всѣ знаютъ, что ты будешь дебютировать въ Парижѣ. О тебѣ говорятъ... Твоего дебюта ждутъ... Чего тебѣ еще?.. Другая была бы счастлива на твоемъ мѣстѣ...

Маня молчитъ.

Уходя, она говоритъ:

— Иза, дорогая, назначь мнѣ такіе часы, когда я не рискую встрѣтить этихъ господъ у твоего подъѣзда... Не сердись!.. Я глубоко благодарна тебѣ за твои заботы... Но... мнѣ все это противно...

— Уродъ!.. Психопатка...

— Да... да... навѣрно такъ... Но я не могу... И не хочу быть другой!.. Если я стóю чего-нибудь, сама по себѣ, то это покажетъ будущее...

— Какая дьявольская гордость!

— Да, я горда... Только себѣ хочу я быть обязанной всей карьерой...

— Да это невозможно, глупое ты дитя! Ты не знаешь жизни... Реклама—это все! Въ нашемъ мірѣ нельзя безъ рекламы, безъ прессы, безъ связи, безъ подкупа... Весь твой талантъ безсиленъ создать тебѣ имя, если пресса не поддержитъ тебя... Она всемогуща... Ты вѣдь не отрицаешь моего таланта? Нѣтъ?.. А сколько, спроси, стоила моему импрессаріо реклама?.. Газеты трубили обо мнѣ за два мѣсяца до моего дебюта... Развѣ у публики есть свое мнѣніе?.. Она апплодируетъ тебѣ, потому что такъ велитъ газета... И освистываетъ тебя потому, что того хочетъ всемогущій критикъ, которому ты не сумѣла угодить или заплатить достаточно...

— Какая низость!.. У насъ, въ Россіи...

— Не знаю, какъ у васъ. И не хочу знать! Мы не въ Россіи сейчасъ... Да и въ вашъ русскій идеализмъ я не особенно вѣрю... Знаю только твердо одно: если-бъ моему дебюту въ Петербургѣ не предшествовала реклама здѣсь и тамъ... если-бъ я явилась къ вамъ безъ имени, театръ былъ бы пустъ...

Въ лицѣ Мани усталость и отвращеніе.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ ее Штейнбахъ, когда везетъ ее домой послѣ урока.

— Не спрашивай... Когда-нибудь скажу...

Онъ смолкаетъ въ тревогѣ. Какъ онъ боится всегда этихъ померкшихъ глазъ, этихъ опустившихся уголковъ ея рта!..

Вечеромъ Штейнбахъ сидитъ у камина, въ золотистомъ салонѣ креолки. Въ эти часы — онъ знаетъ — Маня къ ней не придетъ... Вкрадчиво и ловко онъ выспрашиваетъ у Изы все...

Изъ ея экспансивной рѣчи онъ видитъ, что она такъ же

наивна, какъ Маня, думая, что репортеры сами безкорыстно заинтересованы ея ученицей, и что они дѣйствительно такъ жаждутъ попасть на публичный экзаменъ въ школу Изы... Тщеславіе ослѣпило креолку, всегда практичную, всегда подозрительную.

„Тѣмъ лучше!“ думаетъ онъ. „Пусть обѣ не знаютъ ничего...“

XI.

Каждый годъ весною Иза даетъ вечеръ-балетъ въ одномъ изъ театровъ, чтобъ показать результаты работъ въ ея школѣ.

Всякій разъ публика заранѣе записывается въ передней Изы на кресла и ложи. Все это — богатые люди, родители, друзья и знакомые ученицъ... Мѣста въ первомъ ряду разсылаются безплатно свѣтиламъ артистическаго міра. Журналистамъ и рецензентамъ предоставляются лучшія ложи.

Антрепренеры театровъ и извѣстные импрессаріо никогда не пропускаютъ этихъ вечеровъ. Школа Изы Хименесъ выпустила уже не мало хореографическихъ звѣздъ, которыя пожинаютъ лавры въ Америкѣ и получаютъ огромные гонорары. Вся пресса посвящаетъ этому вечеру кто нѣсколько строкъ, кто даже цѣлый столбецъ.

Что же удивительнаго?.. Съ появленія Дунканъ на сценѣ, какая-то психическая зараза охватила дѣвушекъ... Сначала за границей, въ Лондонѣ, въ Парижѣ. Потомъ въ Россіи... Всѣмъ хочется быть босоножками. Всѣ неудовлетворенныя, всѣ непристроившіяся въ жизни, всѣ неуравновѣшенныя, всѣ жаждущія подняться надъ плоской дѣйствительностью, прекрасныя и некрасивыя, тщеславныя и мечтательныя, юныя и уже немолодыя, — всѣ кинулись учиться танцу. Классическій ли, характерный, или античный? Все равно!.. Это какая-то балетоманія. „Мода“... скажетъ поверхностный наблюдатель. И ошибется...

Въ этомъ внезапно воскресшемъ интересѣ къ балету, интересѣ живучемъ и изъ года въ годъ развивающемся; въ этихъ страстныхъ исканіяхъ новыхъ формъ и упорной борьбѣ за отживающія; въ любовномъ отношеніи къ балету крупныхъ художниковъ и композиторовъ—чувствуется влеченіе человѣка къ Кра-

сотѣ тѣла, воспринимаемой въ движеніи; влеченіе, замирающее надолго въ эпохи напряженной политической борьбы и экономическихъ кризисовъ,—но неистребимое и стихійное...

На этотъ разъ выступаетъ Маня. Она дебютируетъ въ трико и газовой юбочкѣ, какъ танцовщица классической французской школы, въ граціозномъ *Papillon* (мотылекъ) знаменитаго Пуни.

Когда занавѣсъ подымается, на сценѣ стоятъ лучшія четыре ученицы школы... Онѣ неподвижны, съ застывшими лицами. Это дремлющіе цвѣты.

Маня—мотылекъ—лежитъ на землѣ вдали и словно спитъ подъ чарующую музыку вальса... Вдругъ она просыпается, встаетъ... Движенія ея рукъ напоминаютъ трепетъ крыльевъ...

Мотылекъ вспорхнулъ и понесся по сценѣ. Надо быть танцовщицей, чтобы понять, сколько техническихъ трудностей въ этомъ танцѣ мотылька... Наноскахъ Маня перебѣгаетъ всю сцену, дѣлаетъ двойные пируэты, скользитъ легкая и воздушная, какъ будто дѣйствительно крылья у нея за спиной. Такъ и чувствуется радость жизни, непосредственная и стихійная... Словно нѣжится мотылекъ подъ яркимъ солнцемъ. И кружится, опьяненный воздухомъ и собственнымъ движеніемъ...

Цвѣты... Мотылекъ смотритъ на нихъ... Смутныя грезы разбудили въ немъ эти яркія краски, эти томительно-сладкіе ароматы... Тайной вѣетъ отъ нихъ... Зовомъ дышатъ они... Загадочный міръ встаетъ передъ мотылькомъ... А!.. Проникнуть въ него... Понять это сладкое волненіе... такое новое...

Мотылекъ вьется вокругъ цвѣтовъ подъ звуки вальса. И вдругъ приникаетъ къ розѣ въ неодолимомъ порывѣ. И цѣлуетъ ее...

Роза дрогнула и проснулась... Мотылекъ въ экстазѣ порхаетъ отъ одного цвѣтка къ другому. Онъ нѣжно приникаетъ къ нимъ, словно шепчетъ на ухо заклинанія. И цвѣты оживаютъ... Они закачались на своихъ стебляхъ, зашептались... О чемъ?.. Объ этомъ знойномъ солнцѣ. О жизни, прекрасной и короткой какъ день. О поцѣлуяхъ мотылька. О любви, которую они ждали... Вечеръ недалекъ. Съ закатомъ умретъ и эта прелестная бабочка, принесшая имъ радости жизни. И сами они отцвѣтутъ... Надо ловить мгновеніе...

И всѣ, сплетаясь въ причудливыхъ группахъ, онѣ носятся

по сценѣ подъ опьяняющую музыку... И столько зноя и увлеченія вноситъ Маня въ этотъ, казалось бы, безстрастный классическій танецъ, что публика выходитъ изъ равнодушія.

Занавѣсъ падаетъ подъ аплодисменты... Иза, однако, не дорожитъ выраженіями родственныхъ чувствъ. Она ждетъ, что скажутъ рецензенты, а главное—импрессаріо...

Все первое отдѣленіе занято тѣми же классическими танцами pas de deux, pas de trois... Тутъ и ученики Изы въ трико, кажущіеся обнаженными. Дамы любуются на эти торсы. Причудливыя позы и граціозныя движенія группъ ласкаютъ глазъ.

Но вотъ вбѣгаетъ Нильсъ. И всѣ женскія сердца забились. Его встрѣчаютъ аплодисментами. Онъ уже извѣстность...

„Какой красавецъ!“ думаетъ Штейнбахъ съ щемящимъ чувствомъ.

Нильсъ сложенъ какъ греческій богъ. У него длинныя, стройныя ноги, худощавый, мускулистый и гибкій торсъ. Онъ носится по сценѣ, плѣняя пластикой движеній. Онъ съ изумительной легкостью дѣлаетъ тѣ самыя трудныя антраша и *cabriole* итальянской школы, въ которыхъ когда-то на всю Европу прославился Вестрисъ. Для Нильса тоже какъ будто нѣтъ ничего невозможнаго... Какъ и для Мани, танецъ его стихія.

Иза улыбается. Она гордится имъ. Она вѣритъ, что Нильсъ прославитъ ея собственное имя въ той Америкѣ, гдѣ она прошла когда-то, какъ тріумфаторъ, изъ города въ городъ. Новое поколѣніе уже не помнитъ ея.

Пятнадцать минутъ антракта. Иза окружена... Она поворачивается во всѣ стороны, не зная, кому отвѣчать. Успѣхъ Нильса огромный... Антрепренеры настаиваютъ на свиданіи съ нимъ сейчасъ же....

— Сейчасъ? Нѣтъ, нельзя... Онъ переодѣвается. Онъ выступаетъ во второмъ отдѣленіи въ malagueña съ Marion. Это лучшій № вечера... Его нельзя отвлекать... Когда все кончится... Во всякомъ случаѣ,—гордо заканчиваетъ Иза,—безъ моего разрѣшенія Нильсъ не подпишетъ контракта... Вамъ придется имѣть дѣло со мной....

— Куда его приглашаютъ?—спрашиваетъ Штейнбахъ Изу, когда они опять входятъ въ ложу.

— Въ Америку на цѣлый годъ, въ турнэ.

„А-га!“ думаетъ Штейнбахъ. „А когда онъ вернется, я приглашу его въ *Студію*. Надо съ нимъ поговорить заранѣе... Маня права... Онъ крупный артистъ...“

Когда занавѣсъ поднимается вновь, передъ зрителями открывается экзотическій уголокъ Испаніи. Это тратторія. Испанцы пьютъ и играютъ въ кости за столиками. Женщины ѣдятъ и пьютъ что-то. И болтаютъ, сидя въ сторонкѣ. Говорятъ, конечно, жестами, какъ въ пантомимѣ.

Изъ-подъ занавѣса, замѣняющаго дверь и слегка отдернутаго, врывается полоса дневного свѣта. Виденъ уголъ пустынной площади, залитой жгучимъ солнцемъ, старыя дремлющія зданія... На сценѣ тихо... Слышенъ только стукъ костей, да взрывы женскаго смѣха.

Въ оркестрѣ раздаются звуки танца. Сперва далекіе... Ближе... ближе... Вдругъ занавѣсъ откидывается. Женская фигура, вся перегнувшись назадъ, спиной къ публикѣ, появляется на яркомъ фонѣ. Въ раскинутыхъ рукахъ замерли кастаньеты... Это уличная танцовщица. Живописный костюмъ, оранжевая юбка съ накинутымъ на нее темно-синимъ шарфомъ, представляетъ эффектное красочное пятно. Лица ея не видно... Вдругъ она оборачивается и точно перелетаетъ черезъ сцену. За нею врывается испанецъ. Съ полнымъ страсти лицомъ онъ хочетъ ее схватить. Она гнѣвно вскидываетъ голову. Онъ отступаетъ, смущенный.

Всѣ бросили игру. Всѣ узнали ее. Встали и апплодируютъ. И она пляшетъ, отдаваясь подхватившей ее волнѣ радости... Знойно и немолчно трещатъ кастаньеты. Она пляшетъ, изгибаясь какими-то змѣиными движеніями, какъ будто нѣтъ у нея костей, вся трепеща отъ жажды счастія, въ томленіи то замедляя темпъ, то снова бѣшено кружась... Красавецъ-испанецъ, опьяненный этой женщиной, все время признается ей въ любви на условномъ и картинномъ языкѣ балета... Зачѣмъ слова? Когда говорятъ эти глаза, губы, эти жесты рукъ?

Онъ ловитъ ее... Она ускользаетъ. Насмѣшкой дышитъ ея лицо. Испанецъ настигаетъ ее вновь... Это какой-то любовный

поединокъ... Чтобъ возбудить его ревность, она, танцуя, перегибается то къ одному испанцу, то къ другому. Ласкаетъ или обжигаетъ ихъ глазами... Мужчины взволнованно протягиваютъ къ ней руки. Женщины смущены. Онѣ ревнуютъ.

А она все пляшетъ, пляшетъ, создавая вокругъ себя какую-то знойную атмосферу, цѣлый вихрь поднявшихся желаній... И кастаньеты трещатъ, какъ кузнечики въ іюльскій полдень... Страстно, назойливо, опьяняюще...

Мимика Мани удивительна. Цѣлая гамма чувствъ пробѣгаетъ въ этомъ лицѣ, по мѣрѣ того, какъ гипнозъ чужой страсти постепенно овладѣваетъ ея душой... Гнѣвъ смѣняется удивленіемъ. Нѣга заволакиваетъ глаза и замедляетъ движенія... Гордость исчезаетъ... Какая-то мягкость проскальзываетъ въ ея жестахъ по мѣрѣ того, какъ движенія Нильса становятся все увѣреннѣе и сильнѣе...

Они кружатся по сценѣ... Они пляшутъ безъ устали... Но кастаньеты звучатъ уже слабѣе. И нѣтъ уже вызова въ ея глазахъ...

„Странно!..“ думаетъ Штейнбахъ... „Она словно повторяетъ его движенія.“ Да... да... Не отрывая отъ лица испанца мечтательныхъ глазъ, гитана покорно повторяетъ его жесты... Точно нѣтъ и не было у нея ничего своего.

Вдругъ неожиданнымъ прыжкомъ онъ хватаетъ танцовщицу, перекидываетъ всю ея фигуру на сгибѣ локтя, почти поднявъ ее на воздухъ...

Кастаньеты падаютъ изъ ея рукъ. И они глядятъ другъ другу въ глаза... Онъ, торжествующе улыбаясь, какъ побѣдитель. Она со страхомъ, какъ побѣжденная.

Весь залъ встаетъ, захваченный на этотъ разъ.

Маню и Лихачева вызываютъ безъ конца... Иза сіяетъ. Она не такъ вела эту сцену... Но все равно! И это тонко сдѣлано...

Штейнбахъ угрюмо молчитъ. Идея танца ему ясна... Онъ не ревнуетъ къ Лихачеву. Нѣтъ. Онъ вѣритъ въ глубокое равнодушіе Мани ко всему, что не искусство... И если нѣгой загорались ея глаза, и чувственная улыбка, которую онъ такъ безумно любитъ, раскрывала сейчасъ ея губы, онъ знаетъ хорошо, что не для Лихачева была она... Маня перевоплощается въ роль... Пусть Нильсъ и всѣ другіе увлекаются ею! Пока

Маня идетъ въ гору, пока душа ея полна стремленіемъ и борьбой, нѣтъ для нея ничего страшнаго... И было бы смѣшно терзаться тѣмъ, что, танцуя, они кажутся безумно влюбленными... Онъ это знаетъ...

Но есть что-то въ этомъ танцѣ жуткое и новое... Не совсѣмъ ясное, что надо додумать и понять... Она какъ бы вскрыла внезапно въ этотъ вечеръ, въ своемъ танцѣ, тайники своей души; то, чего навѣрно она не знаетъ сама... Это ужасъ ея передъ любовью. Ея безсиліе предъ нею... Ея жгучую, сознательно заглушенную мечту...

На другой день газеты даютъ отзывы. Нильсъ признанъ первокласснымъ артистомъ. Онъ получилъ уже нѣсколько выгодныхъ предложеній. Marion называютъ восходящей звѣздой.

Штейнбахъ читаетъ Манѣ и фрау Кеслеръ всѣ эти отзывы. У него уже альбомъ завелся и наверху выгравировано *Marion*. Эти первые отзывы онъ вырѣзаетъ и самъ наклеиваетъ въ альбомъ.

Маня мягко улыбается. Она задумчива и кажется счастливой.

— А это кому?—спрашиваетъ фрау Кеслеръ, видя, что Штейнбахъ развертываетъ вторые экземпляры газетъ и опять вырѣзаетъ что-то.

— А это я отсылаю Сонѣ и... Федору Филипповичу.

Лихачевъ уѣзжаетъ послѣ Пасхи въ Америку,—говоритъ Штейнбахъ въ воскресенье, когда всѣ собрались къ нему на завтракъ.

— Неужели?—горестно срывается у Мани.

— Тебѣ жаль его?

— Еще бы! Я въ отчаяніи. Теперь не съ кѣмъ танцовать... Такіе идіоты всѣ ученики!.. А его талантъ... вдохновляетъ меня... говоря высокимъ слогомъ.

Она сама первая смѣется.

— Но и красота его, конечно?

— Да... Глазъ отдыхалъ на его фигурѣ... Если-бъ онъ жилъ въ Элладѣ, его имя навѣрно дошло бы до насъ...

„Я очень радъ, что онъ уѣзжаетъ въ Америку,“ думаетъ Штейнбахъ... „И насчетъ *Студіи* надо еще подумать... Наши предварительные переговоры ни къ чему ни его, ни меня не обязываютъ...“

XII.

Жизнь Кати потемнѣла... Катя несчастна... Впечатлѣніе такое, будто въ лѣтній полдень сизая туча закрыла солнце. И все поникло въ предчувствіи грозы...

Что же случилось?

Она была у Галагановъ на второй день Пасхи. Тамъ обѣдали Горленко, и Федоръ Филипповичъ, и пріѣхавшая изъ Москвы Соня.

Николенька поблѣднѣлъ, увидавъ ее... Да, Катя это ясно помнитъ... И за обѣдомъ молчалъ... И ни разу не улыбнулся...

Почему онъ такъ поблѣднѣлъ? Почему Соня такъ презрительно сжала губы?.. Она кивнула ему, какъ принцесса... Дрянь-дѣвчонка! Какъ она смѣетъ такъ обращаться съ ея мужемъ?

Лицо Кати запылало...

Во время дессерта этотъ противный Федоръ Филипповичъ вытащилъ изъ кармана какія-то бумажки.

— Mesdames et messieurs,—сказалъ онъ, лукаво блестя глазами,—кто изъ васъ помнитъ Маню Ельцову?

Разомъ смолкли голоса. Дамы брезгливо поджали губы. Мужчины встрепенулись. Катя низко опустила голову. Ей было страшно взглянуть на мужа.

Выждавъ паузу, какъ бы наслаждаясь эффектомъ своихъ словъ, Федоръ Филипповичъ сказалъ:

— А вотъ что пишутъ о ней въ парижскихъ газетахъ...

И онъ прочелъ вслухъ... Много читалъ... Правда... отзывы удивительные... Восходящая звѣзда балета...

— А вотъ и ея портретъ...

Газета стала переходить изъ рукъ въ руки.

— Да она... кажется, она легко одѣта?—сконфуженно прошептала хозяйка, разглядывая въ лорнетъ фигуру Мани.

— Просто-напросто, голая,—расхохотался Лизогубъ.

— Mon cher, это античный костюмъ,—снисходительно поправилъ „дядюшка".—Вы развѣ не видѣли Дунканъ? Marion дѣйствительно сложена какъ статуя.

Дамы разглядывали портретъ, покачивая головами. У нихъ было такое выраженіе, словно онѣ собирались замять неприличный разговоръ.

— Откуда это у васъ?—враждебно черезъ столъ крикнула „дядюшкѣ" madame Лизогубъ. Она замѣтила смущеніе дочери и блѣдность Нелидова. Но онъ презрительно щурилъ глаза и тщательно чистилъ яблоко для жены.

Вдругъ раздался звонкій и холодный голосокъ Сони:

— Это прислалъ намъ ея женихъ.

— Развѣ она замужъ выходитъ?—быстро перебилъ изящный правовѣдъ, сынъ Галагана.

— Да, за барона Штейнбаха.

— А!..

Словно вздохъ прошелъ по комнатѣ. Наташа держала въ рукахъ газету. Наклонясь надъ ея стуломъ, мужчины разглядывали босоножку.

— Она очень интересна! — громко сказала Наташа, нарочно подчеркивая свой восторгъ. Катя понимала хорошо, что это нарочно. И у нея уже дрожали слезы въ груди...

— Какія ноги!—крикнулъ правовѣдъ. У мужчинъ ноздри раздувались, когда они взяли газету и отошли къ окну.

— Эффектная женщина...

— Я бы никогда ее не узналъ... Совсѣмъ другое лицо.. Какое-то строгое...

— А вотъ carte postale,—сказалъ дядюшка.—Она и Нильсъ... тоже знаменитость... Оба они въ испанскомъ танцѣ...

— Покажите... Покажите!.. Дайте сюда!..

— Вотъ это она! Узнаю...—игриво крикнулъ Лизогубъ, не замѣчая гнѣвнаго взгляда жены. — Изогнулась какъ!.. Сколько нѣги въ глазахъ!.. Ахъ, чортъ возьми, какая женщина!..

— Онъ тоже удивительный красавецъ!—подхватила Наташа.—Федоръ Филиппычъ, подарите мнѣ эту carte postale...

— Съ удовольствіемъ... У Сони есть другая.

— Никогда я не повѣрю, что онъ женится!—вдругъ заявила madame Лизогубъ, покрывая своимъ контральто поднявшійся шумъ.—Охота ему жениться... этому Штейнбаху... Кто женится на такихъ?..

— Почему?—крикнула Соня.

— Ah, ma petite!.. На чьи же деньги она тамъ живетъ?

— Она зарабатываетъ сама... Она дѣлаетъ рисунки для иллюстрированныхъ журналовъ.

Хохотъ встрѣтилъ эти слова. Соня озиралась съ пылавшими щеками.

— Знаемъ мы эти журналы!—подхватилъ Лизогубъ.—При милліонахъ Штейнбаха...

Соня встала, рѣзко двинувъ стуломъ. Ея круглое лицо было блѣдно...

— Господа, довольно!—такъ и зазвенѣлъ на всю комнату ея высокій голосокъ.—Прошу не забывать, что Маня Ельцова моя лучшая подруга... и что если вы всѣ забросали ее камнями...

— Тсс... тсс... Qu'est-ce qu'elle dit?

— ...то я-то, вѣдь, отъ нея не отреклась...

— Аль ты въ своемъ умѣ, дивчина?—черезъ столъ спросилъ Горленко дочь.

— Я не могу оставаться въ домѣ, гдѣ оскорбляютъ моихъ друзей!—истерично выкрикнула Соня и ударила рукой по столу.—Я сейчасъ уѣзжаю...

— Да что съ тобой, Соня?

— Какая несдержанность! Vous êtes folle?

— Оскорблять беззащитную, одинокую дѣвушку?—уже рыдала Соня.—И вамъ, дядюшка, не стыдно молчать?..

Дядюшка комично развелъ руками.

— Ну, вотъ... Теперь я виноватъ...

— Дайте ей воды!—закричала хозяйка. Всѣ вскочили.

— Sophie, ma chèrie,—мягко говорилъ Галаганъ, цѣлуя въ голову Соню, рыдавшую на его груди.—Успокойся... Кто ее оскорбилъ?.. Пусть себѣ пляшетъ!.. Мы очень рады за нее...

— Пойдемъ ко мнѣ,—ласково сказала Наташа, обняла Соню за талію и увела къ себѣ.

Въ столовой всѣ молчали, сконфуженные, растерявшіеся. Мужчины усиленно курили. Дамы кушали фрукты...

— Она переутомилась съ этими экзаменами,—мягко объясняла Вѣра Филипповна.—Совсѣмъ разбила свои нервы.

Правовѣдъ зналъ о мимолетномъ романѣ Нелидова.

— Вы хотите взглянуть?—любезно предложилъ онъ, протягивая ему газету.

— Позвольте,—небрежно отозвался Нелидовъ.

Тутъ въ первый разъ Катя подняла глаза... Она не могла удержаться, чтобы не взглянуть на мужа... Если бы даже спасеніе души ея зависѣло отъ этого, она все-таки взглянула бы... И она увидала... Что?.. Пустяки, скажутъ другіе... Но она-то знаетъ... Она вѣритъ сердцу, дрогнувшему въ ея груди... Николенька кинулъ одинъ только взглядъ на эту „Маньку"... Одинъ только. Бѣглый... Но такой острый, такой жадный... И ротъ его дернулся... Онъ тотчасъ передалъ газету дальше и сталъ чистить мандаринъ...

Вотъ и все... Они скоро уѣхали. У нея заболѣла голова.

Всю дорогу онъ молчалъ. Словно не видѣлъ, что она сидитъ рядомъ, что ей страшно... что она ждетъ его ласки...

И вотъ съ этой минуты ушло безмятежное счастіе Кати. Никогда не считала она себя ни ревнивой, ни подозрительной. А теперь она уже боится вѣрить... По ясному зеркалу души прошла трещина... Этого не измѣнишь...

Черной маленькой змѣйкой вползла ревность въ эту душу. И пригрѣлась тамъ, незамѣтная, на самомъ днѣ...

Пѣніе Кати смолкло. Рѣже звучитъ ея смѣхъ. А вѣдь Николенька не замѣчаетъ. Онъ бѣжитъ въ поле. Спѣшитъ на охоту... Возвращается усталый... И засыпаетъ, не обнявъ ее... Иногда онъ по недѣлѣ словно не видитъ рядомъ съ собою ея смуглаго тѣла, которое такъ любилъ недавно... И на какія только ухищренія не идетъ она, чтобъ разбудить его чувственность?

Онъ спитъ... А она думаетъ, думаетъ... Неужели охлажденіе? Такъ скоро?.. И за что?.. Но развѣ можно жить дальше

безъ его страсти? Лучше умереть... И она горько плачетъ. Ей жаль себя. Жаль юности и жизни...

Иногда на нее нападаетъ ужасъ. Она видитъ его усталые жесты, жесткій взглядъ. Холодомъ вѣетъ отъ его улыбки... Онъ еле скрываетъ этотъ холодъ подъ маской свѣтской любезности. Это съ нею-то? Съ женой?.. Развѣ она не чувствуетъ, что онъ постоянно стремится уйти отъ всѣхъ?

И Анна Львовна тоже тревожно слѣдитъ за нимъ и думаетъ что-то...

Что думаетъ она?..

„Зачѣмъ онъ женился, если не любитъ? Зачѣмъ обманулъ?..“

Катя плачетъ потихоньку.

Но онъ возвращается къ ней. И это похоже на то, что онъ вернулся изъ далекой-далекой страны... Пристально глядитъ онъ тогда въ это исхудавшее личико. Словно спрашиваетъ: „Да развѣ это ты, о которой я мечталъ... которую ждалъ всю жизнь?.. У тебя было совсѣмъ другое лицо“.

И какъ горячи тогда его поцѣлуи!.. Въ кровь кусаетъ онъ ея шейку, ея губы. Вновь пугаетъ ее давно забытой изступленностью своихъ ласкъ...

И въ замученную душу Кати входитъ такая отрадная тишина... Развѣ они не навѣки вмѣстѣ? Развѣ не соединилъ ихъ Богъ? Кто посмѣетъ разлучить ихъ?.. Кто?

Ахъ, онѣ возвращаются, эти сомнѣнія... Черная змѣйка, спящая на днѣ сердца, шевелится опять и больно жалитъ...

Въ печальныхъ глазахъ Николеньки она ловитъ образъ другой женщины... Развѣ счастливый человѣкъ можетъ такъ улыбаться? Быть такимъ далекимъ и разсѣяннымъ? Не слышать вопросовъ любимой женщины, когда она тутъ, рядомъ?

А потомъ опять-опять, послѣ недѣли отчужденія, онъ ласкаетъ ее... И она засыпаетъ, успокоенная его страстью. Она спитъ съ улыбкой на губахъ... Забыть все!.. Быть счастливой... Глупая, неблагодарная!.. Развѣ не любя можно такъ цѣловать женщину? Что нужно ей еще для счастья?

Но вотъ она замѣтила еще странность... Чѣмъ горячѣе его поцѣлуи ночью, тѣмъ холоднѣе его глаза днемъ... Эти мрачные и больные глаза...

Или это ей все кажется?.. Только кажется ей?

Одинъ разъ въ сумерки она прокралась въ кабинетъ. Николенька сидѣлъ у гаснувшей печки. Такой печальный, затихшій... Она взяла скамеечку и сѣла у его ногъ. Она обняла эти стройныя ноги и прижалась къ нимъ лицомъ. Совсѣмъ какъ кошечка...

„Кици..." тихонько сказалъ онъ, не отрывая глазъ отъ огня. Въ добрыя минуты, когда онъ шутитъ съ нею, онъ часто называетъ ее такъ... Какъ она обрадовалась этому „Кици!"

Онъ уронилъ руку на ея голову... И точно забылъ о ней.

И вдругъ змѣйка шевельнулась. „Онъ думаетъ о Манѣ..." поняла Катя.

Слезы разомъ закапали изъ ея глазъ. Крупныя, горячія слезы. Точно лѣтній дождь.

Онъ вздрогнулъ. Испуганно нагнулся... Онъ хотѣлъ поднять ея голову. Но она прижалась еще крѣпче къ его колѣнямъ, и вся затрепетала отъ рыданій.

— Ты не любишь меня, Николенька!—разслыхалъ онъ.

Его глаза расширились отъ страха. Что она сказала?.. Почему она это думаетъ?.. Развѣ онъ чѣмъ-нибудь выдалъ себя?.. Далъ угадать ей или матери свою тоску, свою тайну?..

— Ахъ, это ложь!—крикнулъ онъ, отвѣчая не ей, а себѣ. Себя стараясь увѣрить.—Катя... Кицинька... моя дѣвочка... Я люблю тебя... Тебя одну...

Катя перестала плакать. Онъ выдалъ себя...

Она покорно поднялась. Онъ посадилъ ее на колѣни и сталъ гладить ея лицо... И она опять закрыла глаза...

Это было что-то такое новое между ними. Такое прекрасное... Горечь и обида стихали подъ этой нѣжной рукой...

— Я старъ для тебя, Кици,—разслыхала она. И крѣпче прижалась къ нему, обвивъ руками его шею, какъ бы говоря: „Нѣтъ... Нѣтъ... Нѣтъ..."

— Видишь ли... Все измѣнится, когда у насъ будутъ дѣти... Когда это будетъ, Кици?.. Ты не знаешь?

И въ сердцѣ Кати, всегда боявшейся материнства; въ сердцѣ этой маленькой женщины, жаждавшей только радостей, вдругъ забилась сладкая надежда... Ребенокъ вернетъ ей Николеньку... Ребенокъ свяжетъ ихъ еще крѣпче... И не страшны тогда ей будутъ ни эти минуты его молчанія, ни эти образы минувшаго...

XIII.

Маня и Лихачевъ сидятъ за столикомъ въ одномъ изъ ресторановъ Дюваль, на бульварѣ Капуциновъ.

Маня предлагала идти въ „bouillon", тамъ дешевле...

— Вотъ еще!.. Съ авансомъ въ тысячу франковъ я поведу даму въ bouillon!

Лихачевъ одѣтъ съ иголочки и по модѣ. Но его галстукъ „кричитъ", а свѣтлый жилетъ точно лѣзетъ въ глаза. Маня вспоминаетъ, какъ просто всегда одѣтъ Штейнбахъ, хотя его костюмъ дорогъ и изященъ. Всѣ глядятъ не на смокингъ, а въ его лицо. Чувствуется, что платье для него только рамка.

Какъ бѣднякъ, привыкшій къ нуждѣ, Лихачевъ никакъ не можетъ освоиться съ своимъ новымъ положеніемъ. Онъ безпрестанно оправляетъ галстукъ, любовно гладитъ цилиндръ, лежащій на стулѣ, смотритъ на носки штиблетъ, высовываетъ маншеты и любуется модными запонками изъ новаго золота. Онѣ кажутся ему верхомъ шика... Онъ хотѣлъ купить золотыя. Но Милочка пришла въ ужасъ. Натерпѣвшись лишеній за эти два года, она уже не вѣритъ въ счастіе. Либо прогоритъ антрепренеръ, либо надуетъ, и они опять будутъ голодать. Она трясется надъ каждымъ франкомъ.

„Если бы онъ ходилъ совсѣмъ обнаженный", думаетъ Маня... „какъ борецъ въ Элладѣ, онъ былъ бы единственнымъ среди всѣхъ этихъ мужчинъ. До чего портитъ его современный костюмъ! Лицо его не банально. Маркъ неправъ... Какъ хорошъ этотъ энергичный профиль! Сколько силы въ этомъ широкомъ подбородкѣ... Какой твердый и красивый очеркъ губъ... Чувствуется натура въ этомъ лицѣ. Въ этихъ нервныхъ ноздряхъ и блескѣ темныхъ глазъ виденъ темпераментъ..."

Имъ подаетъ кокетливая хорошенькая блондинка въ черномъ платьѣ, въ бѣломъ фартукѣ и гофренномъ чепчикѣ. Она стрѣляетъ глазами въ мужчинъ. Но чопорно поджимаетъ губки... „Чтобъ набить себѣ цѣну..." думаетъ Лихачевъ.

Онъ тоже какъ женщина играетъ глазами, перемигивается со всѣми служащими. Всѣ онѣ молоды и миловидны. Съ виду неприступныя, даже надменныя. Точно дамы. Но Лихачевъ видитъ ихъ насквозь... Онъ рѣдко теперь измѣняетъ своей

Милѣ... Некогда... Да и пресытился онъ теперь парижскими впечатлѣніями, опьянившими его въ первый годъ. Но въ ту эпоху его напряженнаго любопытства и исканій онъ хорошо изучилъ нравы Парижа... Молодость и красота рѣдко имѣютъ успѣхъ, въ этой средѣ по крайней мѣрѣ... Здѣсь нужны деньги. У француженокъ много практичности и мало темперамента.

Маня заказываетъ обѣдъ, выбираетъ блюда по карточкѣ. Съ холодной поверхностной любезностью Marie предлагаетъ вина...

Лихачевъ говоритъ, смѣясь, и сверкая зубами.

— Какъ злитъ меня всегда этотъ обычай брать отдѣльную плату за хлѣбъ! До сихъ поръ не могу привыкнуть!.. Ужъ и практичные же эти французы!.. То ли дѣло въ Москвѣ!.. Придешь, бывало, въ какую-нибудь „столовую", спросишь себѣ одно блюдо, а хлѣба съѣшь фунта два... Вотъ и сытъ...

За супомъ онъ говоритъ Манѣ:

— Послѣдній нашъ обѣдъ, Marion... Сколько разъ мы бѣгали съ вами въ bouillon... перекусить чего-нибудь между уроками...

— Tout passe... tout lasse... tout casse...—смѣется Маня.— Полноте, Нильсъ... О чемъ жалѣть? Васъ ждетъ слава...

Онъ придвигается и кладетъ локти на столъ.

— Страшно подумать... Цѣлый годъ я не увижу васъ!.. Marion... Положите сюда вашу ручку...

— Всѣ смотрятъ на насъ...

— Чортъ съ ними! Положите...

Маня, смѣясь, подвигаетъ руку. Онъ страстно цѣлуетъ ея пальцы.

Подходитъ Marie... Она надменна и безстрастна. Лихачевъ игриво глядитъ на нее. Она бросаетъ ему бѣглый взглядъ, смотритъ на Маню и краснѣетъ...

Маня съ трудомъ удерживаетъ смѣхъ.

— Marion,—серьезно говоритъ Лихачевъ, принимаясь за фрикассе изъ кролика,—меня вашъ женихъ приглашаетъ въ *Студію*, когда я вернусь...

— Да... да... Этого я хотѣла... Если васъ не будетъ со мною, всѣ мои мимическіе танцы пропадутъ...

— Вы забудете меня до тѣхъ поръ?..

— Никогда, Нильсъ, никогда!.. Я на память написала ваше лицо... Эта картинка виситъ у меня надъ постелью...

— Послушайте... Не говорите такъ... Вы меня съ ума сводите... Разъ я такъ нравлюсь вамъ...

— На сценѣ Нильсъ...

Маня поднимаетъ пальчикъ и грозитъ.

— Вы меня бѣсите!—говоритъ онъ, стукнувъ кулакомъ по столу. Ножъ зазвенѣлъ и упалъ съ тарелки.

— Monsieur?—спрашиваетъ Marie, подбѣгая.

Онъ опять играетъ съ ней глазами...

„Что за счастливая натура!“ думаетъ Маня. „Такой не умретъ отъ любви...“

— Ну, хорошо... Чего вы хотите отъ меня?

— Вы не ребенокъ, Marion...

— Подарить вамъ одинъ мигъ?—смѣется она.—Мнѣ этого не нужно, Нильсъ... И къ тому же я боюсь, что этотъ мигъ унесетъ все очарованіе. А я имъ слишкомъ дорожу... Довольно!.. Не смотрите на меня такими... просящими глазами... Вамъ идетъ быть дерзкимъ и хищнымъ... Какъ въ malagueña, которую мы танцовали...

— Вы любите нахаловъ?

— Со мной никто не рискнулъ имъ быть... Но... именно это любятъ настоящія женщины...

— Все вертится... вертится,—злобно бормочетъ онъ, сверкая глазами...

Она съ восхищеніемъ глядитъ на него, маленькими глотками отпивая вино.

— Фразерка вы, и больше ничего!—говоритъ онъ, отталкивая тарелку. И срываетъ салфетку.

— Что это значитъ?

— Сами проповѣдуете: „любить легко и радостно...“ Вспомните, какъ вы это у насъ на квартирѣ распространялись... Моя наивная Мила смотрѣла на васъ, какъ на чудовище... Я и тогда сказалъ ей: „Все вретъ... Не ревнуй!.. Кто такъ говоритъ, всегда недотрогой оказывается... А надо бояться тихенькихъ съ невинными личиками, которыя съ вида воды не замутятъ...“

— Ахъ, какъ хорошо сказано!—смѣется Маня.

— Такую вотъ любовь я вамъ и предлагаю... Что же вы отталкиваете меня?

— Слишкомъ много любви, Нильсъ... У меня есть женихъ...

— Это вашъ-то Отелло?.. Какая съ нимъ радость? Бросьте его... онъ съ собой завтра же покончитъ... Въ его глаза поглядишь, забудешь смѣяться...

Маня вдругъ ставитъ стаканъ на столъ. Сдвинувъ брови, съ полуоткрытыми губами глядитъ она куда-то вверхъ, выше его головы. Смѣхъ и радость исчезли изъ ея лица.

— Романтикъ вы... Выдуманная вся... вотъ что!—укоризненно бросаетъ Лихачевъ и сторонится, чтобъ дать мѣсто артишокамъ, которые принесла Мари.—Сами вы себя не знаете... Вы вотъ не замѣчали... А я за вами всегда слѣдилъ... И какое лицо у васъ иногда было, когда вы задумаетесь!.. Прямо трагическая артистка!.. А сама толкуетъ: „завей горе веревочкой...“ Ну, чокнемся, что ли!..

— За ваше будущее, Нильсъ! — упавшимъ голосомъ говоритъ она. И блѣдно улыбается.

— За нашу встрѣчу и любовь... Хоть во снѣ да любовь!— отвѣчаетъ онъ, лаская ее глазами.—Ахъ, Маня... Маничка...

— Marion... Слышите?

— Э, къ чорту! Надоѣли мнѣ всѣ эти условности... Красавица вы моя, Маничка... Если-бъ вы знали, какъ я мечтаю о васъ!.. Поймите... вѣдь во всю жизнь... ей-Богу не лгу... и не хвастаю... во всю жизнь я не встрѣчалъ отказа... Вы первая...

— Вотъ за это и нравлюсь...

— Э, нѣтъ!.. Просто вы... необыкновенная какая-то... Понимаете?.. Когда съ вами говоришь и смотришь на васъ... точно сказку читаешь... И сладко... и грустно... Вотъ я сейчасъ заплачу...

— Не надо... Marie подойдетъ... Вамъ станетъ совѣстно...

— Ахъ, злая какая!.. Неужто я васъ съ нею сравню?.. Маничка, исполните одну просьбу... Поцѣлуйте меня на прощанье... Одинъ только разъ...

Она смотритъ на его губы, и глаза ея темнѣютъ.

— Черезъ годъ, Нильсъ... въ *Студіи*, когда вы будете въ испанскомъ костюмѣ, и мы пропляшемъ malagueña...

— Идетъ?—вскрикиваетъ онъ, подаваясь впередъ и кладя на столъ руку ладонью вверхъ.

— Идетъ... Ой, больно!.. Вы мнѣ пальцы раздавили... Ахъ вы, глупый Нильсъ... Даже поблѣднѣлъ... Вотъ чудный темпераментъ!.. Какъ это ваша Милочка умудряется быть счастливой съ вами?

— Жены никогда не должны знать, что дѣлаютъ ихъ мужья...

— Та-акъ... Ну... а если бы и она тоже...

— Что такое?

— Если-бъ ваша Мила измѣнила вамъ съ другимъ?

— Убилъ бы его... этого другого... И дѣлу конецъ!—страстно срывается у него. И Маня чувствуетъ, что онъ не лжетъ.

„Что за прелесть!“ думаетъ она. „И даже его вульгарность идетъ къ нему. Не долженъ онъ быть ни тонкимъ, ни изящнымъ... Именно такимъ непосредственнымъ... „степнымъ“...

— Ну, смотрите, Маня...

— Marion...

— Нѣтъ, нѣтъ... Не хочу!.. Маничка... красавица Маничка... единственная женщина... царица моя... смотрите же,—говоритъ онъ, стуча пальцемъ по столу. И въ его темныхъ глазахъ горятъ угроза и страсть.—Не обманите... Помните договоръ...

— Нильсъ... Да вы съ ума сошли?.. Вы придаете какое-то роковое значеніе такому пустяку, какъ поцѣлуй... Вѣдь мы же не мѣщане, Нильсъ... Мы артисты и товарищи...

— Вы берете назадъ слово?

— Никогда!—гордо говоритъ Маня.—Я не кокетка. И трусости не знаю... Мой поцѣлуй будетъ страстной благодарностью артисту, вдохновляющему меня... Вамъ будутъ бросать цвѣты... Это тотъ же цвѣтокъ, который я брошу къ вашимъ ногамъ.

Они молча глядятъ другъ другу въ глаза. Какъ бы мѣряясь силами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

. . . .
Будь далекъ отъ земли, и крыломъ бѣлоснѣжнымъ
Вѣчно скользи
Въ чистыхъ предѣлахъ небесной стези.
Мыслямъ отдайся безбрежнымъ,
Плачь и мечтай,
Прочь отъ враждебной земли улетай...
Лучше бродить по вершинамъ холоднымъ и снѣжнымъ,
Взоръ навсегда обратить къ красотѣ...
Лучше страдать... но страдать на такой высотѣ
Духомъ мятежнымъ,
Такъ унестись, чтобъ земля чуть виднѣлась вдали...
. . . .

Бальмонтъ.

I.

Только конецъ марта, но въ Парижѣ жара и пыль. Мужчины ходятъ въ однихъ пиджакахъ. Горничныя и прачки безъ шляпъ, съ цвѣткомъ въ волосахъ... Эти цвѣты пестрѣютъ на каждомъ углу: фіалки, желтыя ромашки, левкои... Элегантныя дамы еще носятъ мѣха и муфты, но онѣ украшены букетами живыхъ цвѣтовъ.

Близъ собора Notre-Dame въ скверѣ звенятъ дѣтскіе голоса и смѣхъ.

Двѣ женскія фигурки медленно пересѣкаютъ площадь и останавливаются недалеко отъ портала.

— Вотъ это и есть Notre-Dame? — шопотомъ спрашиваетъ Соня, глядя на цвѣтную розетку изъ стекла.

— Да... да... Хорошъ?..

— Лучше, чѣмъ я думала... Помнишь, какъ мы по ночамъ читали Виктора Гюго?

— Когда насмотришься, пойдемъ направо, къ мосту... И ты увидишь химеры...

Онѣ идутъ направо. Долго стоятъ на мосту, закинувъ головы.

Въ рукахъ Сони бинокль.

— Какая зловѣщая смѣсь мистическаго съ цинизмомъ!..— Она оглядывается и смотритъ на другой берегъ Сены.—А это что за замокъ?

— Palais de Justice... Видала ли ты что-нибудь прекраснѣе, Соня?.. Это старая резиденція Капетинговъ, судъ и тюрьма... Здѣсь они рождались, любили, мстили, умирали... Какія странныя и живописныя башни по угламъ! Это мой любимый уголокъ, Соня... Я часами просиживаю въ праздники здѣсь, въ скверѣ, одна... И какія только картины не встаютъ тогда въ душѣ!.. Пойдемъ въ скверъ, на мою лавочку...

— О, роскошь какая!—говоритъ Соня, когда передъ ними раскидывается сверкающій всѣми красками цвѣточный рынокъ.

— И подумать, что въ Москвѣ еще сейчасъ глубокій снѣгъ и морозы...

Маня покупаетъ ей и себѣ по огромному букету желтой ромашки. Онѣ садятся на лавочку, и Маня цѣлуетъ цвѣты.

— Люблю ихъ... Вотъ эти особенно... Они похожи на солнце...

Соня смолкаетъ, утомленная впечатлѣніями... Она пріѣхала только вчера вечеромъ... И на *Gare du Nord* ее встрѣтили Штейнбахъ и Маня. Они всѣ горячо обнялись, и радостна была эта встрѣча.

Прямо съ вокзала они поѣхали въ предмѣстье Нельи, гдѣ живетъ Маня... Тамъ ихъ ждала фрау Кеслеръ съ горячимъ кофе и домашнимъ ужиномъ. У нихъ же Соня и осталась. Онѣ вчетверомъ проговорили почти до зари. Потомъ Маркъ уѣхалъ.

— А твоя Ниночка?—уже передъ сномъ вспомнила Соня.

Маня положила палецъ на губы и на цыпочкахъ повела ее въ свою комнату... Ночникъ слабо озарялъ люльку. Соня склонилась надъ нею съ невольнымъ благоговѣніемъ. Вѣдь это было чудо передъ нею... Дитя любви.

И только утромъ Соня разглядѣла это точеное личико, надменныя губки и сѣрые глаза. Она покраснѣла невольно, цѣлуя крохотную ручку, а Маня засмѣялась.

— Вылитый отецъ! Правда?

Соня замолчала, потерявъ разомъ почву подъ ногами. Не-

ужели Маня не разлюбила Нелидова?.. И, какъ бы отвѣчая на ея мысль, Маня спокойно добавила:

— Она будетъ очень хороша собой. Въ ней сказывается порода...

— Богъ съ ней, съ породой! — перебила фрау Кеслеръ.— Было бы сердце...

— А почему ты думаешь, Агата, что онъ безсердеченъ? Нѣтъ, онъ даже великодушенъ и благороденъ... Зачѣмъ судить о немъ такъ строго? Онъ только... среднiй человѣкъ... нормальный... Конечно, я желала бы, чтобы Нина была интереснѣе и сложнѣе своего отца...

„Разлюбила... Слава Богу!..“ подумала Соня.

Онѣ съ утра уѣхали осматривать городъ. Въ два онѣ должны всѣ съѣхаться у Марка. У него же—завтракать. Такъ условились наканунѣ. Сонѣ дорога каждая минута. Она вырвалась только на двѣ недѣли, заработавъ на эту поѣздку уроками полтораста рублей. Чего стоило уговорить мать и отца! Особенно отца... Она всегда въ Лысогорахъ встрѣчала Пасху... Но главное она „промѣняла ихъ“... И на кого же? На содержанку Штейнбаха!

Щеки Сони загораются всякiй разъ, когда она вспоминаетъ эти жестокiя слова. Вчера она все выспросила у фрау Кеслеръ: Правда, Маня мало зарабатываетъ теперь, когда ученье беретъ такъ много времени. И безъ помощи Петра Сергѣевича онѣ никогда не могли бы прожить... Нуждаются ли онѣ? О нѣтъ... Теперь нѣтъ. Каждое первое число Петръ Сергѣевичъ присылаетъ имъ 60 рублей... Конечно, ни одной лишней копейки онѣ не тратятъ. И фрау Кеслеръ ведетъ хозяйство. У нихъ часто бываютъ конфеты, торты, ананасы, бананы, но все это подношенiя Штейнбаха...

Маня страшно горда... Она всегда дѣлаетъ видъ, что всѣмъ довольна. И не позволяетъ ему заглянуть въ ея жизнь... Но фрау Кеслеръ знаетъ, какъ тяготитъ ее необходимость брать деньги у брата на жизнь, а у жениха на ученье... Но скоро, вѣдь, это все кончится. Маня поступитъ на сцену...

Маня вдругъ встаетъ, и мысли Сони разлетаются, какъ вотъ эта стая голубей у ихъ ногъ.

— Отдохнула?—спрашиваетъ Маня, поднявъ лѣвую бровь. И опять на одинъ мигъ Соня видитъ, что изъ этого новаго лица Мани выглянула прежняя дѣвочка.

— Да, милая, пойдемъ!—Съ приливомъ любви Соня жметъ руку подруги.

Теперь сюда!—говоритъ Маня. И вдругъ брови ея сдвигаются, расплываются зрачки глазъ, и Соня чувствуетъ приближеніе чего-то мистическаго... Вотъ какъ тогда, въ бассейной пансіона, гдѣ гулко падали капли среди ночной тишины. А онѣ, растрепанныя и заспанныя, готовились къ экзамену и боялись оглянуться, потому что сзади треснули половицы, и кто-то холодомъ дохнулъ въ ихъ затылки.

— Я сюда тоже хожу почти каждый день,— шепчетъ Маня, какъ будто боится быть подслушанной.

Соня идетъ за нею какъ во снѣ... Недалеко... Повернули за уголъ, и передъ ними встаетъ низкое, странное зданіе, безъ оконъ на фасадѣ. Дверь открыта. Одни входятъ. Другіе выходятъ. Все больше простолюдины. Много женщинъ съ грудными дѣтьми на рукахъ, съ дѣвчонками, цѣпляющимися за юбку матери.

— Что это, Маня? Гдѣ мы?

— Это моргъ... Иди за мной...

Комната слѣва освѣщена большимъ окномъ. Вдоль всей стѣны, противъ входа, подъ витриной выставлены трупы. Сейчасъ ихъ пять. Трое мужчинъ, двѣ женщины. Имена ихъ неизвѣстны... Поэтому всѣ имѣютъ право взглянуть на нихъ. Быть-можетъ, и признаютъ? Тогда ихъ похоронятъ...

Они лежатъ здѣсь въ тѣхъ одеждахъ, какія надѣли въ послѣднее утро своей жизни. Всѣмъ далекіе. Для всѣхъ чужіе. И отъ живыхъ уже не ждутъ ничего.

Какъ любитъ Маня отгадывать послѣднія мысли и чувства, запечатлѣвшіяся навѣки въ застывшихъ чертахъ! Эти мутные зрачки, эти таинственныя улыбки,—какъ влекутъ они Маню! Съ какой неодолимой силой... Вѣчность глядитъ на нее изъ этихъ мертвыхъ лицъ. Вѣчность говоритъ съ нею этими сомкнувшимися устами...

Вотъ странствующій монахъ, въ коричневой сутанѣ, подпоясанный веревкой, съ тонзурой на темени, съ бритымъ лицомъ. Широкій синій шрамъ виднѣется изъ-подъ прилипшихъ ко лбу волосъ. Онъ убитъ, должно-быть, на большой дорогѣ. Быть-можетъ, онъ несъ деньги, пожертвованныя на монастырь. Когда Маня заходила сюда три дня тому назадъ, его еще здѣсь не было...

Мертвецъ слегка склонилъ голову на бокъ и сощурилъ одинъ глазъ. Онъ словно подмигиваетъ Манѣ... И сколько

презрѣнія въ опущенномъ углу тонкаго рта! Сколько равнодушія къ земному и небесному...

Соня отворачивается невольно. А Маня глядитъ... глядитъ...

Или вотъ эта женщина... Она лежитъ здѣсь уже нѣсколько дней, никѣмъ не признанная... И завтра ее похоронятъ. Она еще молода. Сквозь рубище сквозитъ зеленовато-смуглое тѣло... Какъ выразителенъ ея ротъ!.. Покорностью дышатъ всѣ линіи въ ея опустившихся безвольно чертахъ. Печально поблескиваютъ чуть полуоткрытые остеклѣвшіе глаза. „Она покончила съ собой“, думаетъ Маня. „Она ушла изъ жизни... Ушла, какъ лишняя, какъ побѣжденная... Нужда?.. Любовь?.. Одиночество?.. Кто послалъ тебя на смерть?“

Но еще съ большимъ трепетомъ ищетъ Маня въ этихъ мертвыхъ маскахъ первое вѣяніе потусторонняго міра. Первое предчувствіе открывающейся тайны.

Она беретъ Соню за руку.

— Гляди въ это лицо...—шепчетъ она.

Старикъ, въ старомодной пелеринѣ, лежитъ послѣднимъ справа. Большой, костлявый старикъ. Его крупное лицо обросло сѣдой бородой. Глаза широко раскрылись и смотрятъ вверхъ. Но опять-таки всего выразительнѣе его ротъ, съ синими жесткими губами. Кажется, что въ послѣднюю минуту умирающій крикнулъ изумленно: „А!..“ Но это чувство уже не здѣшняго міра. Объ этомъ говорятъ расширенные, ослѣпленные чѣмъ-то глаза. Это не скорбь. Не страданіе. Не страхъ... Скорѣе радость...

— Какъ умеръ онъ?—тихо спрашиваетъ Соня.

— Сторожъ говоритъ, что когда его привезли сюда, на немъ не было ни раны, ни царапины. Его подобрали на улицѣ... Онъ умеръ навѣрно отъ разрыва сердца... Я уже въ третій разъ гляжу на него, Соня. И онъ миритъ меня со смертью... И, вообще, всѣ они... Развѣ есть что-нибудь страшное въ ихъ лицахъ?.. Вглядись!.. Я люблю приходить сюда... Мы точно ведемъ безмолвный разговоръ. Я спрашиваю... Они отвѣчаютъ... Когда я ухожу отсюда, всѣ мои печали и сомнѣнія кажутся мнѣ такими маленькими... А этого старика я успѣла полюбить... Я вижу отблескъ безсмертія въ его глазахъ. И мнѣ самой уже не страшно жить... Я говорю себѣ: если устану бороться, если утрачу вѣру... если сломитъ меня То, чему я ки-

даю вызовъ... то всегда есть выходъ... Чего стоитъ жизнь безъ мечты и стремленія?

— Ты раньше такъ не говорила,—шепчетъ Соня.—Ты просто жила и радовалась...

— То было раньше... А теперь я думаю: лучше умереть, чѣмъ измѣнить себѣ!..

Всѣ выходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ рабочими...

Въ короткій промежутокъ, данный имъ для обѣда, они спѣшатъ въ моргъ. Одна волна людей смѣняется другою. Усталые, озабоченные и озлобленные въ борьбѣ за жизнь, они бѣгутъ смотрѣть на тѣхъ, кого она побѣдила... Ихъ влечетъ сюда та же тайна, которой не дано разгадать смертному на землѣ.

Угрюмо и безмолвно стоятъ живые передъ мертвыми.

„Что чувствуютъ?“ думаетъ Маня. „Завидуютъ?.. Мертвые не слышатъ свистка фабрики и грохота машинъ. Не знаютъ нужды, не хоронятъ дѣтей... Не страшитъ ихъ *завтра*. Они свободны...“

Опять надъ Маней весеннее небо. Опять благоуханіе цвѣтовъ и смѣхъ дѣтей несутся навстрѣчу изъ сквера. А вдали гудитъ и дышитъ громадный городъ. И еще большимъ значеніемъ сейчасъ проникнутъ каждый истекающій мигъ въ этомъ коротко́мъ, яркомъ земномъ существованіи. Еще трагичнѣе кажется поединокъ человѣка съ жестокой жизнью. Еще цѣннѣе каждая побѣда личности въ этой немолчной и неравной борьбѣ.

II.

Соня и Маня поднимаются вверхъ по безконечной старой улицѣ Saint-Jacques въ Латинскомъ кварталѣ.

Онѣ успѣли отобѣдать въ русской столовой и заглянули въ тѣсную, пустынную комнату Тургеневской библіотеки. Здѣсь Маня никогда еще не была. Да и не придетъ больше въ другой разъ! Какъ враждебны или равнодушны эти лица русскихъ студентовъ и курсистокъ! Съ какой неохотой отвѣчали они на разспросы Сони!.. Какъ недовѣрчиво оглядывали ихъ обѣихъ сейчасъ!.. Неужели это все та же боязнь шпіонства?.. Мало здѣсь вѣры, размаха, интереса къ человѣку,—всего, чѣмъ хороша юность...

Онѣ подходятъ къ дому, гдѣ живетъ Женя Липенко, медичка. Сонѣ поручено передать ей деньги и письмо.

Онѣ подымаются на шестой этажъ угрюмаго стараго дома. На стукъ отворяетъ сама Женя. Это высокая, красивая брюнетка съ темными глазами южанки. Но лицо у нея землистое, губы блѣдны.

— Письмо отъ Зины?—радостно вскрикиваетъ она, и на щекахъ ея появляются ямочки.—Пожалуйста, войдите!.. Садитесь...

Въ большой комнатѣ, съ двумя окнами и балкончикомъ, холоднѣе чѣмъ на улицѣ. Уныло чернѣетъ пасть пустого камина. Мебели мало, и комната кажется нежилой. Но здѣсь живутъ двое.

„Насколько у насъ-то въ общежитіи лучше!" думаетъ Соня.

Женя уже прочла письмо. Бережно беретъ она русскія бумажки и кладетъ ихъ на столъ. И по этому жесту Маня догадывается, какъ цѣнитъ деньги русская студентка въ Парижѣ.

Женя кутается въ платокъ.

— Чѣмъ же мнѣ васъ угощать, дорогія гостьи? Русскимъ чаемъ, конечно?.. Нѣтъ, вы лучше не раздѣвайтесь! Здѣсь очень сыро... Вотъ сейчасъ вскипячу чаю, погрѣетесь... Вы давно знаете Зину?

— Недавно,—отвѣчаетъ Соня, снимая перчатки.—Она была на Рождествѣ у товарки моей, въ общежитіи. Она отлично устроилась въ Петербургѣ.

— Слава Богу!—говоритъ Женя, зажигая спиртовку.—Немало она тутъ бѣдствовала. Ей хорошо платятъ въ редакціи?

— Пятьдесятъ въ мѣсяцъ, да она пишетъ кое-что: рецензіи, литературныя замѣтки... Она очень образованный человѣкъ!

— Еще бы!—съ усмѣшкой подхватываетъ Женя.—Получила дипломъ здѣшней Ecole Libre. Но это пустяки, конечно, этотъ дипломъ... Она сама обожаетъ литературу. Быть писательницей цѣль ея жизни... Ея мечта... Какъ я рада, что вы ее оцѣнили!

— А вы сами скоро кончаете медицинскій?

— Еще полтора года осталось,—отзывается Женя съ другого конца комнаты, гдѣ она достаетъ изъ коммода посуду.—Учусь уже семь лѣтъ...

— Ахъ, Боже мой!—Соня вдругъ вскакиваетъ.—Простите! Мы помѣшали вамъ готовиться!

— Сидите... сидите, пожалуйста! Всего не переучишь... Надо же и вздохнуть... Я и сама рада новымъ лицамъ. Точно свѣжаго воздуха пустили въ погребъ... Мы вѣдь, ей-Богу, здѣсь точно въ погребѣ сидимъ. Клиника да Сорбонна, да столовая, да клубъ нашъ. И нѣтъ ходу дальше! Все тѣ же да прежніе. Ни новыхъ лицъ. Ни свѣжихъ словъ. И жизни нѣтъ совсѣмъ... Ну-съ... Чай поспѣлъ... А вотъ и наше парижское печенье... Дешево, но вкусно...

— Не безпокойтесь, право... Намъ совѣстно,—говоритъ Маня.

— Значитъ трудно жить? — тихонько спрашиваетъ Соня, кладя себѣ сахару и удивленно замѣчая, какъ онъ мгновенно таетъ въ чашкѣ.

— Очень трудно. Жизнь здѣсь дорога. Къ мясу приступа нѣтъ... Поневолѣ вегетаріанкой становишься. А дороже всего дрова... На фунты продаются... На нихъ экономишь и мерзнешь...

Маня улыбается однимъ уголкомъ рта. Ей все это знакомо.

— А учиться здѣсь трудно?

— Ужасно!.. Вы не можете себѣ представить, до чего здѣсь великъ курсъ!.. Вотъ я считаюсь на виду... Зубрилка и фанатичка,—смѣется она, и ямочки опять выступаютъ на щекахъ.— Ничѣмъ не отвлекаюсь... Ни партіями, ни политикой, ни филантропіей. Отъ всего отстранилась... Учиться, такъ учиться! За этимъ вѣдь и ѣхала. И не я одна такая... Видите, ли?.. Во-первыхъ...

— Вы точно оправдываетесь?.. Ради Бога, не надо!.. Я сама сплю и вижу скорѣе кончить, да въ деревнѣ работать... И для меня это цѣль жизни...

Глаза Мани съ тайной, но важной мыслью упорно изучаютъ лица дѣвушекъ. Сколько духовной красоты въ обѣихъ! Сейчасъ видно русскихъ...

— Ну, вотъ и прекрасно!—довѣрчиво подхватываетъ Женя, придвигаясь и кладя локти на столъ. — Вы меня поймете. Зина осуждаетъ... „Ты—говоритъ—китайской стѣной отгородилась отъ жизни. Теперь все въ политикѣ...“ И она, правда, совсѣмъ здѣсь учиться не могла... Одолѣли ее эти эмигранты, эта бѣдность... Все она носилась съ ними... Конечно, однобокость моей жизни иногда и меня мучитъ. Развѣ мы живемъ здѣсь? Ей-Богу, забываешь, что это Парижъ... Будь мы въ Чух-

ломѣ, что измѣнилось бы?.. Кто тутъ виноватъ? Не знаю... Можетъ-быть, наша славянская замкнутость? Или же холодъ и эгоизмъ этой хваленой романской души? Помните *Дневникъ* Елизаветы Дьяконовой? Это трагическое одиночество ея не только среди французовъ, но даже и среди своихъ?.. Многія ее здѣсь знали, видѣли и... проглядѣли... Потому что... некогда... Ученье стоитъ страшно дорого. Лишенія ожесточаютъ. Нервы напрягаются въ этой борьбѣ за свое мѣсто въ мірѣ... Некогда оглянуться... Все бѣжитъ мимо... И ни о чемъ не жалѣешь... Лишь бы уцѣлѣть! Лишь бы вынырнуть...

— У насъ легче,—шепчетъ Соня.

— Еще бы! За то, если вы захотите дѣйствительно получить знаніе и опытъ, пріѣзжайте сюда... Клиники здѣсь поставлены удивительно! Всѣмъ хватитъ работы. Всѣ больницы для васъ открыты... Только трудитесь... Это не то что въ *Запискахъ врача*... И если и здѣсь вы ничему не научитесь, то вините одну себя...

— Семь лѣтъ! — послѣ паузы задумчиво говоритъ Маня.— Это все-таки ужасно... Уйти изъ жизни на семь лѣтъ!..

Женя быстро оборачивается.

— Вы... тоже... студентка?

— Нѣтъ, я готовлюсь на сцену. Здѣсь, въ Парижѣ...

— А!..

Лѣвая бровь Мани поднимается, и она лукаво глядитъ на Соню. Сколько выраженія въ этомъ коротенькомъ „А!"

Но слова Мани все-таки задѣли въ душѣ Жени какую-то надорванную струну. И она жалобно зазвенѣла вдругъ въ ея голосѣ:

— Лучше объ этомъ не думать, знаете ли?.. Вотъ мнѣ уже двадцать восемь лѣтъ. А что я видѣла кромѣ книгъ, да товарищей, да профессоровъ? Развѣ для нихъ я женщина? Развѣ мнѣ они интересны?.. А другихъ нѣтъ... Да и никогда на этомъ и не останавливаешься... Вотъ только въ дни рожденья, когда письма придутъ изъ Россіи, да подъ Новый Годъ вдругъ точно въ грудь тебя кто толкнетъ... „Жила ли ты?" — крикнетъ кто-то въ уши... И засмѣется... И отъ этого смѣха станетъ холодно...

— Отчего? — вдругъ звучитъ наивный по звуку вопросъ. Но въ глазахъ Мани сверкаетъ насмѣшка.

— Я сейчасъ сказала глупость про эти „семь лѣтъ“... Развѣ такъ упорно стремиться къ чему-нибудь не есть уже счастье?

Женя блѣдно улыбается.

— Мы привыкли подъ этимъ словомъ понимать другое.

Дрогнули тонкія ноздри Мани. Потемнѣвшими глазами Соня перебѣгаетъ съ одного лица на другое. Какія разныя обѣ!.. Но какія сложныя!..

— А почему именно другое?.. Почему именно въ любви вы видите это счастіе?.. А я вотъ слушала васъ и завидовала... Да... Завидовала до боли... Если-бъ каждая изъ насъ такъ упорно шла къ цѣли, не зная колебаній!.. Мѣсто въ жизни, говорите вы?.. Да оно уже есть у васъ... Вы его заняли... А любовь?—Маня вдругъ улыбается, и глаза ея свѣтлѣютъ.—Развѣ такъ трудно полюбить кого-нибудь?

— Трудно, — медленно говоритъ Женя, не сводя глазъ съ этой дѣвушки, на которую за минуту передъ тѣмъ не обращала вниманія.

— А почему? — все также наивно звучитъ настойчивый вопросъ.

Женя краснѣетъ и разводитъ руками. Соня отодвигаетъ лампу и кладетъ локти на столъ. Сердце ея стукнуло. Вотъ... вотъ... она сейчасъ узнаетъ... Пойметъ все загадочное въ этой новой Манѣ...

— Почему трудно полюбить?.. Какъ вы странно спрашиваете!.. Вѣдь это... на всю жизнь...

— Да?—уже весело и задорно спрашиваетъ Маня.

Женя отодвигается растерянная. — Надо умѣть выбрать, — говоритъ она глухо. И смущенно, почти враждебно глядитъ на Маню.—Надо, чтобъ убѣжденія, стремленія...

— Все, словомъ, было бы одинаковое?..—подхватываетъ Маня и зло смѣется.—А, скажите, вы вѣрите въ загробную жизнь? Вамъ не страшно рѣзать трупы?

— Почему вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Нѣтъ, отвѣтьте... Вы вѣрите?

— Я позитивистка, уже въ силу моей профессіи... Какъ же вы хотите...

— Да, позитивистка и докторъ въ недалекомъ будущемъ... А что касается любви, вы такъ же наивны, какъ любая институтка... У васъ, пожалуй, даже больше иллюзій...

И Женя ясно видитъ холодную усмѣшку и полные мрака глаза. „Интересное лицо!..“ думаетъ она. „Но какія противныя слова она говоритъ! Навѣрно у нея есть прошлое...“

— Такой цинизмъ въ ваши годы,— говоритъ она, точно думая вслухъ.

Маня встаетъ, какъ ужаленная.

— Почему цинизмъ?.. Вы не считаете себя циникомъ, отрицая вѣру толпы, вѣря только наукѣ? Почему желать, чтобъ въ центрѣ женской жизни стояла „Мечта и Жажда“, какъ говоритъ мой любимый поэтъ, значитъ быть циникомъ? Я высоко цѣню любовь, какъ радость и вдохновеніе... Но у насъ еще не научились любитъ радостно и легко.

— То-есть какъ легко?—вскрикиваетъ Женя.

— Безъ драмъ, безъ слезъ, безъ проклятій... Ничѣмъ не жертвуя этой любви...

— Что значитъ „ничѣмъ“?

— Ни однимъ шагомъ впередъ по намѣченному пути... Ни одной мечтой своей, ни одной частицей своего собственнаго *я*... Встрѣчаться съ восторгомъ и разставаться безъ сожалѣнія... Отдохнуть на минуту и идти дальше...

— А!—срывается у Сони. Но Женя смущена.

— А не будетъ ли это распущенностью? Что же свяжетъ васъ?

— Любовь... Только любовь... которую у насъ гонятъ, которую унижаютъ, которой боятся, какъ чумы... Не будетъ ни лжи, ни насилія, ни цинизма, котораго вы такъ боитесь... И боитесь справедливо... Вотъ гдѣ будетъ истинная поэзія... Но не ищите ея тамъ, гдѣ людей связалъ долгъ или жалость. Или страхъ чужого мнѣнія и отвѣтственности... Любовь великое чувство. И горе тому, кто хочетъ ее опошлить... привязать ее на цѣпь, втиснуть ее въ рамки. Она смѣется и уходитъ... А люди остаются связанными, какъ каторжники. И въ холодномъ безстыдствѣ повторяя жесты, утратившіе значеніе и смыслъ, они хотятъ увѣрить себя и другихъ, что это любовь... Ахъ, не жалѣйте, если вы ее не узнаете—такую любовь!.. Ваша душа останется свѣжей и невинной. Отдайте ее Мечтѣ... Наукѣ. Славѣ. Человѣчеству... Мечта привела васъ сюда. Она же и поведетъ дальше... Вы, счастливая безъ *счастья*! И чѣмъ больше будетъ такихъ, тѣмъ свѣтлѣе станетъ жизнь. И мы побѣдимъ то, что самое страшное въ насъ: нашу Женственность...

Женя взволнованно встаетъ.

— Простите... Я только сейчасъ начинаю васъ понимать... Да... это не цинизмъ... Наоборотъ. Вы удивительная идеалистка!.. Я не все поняла... это надо продумать... Но я чувствую, что стою передъ стройнымъ и новымъ міросозерцаніемъ... Наша женственность... О, да... Она врагъ нашъ... Она тянетъ насъ къ подчиненію. Но чтобъ дойти до такого вывода, надо много выстрадать...

Маня уже овладѣла собою и опять сдержанна. Брови приняли прежнія спокойныя линіи. Губы холодно улыбаются.

— Ахъ, это было давно! И я рада этимъ урокамъ жизни... Они дали мнѣ то, что выше счастья... Свободу моей души...

Гостьи поднимаются и застегиваютъ свои пальто. Женя крѣпко жметъ руки дѣвушекъ.

— Спасибо вамъ! Вы сейчасъ много дали мнѣ обѣ... Хорошо бы встрѣчаться!.. Право... Вотъ вы уѣдете, Софья Васильевна... А вѣдь вы-то остаетесь здѣсь?

— Я въ такомъ же водоворотѣ, какъ и вы,—говоритъ Маня серьезно.—Учусь... долблю лбомъ стѣну... Но она рухнетъ, знаю... А тогда... вотъ тогда придетъ Жизнь...

Лицо Мани словно свѣтлѣетъ при этихъ словахъ. А темные глаза становятся огромными и прозрачными.

— „Жизнь!..“ какъ эхо повторяетъ за нею задумчивая Женя.

А Соня грустно говоритъ себѣ: „У меня она будетъ навѣрное блѣднѣе того, что я переживаю теперь, на курсахъ!“

Маня застегиваетъ перчатки. И, какъ бы угадавъ эти мысли Сони, она подхватываетъ:

— Будетъ ли эта жизнь ниже Жажды и Мечты, владѣющихъ нами сейчасъ? Не знаю... Можетъ-быть, вся цѣнность была въ этомъ именно трудѣ, въ этомъ именно стремленіи... Увидимъ, увидимъ... Вотъ насъ здѣсь трое,—говоритъ она, блестящими глазами окидывая пустынную комнату.—И у каждой изъ насъ въ душѣ свой міръ... И если-бъ какимъ-нибудь чудомъ вся наша энергія, всѣ наши порывы, грезы и упорство воплотились на землѣ, — о, какое грозное, какое прекрасное воинство ринулось бы отсюда въ міръ для борьбы и достиженія!.. Мы молимся разнымъ богамъ: вы—наукѣ, Соня—человѣчеству, я—искусству... Но путь у насъ одинъ... Трудный путь

ввысь... Вы меня понимаете?.. Ахъ, если-бъ всѣмъ намъ подняться вверхъ, не уставъ на полдорогѣ!.. Не измѣнивъ себѣ...

— Будемъ вѣрить!—говоритъ Соня.

— Вѣрить,—мечтательно повторяетъ Женя.

Вдругъ Соня ударяетъ себя по лбу рукой и хохочетъ:

— Я совсѣмъ съ ума сошла!.. Вѣдь у меня еще одно письмо... Ваша сестра просила меня передать его одной русской...

— Курсисткѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Писательницѣ... Nina... постойте... сейчасъ взгляну фамилію.

— Nina Glinska?—быстро перебиваетъ Женя.

— Да... да... да... Вы ее знаете?

— Еще бы!.. Это интереснѣйшая женщина изъ всей русской колоніи! Она пользуется огромнымъ уваженіемъ... Поѣзжайте къ ней сейчасъ же... Она всегда дома отъ четырехъ до семи...

— Гдѣ же она пишетъ?—спрашиваетъ Маня.

— Она сотрудница *Revue Bleue* и *Revue des Deux Mondes*... Пишетъ по-французски... О русской литературѣ больше всего... Многихъ писателей нашихъ перевела... Она очень талантлива...

— Еврейка?—почти утвердительно подхватываетъ Соня.

— Ну, конечно... Развѣ русская смогла бы такъ ассимилироваться и стать „своей" въ Парижѣ? Но она восторжествовала надъ предубѣжденіями и косностью этихъ милыхъ французовъ... Заставила себя признать... Это недюжинная женщина... И я рада, что вы ее увидите... Между прочимъ... она соціалистка... Вамъ это говорила Зина?

— Конечно... Для меня всего важнѣе здѣсь не то, что ее уважаютъ въ русской колоніи... а ея значеніе для рабочихъ...

— Какихъ рабочихъ? — спрашиваетъ Маня. — Нашихъ эмигрантовъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ... — перебиваетъ Женя. — Вотъ въ томъ-то и интересъ, что она сблизилась съ французскими рабочими... Настолько сошлась съ ними, что совершенно порвала съ такъ называемыми bourgeois... Всю жизнь слила съ ними...

— Какъ странно!—задумчиво шепчетъ Маня.

На прощанье Женя опять жметъ имъ руки горячо и довѣрчиво. Глаза ея съ невольной завистью останавливаются на лицѣ Мани, на своеобразно-смѣломъ изгибѣ ея бровей и губъ.

— Вы навѣрно любите жизнь?—вдругъ срывается у нея грустно и робко.

Маня встряхиваетъ головой. И кудри падаютъ ей на лобъ.

— Люблю!—говоритъ она. И улыбается такъ широко и радостно, что въ комнатѣ словно свѣтлѣетъ.

— И не боитесь ея?

— Я?? Что бы она ни дала мнѣ впереди... я благословлю ее за все... И даже страданія и слезы мои я буду любить, когда они пройдутъ... Все это жизнь... Прекрасная жизнь!..

III.

Съ страннымъ необъяснимымъ волненіемъ Маня ѣдетъ въ трамваѣ къ далекой окраинѣ, за Аркой Звѣзды. Она сама не думала, что Нина Глинская такъ заинтересуетъ ее. Но разбираться сейчасъ въ причинахъ этого интереса ей некогда. Соня всю длинную дорогу говоритъ ей о своихъ впечатлѣніяхъ, между прочимъ, и объ этой Нинѣ.

— Она живетъ одна... Это мнѣ сказала Зина Липенко. Онѣ были хорошо знакомы, когда Зина здѣсь училась. У нея въ домѣ постоянно вечеринки для рабочихъ. Она сама ходитъ въ ихъ клубы, читаетъ имъ лекціи...

— И никого не любитъ?—быстро спрашиваетъ Маня.

Соня смотритъ на нее, и она краснѣетъ.

— Какая ты чудная! Точно всѣ непремѣнно должны любить...

— Всѣ объ этомъ грезятъ. Но не всякій это смѣетъ.

Соня сердито поводитъ плечами.

— Ахъ, Соня, зачѣмъ ты сознательно закрываешь глаза на эти важные... на эти роковые вопросы? Ужъ если такая твердыня, какъ Лика, рухнула...

(Соня смѣется)...

—...Чего же ты хочешь отъ другихъ?

— А я?—дрогнувшимъ голосомъ спрашиваетъ Соня.

Маня ласково гладитъ ея руку.

— Дорогая моя дѣвочка... Я знаю все...

— Что?.. Что такое ты знаешь? Опять какія-нибудь глупости?

— Я видѣла, какъ ты глядѣла нынче на Марка...

Соня краснѣетъ до слезъ. Губы ея дрожатъ.

— И если ты здѣсь сейчасъ, Сонична, то ужъ, конечно, не для Глинской, не для Жени Липенко...

— Вотъ вздоръ! Неужели, чтобъ поѣхать за границу...

— Соня, я не знаю, чего ты стыдишься? Твое чувство такъ прекрасно... такъ высоко... Словно молитва... Ахъ, если-бъ я умѣла такъ любить!.. Я знаю... ты пріѣхала только, чтобъ взглянуть на него... чтобы подарить себѣ эту радость... И потомъ уйдешь опять въ свой трудъ... въ которомъ нѣтъ ни искорки поэзіи...

— Неправда!—страстно срывается у Сони.—Въ этомъ трудѣ мое призваніе, моя жизнь... Только я не могу и не хочу уйти отъ людей за китайскую стѣну, какъ это сдѣлала Женя Липенко... Ничего нѣтъ для меня на свѣтѣ интереснѣе и дороже моего общенія съ людьми!

— Я такъ и знала,—отвѣчаетъ Маня, грустно улыбаясь.— Только такія, какъ ты, побѣждаютъ жизнь...

— Arc d'Etoile!—раздается голосъ кондуктора. Онѣ сходятъ.

Улица Poisson безконечна, особенно въ сумерки. Дома имѣютъ казарменный видъ. Стѣны какія-то грязныя, точно заплаканныя...

Онѣ идутъ долго молча, каждая думая о своемъ.

— Если она и любитъ кого-нибудь теперь,—вдругъ говоритъ Соня, какъ бы продолжая разговаривать,—то ужъ навѣрное не нашего интеллигента, а французскаго рабочаго...

— Ты думаешь?—шепчетъ Маня.

— Зина Липенко на что-то намекала... Но... мнѣ было совѣстно разспрашивать... Какое намъ дѣло?

Уже сумерки сгустились и зажгли фонари, когда онѣ подходятъ къ большому дому № 72. Подъѣздъ подъ воротами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ стоитъ мужчина, въ пальто и широкополой шляпѣ. Онъ высокъ и худъ. На ихъ шаги онъ оглядывается. И Маня видитъ некрасивое, темное лицо. Какъ уголья горятъ враждебные глаза.

Маня точно приросла къ землѣ. Глухое восклицаніе срывается у Сони... Рѣзко отвернувшись, брюнетъ отходитъ подъ навѣсъ какого-то магазина. Дѣвушки бѣгутъ и скрываются подъ воротами.

— Зяма...—шепчетъ Маня, большими глазами глядя на Соню.

— Что онъ тутъ дѣлаетъ?.. Сторожитъ кого-то?.: Господи!. У меня даже сердце забилось...

— Почему онъ въ Парижѣ?

— Онъ писалъ Розѣ, что учится здѣсь... Она ему даже денегъ посылала...

— Какъ ты думаешь, онъ насъ тоже узналъ?

— Конечно... И чего-то испугался...

При свѣтѣ фонаря онѣ читаютъ на бѣлой дощечкѣ, прибитой у двери подъѣзда, *Nina Glinska*... Соня входитъ на крыльцо. Она слышитъ явственно за дверью мужской голосъ, говорящій по-русски: „Вы ничѣмъ не рискуете. За вами не слѣдятъ... И мы примемъ мѣры...“—„Вамъ я не смѣю отказать“,—звучитъ еще явственнѣе отвѣтъ.

Въ то же мгновеніе распахивается дверь. Изъ квартиры выходитъ человѣкъ. Онъ такъ высокъ и худъ, что кажется воплотившимся Донъ-Кихотомъ. Онъ очевидно смутился, увидавъ дѣвушекъ. Онѣ мелькомъ видятъ блѣдное лицо аскета съ бѣлокурой бородкой, тѣсно сжатыя губы и холодный взглядъ сѣрыхъ глазъ.

Незамѣтнымъ жестомъ онъ надвигаетъ шляпу на брови, такъ что лицо его остается въ тѣни. Но Маня говоритъ себѣ, что даже черезъ десять лѣтъ, увидавъ въ толпѣ это лицо, она его узнаетъ.

— Pardon!—говоритъ онъ, чуть дотрогиваясь до шляпы и словно пронзая взглядомъ чужія лица. Слегка согнувшись, высокій и черный, онъ проходитъ подъ аркой воротъ и скрывается.

— Зяма пришелъ съ нимъ,—шепчетъ Соня.

Кто-то держитъ изнутри дверь на цѣпочкѣ, и на Маню пристально глядятъ чьи-то глаза.

— Кого вамъ угодно?—слышатъ онѣ женскій голосъ. Женщина спрашиваетъ по-французски.

— M-me Nina Glinska... Une lettre de Russie,—быстро говоритъ Соня.

Черезъ мгновеніе онѣ уже въ передней. Тамъ совсѣмъ темно.

— Вы русскія?—спрашиваетъ женщина. И холодокъ недовѣрія звучитъ въ ея голосѣ.

— Да... Вотъ вамъ письмо отъ Зины Липенко... Я изъ Москвы...

— Ахъ... вотъ какъ?.. Отъ Зины? Пожалуйста войдите...

Она запираетъ дверь, накладываетъ цѣпочку. Ея манеры мѣняются мгновенно. Она идетъ въ слѣдующую комнату, откуда въ переднюю падаетъ широкая полоса свѣта, и дѣлаетъ граціозный жестъ рукой.

— Пожалуйста раздѣньтесь...

Это средняго роста стройная женщина, лѣтъ тридцати-пяти. Она одѣта строго, вся въ черномъ. Ея свѣтлые волосы лежатъ въ бандо вдоль щекъ, худыхъ и отцвѣтающихъ. Глаза ея свѣтлые и холодные. У нея умный лобъ, смѣлыя брови, темнѣе волосъ, и тонкая улыбка.

Черезъ маленькую столовую она ведетъ ихъ въ свой кабинетъ. Это большая и мрачная комната, совсѣмъ лишенная женственныхъ украшеній и кокетливыхъ мелочей. Все темно, строго, солидно. Кабинетъ мужчины... Лампа подъ зеленымъ абажуромъ озаряетъ рабочій столъ, заваленный книгами и рукописями. Переплеты книгъ тускло поблескиваютъ позолочеными корешками за стекломъ шкафа. На стѣнѣ портреты Элизе Реклю и Крапоткина. Въ глубинѣ комнаты рояль.

„Она любитъ музыку. Можетъ-быть, сама играетъ и поетъ“, думаетъ Маня.

— Прошу садиться,—ласково говоритъ Глинская, придвигая себѣ кожаное кресло.—Я сейчасъ пробѣгу письмо.

Дѣвушки озираются съ любопытствомъ и смущеніемъ. Онѣ обѣ безсознательно робѣютъ передъ этой женщиной. Не сумѣла она развѣ устроить свою жизнь по-новому? Не отвергла ли она торныя дороги?.. Не идетъ ли она, одинокая и гордая, по пути, подсказанному ей убѣжденіемъ, чувствомъ, призваніемъ? Ея обстановка буржуазна. Да... „Но вѣдь это все нажито собственными трудами“, думаетъ Соня. „Каждый стулъ, каждая чашка въ этой квартирѣ куплены на ея трудовыя деньги. И если она любитъ комфортъ, кто смѣетъ упрекнуть ее въ этомъ?.. Развѣ не каждый рабочій стремится украсить свою жизнь радостями мѣщанина? Вѣдь это только удовлетвореніе самыхъ законныхъ эстетическихъ потребностей?“

— Вы надолго сюда?—привѣтливо спрашиваетъ Глинская, складывая письмо и аккуратно надѣвая его на крючокъ.

— Увы! У меня только одна недѣля. А Парижъ такъ необъятенъ...

Нина Глинская смѣется и становится болѣе женственной.

— Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь можно растеряться... Не могу ли я помочь вамъ? Что вы хотѣли бы видѣть!

Соня открываетъ ротъ... Безпомощно разводитъ руками.

— Все!—срывается у нея.

Маня не можетъ удержать смѣха. Глинская тоже звонко хохочетъ и кажется теперь моложе лѣтъ на десять.

— Однако изъ *всего* надо выбрать только немногое... Вотъ сейчасъ съ одного слова вы раскроетесь передо мною... Что васъ больше интересуетъ за границей? Люди? Или вещи? Подъ этимъ я понимаю: соборы, музеи, памятники...

— Конечно, люди!—вскрикиваетъ Соня.

„А меня, конечно, вещи...“ думаетъ Маня.

— Ну, вотъ и договорились!.. Въ Ecole Libre были? Въ Сорбоннѣ были?

— Завтра идемъ и туда, и сюда...

— А завтра вечеромъ общее собраніе Феминистской Лиги *Les droits des Femmes*... Хотите идти со мною?

— Еще бы! Какъ я рада!

— А развѣ это не скучно?—спрашиваетъ Маня, поднимая лѣвую бровь.

— Какъ для кого,—отвѣчаетъ Глинская, тонко улыбаясь.—Я нахожу эту лигу крайне интересной съ тѣхъ поръ, какъ въ нее, вопреки желанію учредителей и предсѣдательницы, влилась новая волна: женщинъ-работницъ...

— Значитъ, это не буржуазная лига, какъ у насъ, въ Россіи?—спрашиваетъ Соня, вся подаваясь впередъ.

Глинская беретъ со стола красивый разрѣзной ножикъ чернаго дерева и играетъ имъ. Она откинулась вглубь кресла. Маня съ удовольствіемъ видитъ небольшую изящно обутую ногу.

„Эта женщина хочетъ нравиться“, думаетъ она.

— И здѣсь лига долго была буржуазной, всѣ первые десять лѣтъ... И сейчасъ предсѣдательница аристократка. И секретарь— дама изъ высшаго общества... Между прочимъ, образованная и

талантливая женщина... И товарищъ предсѣдателя—ученая буржуазка... Да и самое ядро, конечно, все изъ буржуазіи. Ее привлекали, имѣя въ виду осуществить филантропическія затѣи... ясли, пріюты для дѣтей и для старухъ... образцовую прачечную... Но, въ силу вещей, рабочій элементъ, которому эта лига пошла навстрѣчу своей петиціей въ палатѣ депутатовъ о сокращеніи трудового дня для женщинъ...

— Ахъ, вотъ какъ!.. Даже въ палату?

— А какъ бы вы думали? Предсѣдательницу не любятъ... Но ей нельзя отказать въ энергіи. И у нея связи... Теперь съ лигой считаются... На ея засѣданіяхъ присутствуютъ представители отъ прессы, отъ города, отъ министерства... Вотъ увидите сами...

— Какъ это интересно!.. Но вы что-то говорили о рабочихъ?

— Да... Я говорю, что работницы теперь сами заинтересовались этой лигой. Онѣ вступаютъ въ члены... Онѣ образовали сейчасъ стойкую и сплоченную оппозиціонную группу. Онѣ отлично знаютъ, чего онѣ хотятъ и куда имъ идти... Правленію трудно бороться съ этимъ новымъ теченіемъ... Эти женщины не желаютъ надъ собой опеки господъ... Вы послушали бы, какъ онѣ говорятъ!.. Возможно, что предсѣдательница покинетъ свой постъ подъ давленіемъ этой враждебности... Завтра это выяснится.

— Такъ что лига, въ сущности, демократическая?—вскрикиваетъ Соня.

— Н-не скажу сейчасъ... Но къ этому идетъ несомнѣнно.

Соня засыпала Глинскую разспросами. Ей хотѣлось бы все видѣть, всюду попасть. Особенно на конференціи въ Батиньолѣ и Монмартрѣ, въ эти народные университеты, о которыхъ она слышала отъ Зины Липенко.

— О, я съ удовольствіемъ возьму на себя роль гида,—смѣется Глинская.—Располагайте мною...

— Какая вы милая! Да я ужъ лучше въ Сорбонну не пойду! И въ Ecole Libre тоже. Что мнѣ этихъ профессоровъ слушать!

Маня молчитъ и щурится на книги въ свѣтлыхъ обложкахъ. Онѣ стопкой лежатъ на краю стола. Маня протягиваетъ руку и спрашиваетъ:

— *Amour libre*... Что это такое?

Глинская быстро оборачивается и краснѣетъ.

— Это... моя пьеса...

И Маня слышитъ, какъ нѣжно и робко дрогнулъ ея голосъ.

„А! Вотъ въ чемъ твоя Ахиллесова пята!..“ думаетъ Маня.

— Вы пишете пьесы?

— Да... для рабочихъ... Сама ихъ издаю. А они играютъ ихъ въ своихъ клубахъ...

— Счастливица! Я завидую вамъ...

Это срывается у Мани такъ страстно и непосредственно, что Соня оборачивается къ ней всѣмъ корпусомъ.

— То-есть... чему завидуете вы? Что я пишу, вообще? Пишу для театра?..

— Нѣтъ... Тому, что у васъ такая публика.

Глинская невольно подается впередъ. Взглядъ у нея внимательный и глубокій. Совсѣмъ мужской взглядъ.

— Вотъ я учусь танцамъ,—говоритъ Маня, нервно перелистывая желтенькую книжку.—Скоро кончу. Буду дебютировать...

— Здѣсь?—Глинская высоко поднимаетъ брови.

— Да... Здѣсь, въ театрѣ Gaîté... Но, къ сожалѣнію, моя публика непохожа на вашу.

Маленькая пауза. Обѣ женщины словно замерли, глядя на Маню.

— Въ чемъ же вы выступаете?—тихонько спрашиваетъ Глинская.—Вы пѣвица?

— Я буду плясать характерные танцы, испанскіе и другіе. Выступлю въ пантомимѣ. Но самое главное: я буду въ танцѣ передавать то, что встаетъ въ моей душѣ подъ звуки музыки.

Короткій возгласъ удивленія срывается у Глинской. Безсознательно она подымаетъ абажуръ, чтобъ лучше разглядѣть лицо Мани.

— А моя публика будетъ холодно смотрѣть, ничего не понимая. Туда придутъ и рецензенты, создающіе и разрушающіе репутаціи артистовъ... Такіе же далекіе и равнодушные къ искусству... Такіе же невѣжды... И я должна буду забавлять этихъ людей съ пустыми душами. И считать за милость ихъ апплодисменты.

— Я понимаю васъ,—горячо срывается у Глинской. Она порывисто протягиваетъ руку Манѣ.

„Что она такое говоритъ?“ со страхомъ думаетъ Соня.

— Вы меня поняли,—улыбается Маня.—Но вы одна меня поняли... Когда я начинаю говорить объ этомъ съ близкими, мнѣ отвѣчаютъ, что я сумасшедшая, которая сама не знаетъ чего ей надо, въ концѣ-концовъ...

„Это она о Маркѣ такъ говоритъ?"

Соня открываетъ ротъ. Но Глинская перебиваетъ ее:

— Однако, разъ вы это сознали сами, почему не идти дальше?

— То-есть?

— Почему не стать артисткой для народа?

— Гдѣ?

— Въ одномъ изъ народныхъ театровъ... Да, конечно, ихъ немного,—послѣ краткой паузы говоритъ Глинская.—И весь репертуаръ тамъ грубъ, бездаренъ, вульгаренъ... Однѣ мелодрамы...

— О! Развѣ мелодрамы это плохо? Дѣти любятъ ихъ. Долженъ любить и народъ...

Глинская улыбается. Эта мысль нравится ей.

— Но... видите ли, въ чемъ дѣло?—продолжаетъ Маня, смущенно теребя желтую книжечку.—Я не увѣрена, что мое искусство привлечетъ рабочихъ... Къ сожалѣнію, я ихъ не знаю... Одно мнѣ ясно... Ни одинъ антрепренеръ не возьмется за такое дѣло, которое не сулитъ ему большихъ барышей. А для народа могутъ работать только безкорыстные, идейные люди (Какъ вы... хочетъ она сказать. Но смолкаетъ смущенно)... А главное... (Маня вдругъ подымаетъ голову. И лицо у нея сконфуженное, почти страдальческое.) Главное, мнѣ самой нужны деньги... и большія. Я учусь на чужой счетъ... Я живу здѣсь на деньги брата. Чтобы чувствовать себя вполнѣ свободной, мнѣ нужно сбросить съ своихъ плечъ эти долги... А въ Gaîté я получу много. У меня и сейчасъ столько предложеній...

— Но вѣдь это деньги твоего жениха!—взволнованно перебиваетъ Соня.

Маня смотритъ ей прямо въ глаза.

— Не все ли равно? Я хочу быть обязанной одной себѣ...

— И вы правы!—подхватываетъ Глинская.—Это первое условіе свободы.

— Я рада, что вы меня поняли,—говоритъ Маня, блѣдно улыбаясь.—Есть у меня еще и другія причины, почему мнѣ нуженъ заработокъ... и большой при этомъ... который могутъ

мнѣ дать только антрепренеры буржуазныхъ театровъ... Но разъ вы меня поняли въ главномъ, остальное уже не важно... Дайте мнѣ, пожалуйста, вашу пьесу! Она меня заинтересовала...

Глинская краснѣетъ.

— Вотъ возьмите обѣ по экземпляру!.. Прочтите и подѣлитесь со мной мнѣніями. Это всегда цѣнно... Вы мнѣ скажете при встрѣчѣ. А вы напишете мнѣ изъ Москвы...

— Еще одинъ вопросъ, — застѣнчиво говоритъ Соня. — Вы соціалистка?

— Нѣтъ... Когда десять лѣтъ назадъ я бѣжала изъ ссылки сюда, я была отчаянной соціалъ-демократкой... Вотъ ужъ три года, какъ мое міросозерцаніе измѣнилось. Я индивидуалистка. Выше всего въ мірѣ я цѣню личность и ея права.—Она смотритъ на портретъ Крапоткина.—Вотъ кто перевернулъ мою душу и всю жизнь мою... Потомъ я знаю лично Себастіана Фора... Вы слышали о немъ?

— Неужели вы признаете терроръ?—вскрикиваетъ Соня.

— Почему вы думаете? Конечно нѣтъ. Развѣ терроръ не то же насиліе? И развѣ анархизмъ въ одномъ террорѣ?

Въ передней раздается звонокъ. Гостьи встаютъ. Соня замѣтно разочарована. Внѣ соціалъ-демократіи, по ея мнѣнію, нѣтъ интересныхъ людей.

— Простите, мы васъ задержали...

— Ахъ, я очень рада! — искренно говоритъ Глинская, идя за ними въ переднюю.

— Qui est là? — тревожно спрашиваетъ она черезъ дверь, накладывая цѣпочку.

— Lise Durand...

Глинская быстро отворяетъ дверь, и дѣвушки видятъ худенькую даму въ пальто и шляпѣ.

— Entrez Lise... Je suis seule... Ну, до свиданья!.. До завтра... Вотъ адресъ лиги... (Она подаетъ Сонѣ печатную повѣстку.) Засѣданіе публичное. Начало въ восемь. Мы тамъ встрѣтимся... Кстати... вспомните меня, когда будетъ вашъ дебютъ... Извѣстите... Я приду на васъ посмотрѣть... Вы меня очень заинтересовали. Bonjour, Lise!

Выходя, дѣвушки видятъ, съ какимъ благоговѣніемъ и нѣжностью молоденькая бѣлокурая дама глядитъ на Глинскую.

IV.

Засѣданіе *Лиги* уже началось, когда Соня и Маня входятъ, смущенныя, запыхавшіяся... Онѣ совсѣмъ заблудились въ этомъ огромномъ Парижѣ. И даже планъ, съ которымъ все время справляется Соня, не помогъ. Онѣ не знали номера трамвая. Онѣ не подозрѣвали, что это такъ далеко отъ нихъ и въ такой глуши.

Онѣ садятся на свободныя мѣста. На нихъ шикаютъ и оглядываются. Изъ третьяго ряда стульевъ имъ кто-то киваетъ. Элегантная дама въ черномъ, въ шляпѣ съ огромными полями и перомъ. Кто же это??

— Да это Глинская,—первая узнаетъ Маня.—Какая интересная! Совсѣмъ другой человѣкъ.

На эстрадѣ три женщины. Предсѣдательница, важная сѣдая дама въ шляпкѣ, читаетъ что-то тягучимъ и недовольнымъ голосомъ. Черезъ черепаховый лорнетъ, на длинной ручкѣ, она глядитъ въ рукопись. Слѣва — угрюмая и плохо одѣтая брюнетка... „Совсѣмъ какъ у насъ, въ *Обществѣ*“, шепчетъ Соня. „И на француженку непохожа“... Слѣва — очаровательная женщина вся въ бѣломъ, въ бѣлой весенней шляпѣ съ фіалками. Это секретарь. Снявъ длинныя до локтя перчатки, она что-то пишетъ и скользитъ изрѣдка умными, насмѣшливыми глазами по лицамъ публики.

Маня оглядываетъ всѣхъ по привычкѣ и съ безсознательной жадностью художника. Какъ и всюду, мало красивыхъ и значительныхъ лицъ! Впрочемъ, вотъ одна... Брюнетка съ теплой шалью на плечахъ. Она причесана по модѣ, но безъ шляпки. Должно-быть, работница... Ихъ тутъ много, но всѣ безцвѣтны. У этой сросшаяся линія бровей, придающая энергію ея лицу, крючковатый носъ, твердый подбородокъ. Сдвинувъ брови и презрительно оттопыривъ нижнюю губу, она слушаетъ предсѣдательницу и не спускаетъ съ нея злыхъ, сощуренныхъ глазъ... „Охъ, не желала бы я быть на той эстрадѣ!“ думаетъ Маня.

Передъ ними сидитъ старушка, вся сѣдая, сгорбленная, опираясь обѣими руками на палку. Маня видитъ огромный изумрудъ на ея мизинцѣ. На бархатной шляпкѣ старушки вѣетъ страусовое перо. Шелковая накидка съ настоящими кружева-

ми накинута на сутулыя плечи. Это тоже дама „большого свѣта“... У нея замѣтные сѣдые усы. Черты рѣзки, губы запали. Но вотъ она обернулась на кого-то, кто шепчется позади, и глянула строго и ярко. Какіе блестящіе глаза!.. Маня вынимаетъ изъ пальто записную книжку, съ которой не разстается, и тихонько зарисовываетъ оба профиля: аристократки и работницы, потомъ прелестное лицо секретаря на эстрадѣ и живописную голову Глинской... Мужчинъ немного. Вонъ тѣ, направо, что строчатъ торопливо за маленькимъ столикомъ, навѣрно репортеры... А въ первомъ ряду—представитель министерства или города. У него какой-то орденъ въ петлицѣ. Но лицо банальное. Типичный французъ.

Отчетъ конченъ.

— Кто желаетъ возразить?—спрашиваетъ предсѣдательница.

— Прошу слова,—низкимъ мужскимъ голосомъ говоритъ брюнетка съ шалью на плечахъ и встаетъ. Всѣ оглядываются.

Глинская быстро поднимается, пользуясь перерывомъ, и, раскланиваясь, пробирается назадъ, къ тому ряду, гдѣ сидятъ Соня и Маня. Передъ ними какъ разъ пустой стулъ. Глинская садится.

„Да она разрисована?..“ съ огорченіемъ думаетъ Соня. „Вотъ почему я ее не узнала...“ Но Манѣ это нравится. Художественно подведенныя брови и тѣнь подъ глазами сразу оживили блѣдное лицо блондинки. Легкій чуть замѣтный румянецъ придалъ этимъ рѣзкимъ чертамъ пикантность. Губы алѣютъ и улыбаются смущенно и лукаво. „Прямо красивая женщина!“ думаетъ Маня. „Пусть разрисована!.. Кому до этого дѣло? Она хочетъ нравиться. И навѣрно имѣетъ успѣхъ...“

Но Соня огорчена, и ее раздражаетъ богатое страусовое перо на шляпѣ Нины. Оно колеблется, какъ живое, при каждомъ ея движеніи. „Вотъ фантазія наряжаться такъ, когда здѣсь столько работницъ!..“

— Слушайте внимательно,—шепчетъ имъ Глинская.—Это говоритъ Дениза. Она анархистка...

— Тсс...—проносится по залѣ. Старушка сверкаетъ на нихъ глазами. Маня умиляется.

Среди внезапно наступившей тишины низкій голосъ работницы звучитъ отчетливо и слышенъ безъ малѣйшаго напря-

женія во всѣхъ углахъ... Рѣчь ея, сначала сдержанная, полная ироніи, постепенно разгорается. Она обвиняетъ правленіе въ бездѣятельности, въ отсутствіи инициативы, въ нежеланіи идти навстрѣчу нуждамъ рабочаго класса. Что сдѣлали для нихъ за эти три года „эти дамы, жаждущія популярности"? Ихъ настойчиво просили устроить ясли въ XI округѣ, заселенномъ фабричными работницами...

— Но мы дали вамъ ясли въ IX-мъ,—перебиваетъ предсѣдательница, возвышая голосъ.

— Это слишкомъ далеко. Мы не можемъ бѣжать туда на разсвѣтѣ съ нашими дѣтьми... Мы не можемъ опоздать къ свистку...

— Но у насъ нѣтъ денегъ!..

Ропотъ покрываетъ это заявленіе. Враждебныя восклицанія... Страстные жесты...

— Тсс... Тсс...

Предсѣдательница звонитъ.

Работница упрекаетъ правленіе въ игнорированіи *жизни*, которая мѣняетъ свои формы и неуклонно идетъ впередъ. Женщины-работницы сознали свои права. Онѣ проснулись... Онѣ требуютъ своей доли, своего мѣста. Если онѣ вошли въ лигу, какъ равноправные члены, дѣлая взносы изъ своихъ трудовыхъ грошей, то это не для того, конечно, чтобы любоваться на страусовыя перья дамъ и умиляться унижающей ихъ благотворительностью... Довольно того, что ихъ эксплоатируютъ на фабрикахъ!.. Онѣ не отказываются отъ работы... Онѣ высоко несутъ голову въ сознаніи, что трудятся наравнѣ съ мужчинами... Онѣ не согласились бы быть паразитами, если бы вдругъ лицо общества измѣнилось... Но для своихъ дѣтей онѣ требуютъ... не просятъ, а требуютъ безопасности...

Ее перебиваютъ апплодисментами. Предсѣдательница звонитъ. Секретарь тонко улыбается, глядя внизъ... Глинская экспансивно киваетъ головой, обернувшись къ оратору. И перо на ея шляпѣ тоже киваетъ не въ тактъ.

Работница поднимаетъ руку, требуя вниманія. Она еще не кончила... Она заявляетъ, что потерявъ вѣру въ эту буржуазную лигу, на словахъ только защищающую права женщинъ, она и цѣлая группа ея товарокъ рѣшила покинуть это мертворожденное *Общество*. Онѣ вступаютъ въ новую лигу, един-

ственную, которая обезпечиваетъ свободу женщинѣ, которая даетъ ей проблескъ впереди... надежду на развитіе ея личности, единственную, которая не превращаетъ ее въ слѣпую машину... Это „Ligue de la Régénération Humaine... *).

— Что такое?—громко вскрикиваетъ Соня.

Ропотъ проносится по залу. На этотъ разъ симпатіи отхлынули отъ оратора. Лицо предсѣдательницы надменно и брезгливо. Глинская неодобрительно качаетъ головой. Въ авторѣ „Свободной Любви“ сказалась семитка, преклоняющаяся передъ материнствомъ.

Дениза вызывающе смѣется.

— О, я хорошо знаю, что шокирую почтенное общество! Франціи нужны солдаты, фабрикамъ нужны рабочіе. Но, mesdames et messieurs, мы всѣ тоже были вѣрными дѣтьми церкви въ юности и вступали въ бракъ, чтя обряды. Мы любимъ нашихъ дѣтей... И если отказываемся теперь отъ радостей материнства, то ужъ, конечно, не для того, чтобы откладывать побольше въ копилку, какъ это дѣлаютъ почтенные буржуа... И не затѣмъ, чтобъ наслаждаться досугомъ, посѣщая портнихъ и театры. Наши дѣти брошены на произволъ судьбы... Они сгораютъ у очага, падаютъ изъ шестого этажа, ползаютъ въ грязи дворовъ, дышатъ міазмами. Безъ призора они голодаютъ... На улицахъ ихъ давятъ ваши автомобили...

— Ш... ш...—раздается неодобрительный свистъ.

— C'est trop fort... ça!..—громко говоритъ на первой лавочкѣ представитель министерства. Но шиканье снова покрывается взрывомъ апплодисментовъ.

— Смотри, Соня!.. Смотри на старушку... Вотъ прелесть!

Она стучитъ своей палкой въ знакъ одобренія. Она вся на сторонѣ оратора, хотя сама навѣрно живетъ въ Faubourg St. Germain, въ собственной виллѣ. И среди каретъ съ ливрейными лакеями, которыя дѣвушки видѣли у подъѣзда, одна несомнѣнно принадлежитъ этому угасающему отпрыску стариннаго рода.

Работница кончаетъ свою рѣчь такъ:

---

*) „Ligue de la Régénération Humaine“ („Лига Возрожденія человѣчества“), основанная Полемъ Робеномъ, пропагандируетъ неомальтузіанство въ рабочей средѣ. Лига имѣетъ свой журналъ: „La Régénération“. Изъ пропагандистокъ этого ученія наиболѣе извѣстны Нелли Руссель и Жанна Дюбуа.

— Но вѣдь не объ однихъ дѣтяхъ идетъ рѣчь... Пора и о себѣ подумать!.. Роди, пеленай, обмывай, обшивай... да еще и зарабатывай на нихъ... А жить-то когда же? Когда читать? Развиваться? Нѣтъ, довольно рабства! Одного ребенка на ноги поставить можно. А наплодишь четырехъ, всѣхъ по міру пустишь... Что выиграетъ отъ этого общество?.. Обезпечьте сперва хлѣбъ нашимъ дѣтямъ, а ужъ тогда и обвиняйте въ безнравственности тѣхъ, кто не хочетъ ихъ имѣть!..

Она садится среди поднявшагося шума.

— Прошу слова!—снова раздается молодой женскій голосъ.

Налѣво, шагахъ въ пяти отъ Сони, стоитъ Lise Durand, поднявъ руку. Это та блондинка, которую Маня видѣла наканунѣ въ передней, у Глинской... Зала точно вздохнула. „Lise... Lise...“ проносится шопотъ. Всѣ оглянулись...

Старушка въ шелковой тальмѣ улыбается и привѣтствуетъ Lise, беззвучно хлопая концами пальцевъ. Всѣ это видятъ, шепчутся. Lise краснѣетъ и глазами, чуть-чуть улыбаясь, благодаритъ единомышленницу-аристократку...

— Кто эта Lise? — быстро спрашиваетъ Соня, наклоняясь надъ стуломъ Глинской.

— Работница и дѣвушка-мать... Предыдущій ораторъ — замужняя женщина...

— Такъ хорошо одѣта?

— Она въ бѣлошвейной закройщицей. Она сравнительно много зарабатываетъ... Но все, что вы на ней видите, бѣлье, платье, шляпа даже—сдѣланы ею самой...

Но этотъ токъ изященъ и красиво оттѣняетъ бѣлокурые по модѣ причесанные волосы Lise. Она блѣдна и худа, но миловидна, и фигура ея стройна. Звонкимъ юнымъ голосомъ безъ тѣни враждебности, все время какъ бы шутя и вызывая смѣхъ шутками, она говоритъ, что явилась защищать не права законныхъ дѣтей, какъ madame Дениза Леклю... А увы!.. права незаконныхъ... Но пусть не шокируется высокопочтенное общество безнравственностью этого заявленія!.. Выдти замужъ безъ приданаго нелегко... Молодость требуетъ своего... А мужчины очень забывчивы... И не узнаютъ своихъ дѣтей, если даже они похожи на нихъ, какъ двѣ капли воды...

Легкій смѣхъ слышенъ въ залѣ. Лицо предсѣдательницы

покрыто пятнами, и рука съ черепаховымъ лорнетомъ замѣтно дрожитъ. Глинская опять энергично киваетъ, глядя на ораторшу, и бѣлое перо на ея шляпѣ не поспѣваетъ за движеніями головы.

Соня злится. Это ее отвлекаетъ.

— Les hommes s'amusent. Les femmes paient,—продолжаетъ Lise. (Мужчины забавляются, женщины расплачиваются.) Въ Парижѣ не одна тысяча малютокъ, лишенныхъ отца, и жизнь ихъ всецѣло зависитъ отъ заработка матери... Но надо надѣяться, что высокопоставленное общество, принимая членовъ, не будетъ разузнавать объ ихъ нравственности и о прошломъ трудящейся дѣвушки?.. А если оно признало ихъ равноправными съ тѣми, кому посчастливилось найти мужа, то нельзя ли удѣлить немного вниманія и этимъ bâtards?..

— Чего же вы хотите? Говорите кратче!—съ еле сдерживаемымъ раздраженіемъ перебиваетъ предсѣдательница.

Lise все въ томъ же шутливо-колкомъ тонѣ напоминаетъ правленію, что не разъ уже ему подавались петиціи съ просьбой открыть еще пріютъ для этихъ дѣтей... Недостаточно тѣхъ, что имѣются...

— Въ вашемъ округѣ уже есть пріютъ Sacré-Coeur?

— О да, madame... Но монахини требуютъ отъ матери брачнаго свидѣтельства.

— У насъ нѣтъ средствъ, mademoiselle... Изъ отчета, который вы заслушали...

— Pardon... У васъ нашлись средства, чтобъ пріютить двадцать старухъ и обезпечить ихъ до смерти?.. Правда... Онѣ всѣ религіозны... Мы же не посѣщаемъ мессы...

Въ залѣ движеніе и смѣхъ.

— Правда, что онѣ уважаютъ аристократію и враждебно относятся къ республикѣ. А при словѣ соціалистъ осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ...

Опять смѣхъ уже громче.

— Оставимъ личности! — перебиваетъ предсѣдательница.— Старухъ нельзя выбросить на улицу. Онѣ неспособны къ труду...

— Но и дѣти неспособны... А между тѣмъ—хотя они только bâtards, — не въ нихъ ли будущее страны?.. То лучшее будущее, для котораго мы всѣ живемъ и боремся?

Ее прерываютъ рукоплесканіями. Больше всѣхъ волнуются работницы. Гулъ и ропотъ одобренія нескоро смолкаютъ въ залѣ. И звонокъ дребезжитъ непрерывно.

— Чего же вы хотите?—настаиваетъ предсѣдательница.

И Lise говоритъ о томъ, какъ хрупко и шатко въ современномъ обществѣ положеніе дѣвушки-матери и ея ребенка. Малѣйшая случайность... болѣзнь... И она выброшена изъ колеи. Нѣтъ заработка. Страдаетъ дитя... Широкими бѣглыми мазками Lise набрасываетъ эту картину, и голосъ ея дрожитъ и неотразимо волнуетъ публику. Видно, что все это пережито ею лично... И не разъ... Маня слушаетъ съ бьющимся сердцемъ...

Lise кончаетъ требованіемъ, чтобы общество, дающее дѣтямъ низшихъ классовъ лишь начатки образованія, широко открыло бы для нихъ ремесленныя школы. Надо выпускать дѣтей, закаленныхъ въ борьбѣ за жизнь. Всѣ стоятъ за бракъ. Но никто не думаетъ о дѣтяхъ.

Она садится среди криковъ *bravo*...

Старушка въ шелковой мантильи, обернувшись всѣмъ корпусомъ къ оратору, громко стучитъ своей палкой. Lise издали кланяется ей и улыбается блѣдными губами.

— Какъ хорошо!—восторженно говоритъ Соня, продолжая хлопать.

Предсѣдательница встаетъ. Голова ея дрожитъ, и колеблется эгретъ на ея шляпѣ.

— Mesdames et messieurs,—говоритъ она взволнованно.— Я двѣнадцать лѣтъ занимала мой постъ... Вмѣстѣ съ герцогиней N*** (Она кланяется въ сторону старушки въ мантильи) я была учредительницей этой лиги... Секретарь мой, виконтесса V*** и madame M***, моя правая рука, знаютъ, сколько любви и силъ вложила я въ трудное дѣло развитія и роста этого *Общества*... Вы... (Она смотритъ на Lise и брюнетку-работницу) пришли на готовое. Вы внесли сюда духъ враждебности и критики. Но критиковать легко... Работать трудно...

Раздаются сдержанные аплодисменты и тотчасъ гаснутъ.

— Когда мы съ герцогиней и другими членами... всего горсточкой женщинъ... „буржуазокъ", какъ вы говорите... начинали нашу работу, мы встрѣтили глумленіе прессы, обидное равнодушіе общества, злобныя насмѣшки тѣхъ самыхъ жен-

щинъ, права которыхъ мы защищали... Но къ этому мы были готовы... И почти десять лѣтъ мы работали непризнанныя, непонятыя, но съ вѣрой и любовью... надѣясь, что насъ пойметъ и оцѣнитъ молодое поколѣніе...

Въ залѣ движеніе.

— Надежды тщетны... Мы протянули вамъ руку въ полной увѣренности, что общность дѣла и интересовъ сгладитъ соціальную рознь... что идея, которой мы служимъ, перекинетъ мостъ надъ пропастью... Повторяю: надежды тщетны... Эту руку вы отвергли... И я считаю себя вынужденной оставить мой постъ...

Крики... „Non... Non... Restez!..“ прерываютъ ее. Она поднимаетъ руку.

— Да... Я его оставляю... съ горечью... Не хочу этого скрыть... Нелегко покидать стѣны дома, фундаментъ котораго заложенъ тобою... Но дѣло выше человѣка. Долгъ выше самолюбія... Вы сказали, что жизнь идетъ впередъ. И вы правы... Дорогу молодымъ! Они лучше сумѣютъ проникнуться новыми вѣяніями, чуждыми нашему поколѣнію... Я хочу вѣрить, уходя, что передаю дѣло въ надежныя руки...

На этотъ разъ апплодируетъ весь залъ. Старушка опять стучитъ палкой и удовлетворенно киваетъ старой подругѣ.

Предсѣдательница звонитъ. Окрѣпнувшимъ голосомъ, вполнѣ овладѣвъ собою, она объявляетъ перерывъ на пятнадцать минутъ и спускается съ эстрады.

Она прямо идетъ среди несмолкающихъ апплодисментовъ къ тому ряду стульевъ, гдѣ среди „сѣрой“ публики сидитъ герцогиня.

— Вы очень хорошо сдѣлали, моя милая, — ясно слышатъ Соня и Маня.—Мы, дѣйствительно, устарѣли. Это нашъ долгъ...

— Ахъ, какъ интересно! — восклицаетъ Соня, держась руками за щеки.

— Пойдемте! Я познакомлю васъ съ секретаремъ,—говоритъ Глинская.

Очаровательная француженка, обласкавъ темными глазами лица русскихъ, тревожно выспрашиваетъ мнѣніе Глинской... Она вся вниманіе... Видно, что она дорожитъ отзывомъ этой женщины. Предсѣдательница оказалась на высотѣ... Не правда ли?

— Мнѣ жаль ее, — вдругъ говоритъ Маня. — Я никогда не

рѣшилась бы требовать ея отставки. Она дѣлала, что могла... Воображаю, какъ безцвѣтна и пуста будетъ теперь ея жизнь!

— Vous êtes charmante!—растроганно шепчетъ парижанка

„Вѣчно съ глупостями эта Манька!“ сердито думаетъ Соня.

— И мнѣ ее жаль, — холодно соглашается Глинская. — Но дѣло выше личностей. Она это вѣрно сказала... Демократизація лиги именно то, что нужно теперь...

— Pardon... Я должна привѣтствовать герцогиню,—мягко говоритъ виконтесса.

Маня, улыбаясь, смотритъ ей вслѣдъ. „Вотъ она, воплощенная героиня изъ романа Поля Бурже... Отсюда она поѣдетъ на вечеръ. *Онъ* ждетъ ее тамъ. Завтра они какъ бы невзначай встрѣтятся у подъѣзда ея портнихи. Какая чуждая жизнь!

— Хотите, я васъ представлю герцогинѣ? — спрашиваетъ Глинская.

— Очень хочу! Она меня умиляетъ,—говоритъ Маня.

Старушка окружена. Передъ нею улыбающаяся Lise, представитель министерства, многіе члены... Предсѣдательница удалилась съ товарищемъ въ сосѣднюю комнату, чтобъ подготовить выборы.

— Ah... petite Marie... Bonjour!—говоритъ герцогиня „секретарю“, склоняющемуся передъ ней въ граціозномъ реверансѣ.

И Lise, стоящая рядомъ, съ удовлетвореніемъ думаетъ, что тонъ герцогини, говорящей съ равной ей, далеко не такъ задушевенъ, какъ тотъ, какимъ она говорила только что съ нею самой, Lise Durand.

Подходитъ Глинская, почтительно склоняясь. И картина мѣняется. Глаза старухи оживляются. Она любезно протягиваетъ еврейкѣ руку.

— Amour libre... это очень интересно, madame!.. Я могла бы сдѣлать много возраженій... И, тѣмъ не менѣе, вашъ талантъ подкупаетъ...

Глинская сконфужена и польщена. Репортеры шепчутся, глядя на эту группу, и что-то записываютъ въ книжкахъ.

— Позвольте вамъ представить русскихъ...

Герцогиня ласково улыбается. Дѣвушки машинально какъ-то обѣ дѣлаютъ реверансъ передъ старухой.

— Русскія студентки? О, славныя дѣвушки! Я ихъ искренно уважаю...

— Что она сказала?.. Что такое?—переспрашиваютъ репортеры и подобострастно ловятъ шопотъ толпы.

Когда Соня и Маня выходятъ вмѣстѣ съ Глинской въ коридоръ (Соня надѣется еще попасть въ Батиньоль, на лекцію для рабочихъ на тему *Эволюція Соціализма*), Маня говоритъ:

— Лучшее, что я видѣла здѣсь, это герцогиня!.. Я чуть-чуть не схватила ее за плечи и не расцѣловала... Она самая молодая среди насъ...

— Ее будутъ выбирать въ предсѣдательницы, но она откажется,—говоритъ Глинская.

— Ахъ, какая глупость!—вскрикиваетъ Соня.

— Что такое?

— Не могу себѣ простить, что я передъ нею присѣла!.. Точно институтка... Это все ты, Манька... Противная!

И всѣ смѣются.

Въ корридорѣ стоитъ группа работницъ. Дениза Леклю, брюнетка съ сросшимися бровями, внезапно смолкаетъ, увидавъ Глинскую.

Нина первая кланяется ей. Та сухо киваетъ въ отвѣтъ... Она смотритъ на дѣвушекъ. И лицо Мани загорается. Столько насмѣшки и отчужденія въ этомъ мрачномъ взглядѣ!..

Внезапно ей вспоминается площадь Рима, голые платаны, порывы вѣтра, озаренныя окна кафе... И черная фигура женщины съ хриплымъ голосомъ и пламенными очами... И опять-опять разомъ гаснетъ ея жизнерадость... Какъ далеки онѣ другъ отъ друга!.. И что заполнитъ эту пропасть? Гдѣ слова, которыя растопили бы враждебный холодъ этихъ глазъ? Гдѣ дѣла, которыя согнали бы эту презрительную усмѣшку съ бронзоваго лица, на которомъ жестокая жизнь и борьба провели столько рѣзкихъ, столько горькихъ линій?.. Она не знаетъ... Она не знаетъ ничего... И кто научитъ? Но и жить такъ, вѣчно подъ гнетомъ этого презрѣнія и враждебности...

— Пойдемъ же, Маня!—сконфуженно шепчетъ Соня.—Чего ты уставилась на нее?.. Онѣ надъ нами смѣются...

— Смѣются!—какъ эхо повторяетъ Маня, выходя на крыльцо.

Но наблюдательность, никогда не покидающая ее, даетъ ей еще одинъ штришокъ...

Глинская, оставшаяся для выборовъ, подошла къ группѣ ра-

ботницъ и что-то говоритъ съ ними. Дениза въ сторонѣ молчитъ... И, чуть-чуть улыбаясь, смотритъ на шляпу Глинской и на ея страусовое перо, колеблющееся не въ тактъ движеніямъ головы. Ахъ, этотъ взглядъ!..

И Манѣ становится легче... Дениза послѣдовательна. Она презираетъ и Глинскую. Да... Манѣ все-таки легче!..

V.

Завтра Соня уѣзжаетъ.

Шумно и весело на обѣдѣ у Штейнбаха. Здѣсь и фрау Кеслеръ съ Ниночкой. Соню немного смущаетъ молчаливая фигура старика съ жуткимъ взглядомъ. Первые дни онъ отъ нея прятался и обѣдалъ отдѣльно. Но какъ-то Маня сказала ему въ корридорѣ:

— Милый дядя, не бойся! Она меня любитъ. Она добрая. Она ничего дурного намъ съ тобой не сдѣлаетъ...

Соня видитъ, какъ Ниночка смѣло просится къ нему на руки и теребитъ, смѣясь, его сѣдую бороду. Она видитъ слабую тѣнь улыбки на блѣдномъ лицѣ маніака. И тоже старается любезно улыбаться.

Говорятъ обо всемъ, что видѣла и чего не видѣла Соня въ Парижѣ. Потомъ о Москвѣ, потомъ о Лысогорахъ...

— А что подѣлываетъ „дядюшка“? — спрашиваетъ Штейнбахъ.—Кѣмъ онъ увлекается?

Соня краснѣетъ.

— Какъ? Вы развѣ не знаете?.. Онъ обожаетъ Лику... Они живутъ открыто, какъ мужъ и жена..

— Въ одномъ домѣ?

— Н-нѣтъ... Лика все тамъ же, въ больницѣ... Но они видятся каждый вечеръ. И... Лика ждетъ ребенка...

— Такъ неужели же она серьезно влюбилась?—вполголоса спрашиваетъ Маня, какъ бы думая вслухъ.

— А почему бы нѣтъ?—съ странной горячностью подхватываетъ Штейнбахъ. — Онъ красивъ и... далеко еще не старъ.

— Ахъ, я не объ этомъ,—задумчиво возражаетъ Маня.

За дессертомъ она вдругъ спокойно спрашиваетъ, обрывая виноградъ:

— Соня, а почему ты ничего не скажешь намъ о Нелидовѣ?

Все словно притаилось и замерло въ комнатѣ. Чувствуется, что всѣ растерялись. Кинувъ быстрый взглядъ на Маню, Штейнбахъ опускаетъ рѣсницы и старательно чиститъ грушу. Соня глядитъ на подругу круглыми глазами. Спокойна, кажется... Только что-то напряженное въ ея застывшихъ бровяхъ...

Маня кушаетъ виноградъ и улыбается.

— Господа! Что у васъ за лица?.. Ха!.. Ха!.. Можно подумать, что я спросила что-то неприличное... Развѣ о Нелидовѣ не принято говорить въ обществѣ?

— Да нѣтъ... я развѣ... Ты не спрашивала раньше... потому... Ну, что же о немъ сказать?

— Онъ счастливъ?

— Н-не думаю... Впрочемъ, кто его знаетъ?.. Онъ женился...

— Ну, конечно, счастливъ,—сама себѣ спокойно отвѣчаетъ Маня.—Катя Лизогубъ какъ разъ то, что ему нужно... А что онъ дѣлаетъ?.. Маркъ, почему ты мнѣ не предложишь грушу...

— Сейчасъ очищу. И вамъ, фрау Кеслеръ? Или бананъ, можетъ-быть?

— Его выбрали въ предводители дворянства осенью. И онъ очень польщенъ... Это я знаю отъ Климова... Потомъ онъ строитъ домъ... помнишь, вмѣсто того, что сгорѣлъ?..

— Какъ это давно было!—мечтательно говоритъ Маня, глядя передъ собой далекими глазами.

Штейнбахъ опять бѣгло щурится на нее и подвигаетъ дядѣ вазу съ фруктами.

— А какъ школа Анны Васильевны?—тихо спрашиваетъ онъ, не поднимая рѣсницъ и усердно чистя сочную грушу.

— Школа-то хорошо идетъ. А вотъ она сама плоха...

— Что такъ? Хвораетъ?

— Если-бъ хворала!.. Хуже... Она тоскуетъ... Не можетъ примириться съ тѣмъ, что все кончено, все замерло... Вы знаете? Есть такія боевыя натуры, которыя не переносятъ покоя...

— Я думала, что и Лика такая же,—чуть слышно бросаетъ Маня. Но Соня оглядывается на нее.

— Несомнѣнно и Лика такая... И напрасно ты ее укоряешь...

— Я? Съ чего ты взяла?.. Пусть каждый дѣлаетъ, что ему нравится!..

— Нѣтъ, видишь ли... изъ-за этого кусочка счастья, которое Лика урвала у судьбы, ей уже немало досталось отъ Анны Васильевны и другихъ... А я чувствую, что Лика все та же... Просто устала. Захотѣлось отдохнуть. А когда понадобится, встанетъ и пойдетъ дальше... И никакой ребенокъ, никакой возлюбленный ее не удержатъ...

— Ты думаешь?—страннымъ, горячимъ звукомъ срывается у Мани.

Штейнбахъ откидывается на стулѣ и зорко щурится, словно силится прочесть что-то въ ея лицѣ.

„Какой у него хищный и тяжелый взглядъ!" съ огорченіемъ отмѣчаетъ Соня... „Однако и здѣсь не все такъ гладко идетъ, какъ мнѣ казалось..."

— Я въ этомъ увѣрена,—твердо отвѣчаетъ Соня.—Лика не изъ тѣхъ, кого любовь побѣждаетъ. Она не пожертвуетъ ей... ни одной возможностью... Да, да,—краснѣя подхватываетъ Соня.— Міръ принадлежитъ такимъ, какъ она.

— Bravo!—смѣется фрау Кеслеръ.—Хотѣла бы я ее увидать...

— Но бѣдная Анна Васильевна жестоко ревнуетъ и страдаетъ... Она думаетъ, что это на всю жизнь. И къ ея тоскѣ это только лишняя капля горечи... Мнѣ безумно жаль ее!.. Она такая неуравновѣшенная... Съ Рождества все молчитъ и уединяется... А тутъ, наканунѣ моего отъѣзда, когда я прощалась съ Ликой, Анна Васильевна пошла меня провожать. И говоритъ: „Чувствую, что проживу недолго... Нечѣмъ жить"...

— Какъ?—вскрикиваетъ Маня.—Ты думаешь, она кончитъ самоубійствомъ?

— Все возможно... У нея развивается меланхолія.

Штейнбахъ бросаетъ быстрый взглядъ на дядю.

— Такъ нельзя оставить,—говоритъ онъ.—Я напишу доктору. Ее нужно отправить въ санаторій, на отдыхъ...

— Она не поѣдетъ... Я ужъ ей намекала на это... то-есть, что съ вами говорить буду. А она все твердитъ: „Я нужна теперь Лидіи..." Страшно боится за ея роды...

— Это хорошо, что боится... Это ее отвлечетъ...

— Да, Маркъ Александровичъ... То же думаетъ и Климовъ. Я съ нимъ уже совѣтовалась... Но что будетъ потомъ?..

— Мы примемъ мѣры, Соня... Я напишу завтра же Лидіи

Яковлевнѣ... Во всякомъ случаѣ, въ Липовку надо послать помощницу для школы... Или совсѣмъ временно отстранить Анну Васильевну. Переутомленіе ей вредно...

— Возьмите Розу, пожалуйста... Милый Маркъ Александровичъ, возьмите ее! Она тоже тоскуетъ невыносимо... И ее жизнь точно выбросила за бортъ... Она такъ пламенно отдалась дѣлу въ 1905 году... Она мнѣ все разсказала... Революція была ея богомъ... И потомъ эта ужасная зависимость отъ родныхъ! А выѣхать изъ Лысогоръ ей еще нельзя...

— Я ничего не имѣю противъ, Соня... Роза педагогичка. Она не уронитъ дѣла... Я напишу ей.

— Милый Маркъ Александровичъ, спасибо!

— Просто „Маркъ"... Вы забыли нашъ договоръ?

Соня краснѣетъ.

Облокотясь на столъ и подперевъ рукою голову, затихшая и печальная Маня глядитъ передъ собой.

— Это ужасно! — тихо говоритъ она, опять какъ бы думая вслухъ: — Я стараюсь стать на ихъ мѣсто... на мѣсто всѣхъ, кто боролся въ тѣ дни... кто жизнь и душу наполнилъ великой надеждой, великимъ стремленіемъ... И вотъ... все рухнуло... Дѣйствительно, чѣмъ жить?.. Хорошо тому, кто утѣшился любовью!.. Но тѣмъ, кто не нашелъ удовлетворенія ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни въ любви, ни въ семьѣ? Что дѣлать имъ теперь?

— Ждать!—страстно и твердо срывается у Сони.

Фрау Кеслеръ давно спитъ. И Соня уже засыпаетъ. Онѣ вернулись изъ Grand Opera, и Штейнбахъ уѣхалъ къ себѣ часъ назадъ.

Маня сидитъ на постели въ одной рубашкѣ, неподвижная, какъ изваяніе, и бѣлая-бѣлая при нѣжномъ свѣтѣ ночника.

— Соня... прости... я знаю, что ты устала... но, вѣдь, ты уѣдешь завтра...

— Что такое?.. Что такое?..

— Пустяки... я... мнѣ... надо спросить у тебя... Ты не сердишься?

— Что ты, Маничка? Богъ съ тобой! Успѣю выспаться въ дорогѣ... Я сама рада поговорить.—Соня сладко зѣваетъ.

— Ты... видала Нелидова, Соня? — какъ шелестъ звучитъ робкій вопросъ.

Дрема мгновенно разсѣивается. Соня подымается на локтѣ... Какъ выразительна эта фигура Мани!.. Вся поникла... Плечи сгорблены... Руки лежатъ на колѣняхъ... покорныя... И волосы упали на плечи. И не глядитъ даже... Вотъ два пробило... Значитъ она не спала совсѣмъ? И все думала о немъ...

— Помнишь... я писала тебѣ, когда родилась Ниночка...

— Н-ну?

— Я писала, что нѣтъ у меня къ нему ненависти... что я.. благодарна ему за все...

Съ захолонувшимъ сердцемъ Соня садится на постели.

— Ты ему ничего тогда не говорила?

Теперь она подняла голову. О, жалкое личико! Глаза раненой лани. Въ нихъ уже не сверкаетъ гордость... Гдѣ ея ироническая усмѣшка? Весь вечеръ она была такъ весела. Такъ задорно смѣялась. Казалась такой неуязвимой... Сонѣ страшно чего-то.

— Нѣтъ, Маня, ничего я ему не сказала... Вѣдь онъ... уже женился тогда... И потомъ я его такъ долго ненавидѣла... Только когда Маркъ написалъ мнѣ, что ты забыла его, и что ты будешь на сценѣ... я согласилась встрѣтиться съ нимъ... Это было годъ назадъ... на Пасхѣ... Онъ былъ у насъ съ женой, съ визитомъ... Но я съ нимъ почти не говорила, только съ Катей. Дядюшка и папа часто бываютъ у нихъ (Соня смолкаетъ и ждетъ)... Ну... что тебѣ еще нужно узнать? Спрашивай?

— Катя счастлива?

Соня видитъ, что Маня вытянула руки и хрустнула пальцами... Что сказать?.. Не можетъ же она бросить Манѣ въ лицо всѣ „интимности“, какія эта безстыдная Катька открыла передъ нею... Вспомнить совѣстно... До чего обнаженныя души у этихъ женщинъ!.. Конечно, Катя могла приврать нарочно въ разсчетѣ, что все это дойдетъ до ушей Мани... И говорила-то, въ сущности, съ этой именно цѣлью...

— Плоскодонная эта Катерина ужасно!.. Конечно, она сіяетъ... Такую партію сдѣлала... Она и за Климова готова была выйти... Ей все равно... Я ее не перевариваю... этотъ смѣхъ ея... голосъ..

Соня машетъ рукой и ложится.

— Спи, Маничка!.. Тебѣ завтра рано вставать на урокъ... А ты?.. Скоро ты повѣнчаешься съ Маркомъ?

Маня молчитъ. Сонѣ жутко.

— Ты его любишь, Маня?

— Кого?..

— Ну, конечно, Марка!!

— Да... люблю...

— И не разлюбишь никогда?.. Это уже на всю жизнь?—строго и страстно допрашиваетъ Соня.

— Да... да... Я никого уже не буду любить... Съ этимъ кончено.

— Ну... слава Богу!.. Пора забыть эти глупости... Передъ тобой такая чудная жизнь!.. Сцена, слава... И богатство, Маня!.. Это тоже много значитъ... Сколько добра можно сдѣлать на деньги!.. У тебя дочь... такой другъ, какъ фрау Кеслеръ... А Маркъ?.. Онъ ангелъ... и онъ тебя обожаетъ...

— А ты?—вдругъ послѣ долгой паузы доносится тихій вопросъ.

Соня быстро оборачивается.—Что я??

— Не ревнуешь?

— Вотъ выдумала!..

— Ни капельки?

— Да я... органически на это неспособна... ей-Богу!

— Счастливица!

— Я страдаю только когда думаю, что ты... ему больно дѣлаешь... И тогда я... правда... тогда я тебя ненавижу... Маня, дорогая... Не терзай его! Выходи за него скорѣе замужъ... Ты не знаешь, какъ мнѣ больно, когда... Конечно, надо презирать людей и ихъ сплетни... Но когда любишь, то страдаешь невольно отъ всякаго грязнаго намека... Вотъ, напримѣръ, ты сама тянешь съ свадьбой... а *тамъ* говорятъ... что... это Маркъ не хочетъ жениться... И что онъ никогда на тебѣ не женится!..

— Нелидовъ?—срывается у Мани. И она блѣднѣетъ.

— О, что ты! Нелидовъ все-таки джентльменъ и до сплетенъ не унизится... А всѣ болтаютъ: дядюшка, отецъ, мама, Климовъ... Даже Лика... и та становится мелочной, когда рѣчь заходитъ о тебѣ...

— Мнѣ все равно!

— А мнѣ не все равно!—страстно возражаетъ Соня, садясь и свѣшивая босыя ножки.—Хотятъ унизить и тебя... И Марка... Никто не хочетъ вѣрить, что ты зарабатываешь въ нѣмецкихъ журналахъ...

— Я сейчасъ почти ничего не зарабатываю... некогда...

— Но вѣдь ты отъ брата получаешь на жизнь?

— Конечно...

— А они слышать ничего не хотятъ! — Соня ударяетъ кулакомъ по подушкѣ.— Столько грязи, столько злобы!

— Мнѣ все равно,—устало повторяетъ Маня.

— Вотъ, когда я вернусь... я имъ все скажу... И что черезъ три мѣсяца ты здѣсь дебютируешь, и что тебѣ уже предлагали ѣхать въ турнэ на два года за 100,000 франковъ... А Маркъ отказалъ за тебя... Это сколько на наши деньги?

— Тридцать-семь тысячъ,—равнодушно отвѣчаетъ Маня.

Она ложится подъ одѣяло. Вся жизнь словно ушла изъ ея лица...

— Но онъ, значитъ, разсчитываетъ, что ты получишь болѣе выгодныя условія?

— Да... За одинъ годъ столько же...

— Вотъ я *имъ* все разскажу... и что ты въ первую голову расплатишься съ долгами... Ахъ, эта ненавистная Катька! И даже дядюшка не ушелъ отъ сплетенъ... Въ твой талантъ онъ вѣритъ... Но любви Марка оцѣнить не можетъ... Ты должна прислать мнѣ всѣ афиши, всѣ отзывы о тебѣ, всѣ рецензіи о твоемъ дебютѣ... Вотъ я имъ это все кину въ лицо... И если кто-нибудь послѣ этого посмѣетъ назвать тебя (содержанкой... хочетъ она сказать, но спохватывается)... я прерву съ нимъ всякія сношенія...

Маня долго молчитъ. Бьетъ три. Соня опять начинаетъ дремать.

Вдругъ прерывистый и тяжкій вздохъ, похожій на стонъ, доносится къ Сонѣ. Она открываетъ глаза.

— Маня... Плачешь?

— Нѣтъ... нѣтъ... Спи...

— О чемъ ты думаешь, Маничка? Неужели... неужели... не можешь забыть?

— Скажи мнѣ одно, Соня... Знаетъ онъ, что у меня есть ребенокъ?

— Да... конечно, знаетъ... Я писала ему...

Маня, безмолвная и бѣлая какъ призракъ, подымается опять на постели.

— Ты... писала?.. Когда?

— Вотъ, когда вы уѣхали въ Венецію...

Маня поднимаетъ руки къ горлу. Соня опускаетъ рѣсницы, чтобы не видѣть ея взгляда... Любовь это? Или самолюбіе?.. Почему она такъ страдаетъ?

— Онъ мнѣ ни слова не отвѣтилъ. И я узнала только отъ дядюшки, что онъ уѣхалъ за границу. Весною онъ вернулся, а женился въ октябрѣ...

Маня молчитъ, поникнувъ головой, вся подавленная этимъ открытіемъ.

— Вотъ видишь, какъ легко онъ помирился на маломъ!.. Ему нужна самочка, какъ Катя... чувственная, глупенькая, покорная. Изъ нея онъ веревки будетъ вить... Воображаю, какая драма вышла бы, если-бъ вы поженились тогда! Ты бы ушла черезъ годъ... А еще хуже, если-бъ осталась... Все погибло бы... и твой талантъ, и твоя красота... Все къ лучшему, Маничка!.. Маркъ живетъ для тебя и тобою. А тамъ ты жила бы Нелидовымъ. И все цѣнное въ тебѣ умерло-бы незамѣтно... Маничка, милая, прости!.. Можетъ-быть, жестоко съ моей стороны говорить это тебѣ, но я все-таки скажу... Я это слышала отъ дядюшки... Нелидовъ увѣренъ, что Ниночка дитя Штейнбаха...

Маня дѣлаетъ порывистое движеніе. Но сдерживается и ложится лицомъ въ подушку.

— Не сердись, ради Бога! И забудь о Нелидовѣ... Что онъ для тебя теперь?.. Все кончено... У него жена, своя жизнь... Онъ все о наслѣдникѣ мечтаетъ... Пусть думаетъ, что это дочка Марка! Такъ даже лучше... Пусть думаетъ, что ты сама вычеркнула его изъ своей жизни! И развѣ ты сейчасъ не самая счастливая женщина въ мірѣ?

Она долго ждетъ отвѣта.

Маня молчитъ.

Опять утро. Весеннее, радостное. Фрау Кеслеръ крѣпко обнимаетъ Соню на прощанье... Консьержка привела фіакръ и выноситъ за Соней чемоданъ. Сейчасъ онѣ позавтракаютъ у Марка, и онъ черезъ два часа отвезетъ Соню на вокзалъ.

— Хорошо здѣсь, а дома все-таки лучше!—говоритъ Соня.

— Лучше,—какъ эхо отзывается Маня.

Какое у нея нынче больное и блѣдное личико! Соня нѣжно гладитъ ея руку.

— Въ Москвѣ гадость... А въ Лысогорахъ теперь цвѣты распустились передъ домомъ... Нарциссы... Совсѣмъ лѣто... Пріѣдешь, Маничка, къ намъ?

— Когда?—уныло спрашиваетъ Маня. И вздыхаетъ, точно изгнанница...

— Не сейчасъ, конечно... А вотъ когда прославишься и замужъ выйдешь... Охъ, какъ высоко тогда поднимешь ты свою головку!.. Порадую Петра Сергѣевича и Анну Сергѣевну... Имъ и во снѣ не снилось, что ты такія деньги получать будешь...

Маня печально глядитъ въ окно.

— Досадно, что я не видѣла, какъ ты теперь пляшешь!.. И почему я объ этомъ ни разу не вспомнила?.. Маничка, пропляши нынче у Марка!.. Онъ сыграетъ...

— Нѣтъ, ради Бога, не надо!.. Ничего не выйдетъ нынче... И потомъ... дядѣ хуже опять... А въ эти дни нельзя раскрывать рояля...

— Ты точно любишь его, Маня... этого старика?

— Онъ меня любитъ... И это такъ трогательно...

— А помнишь, какъ ты его боялась?

— Я и теперь иногда... боюсь... сама не знаю чего..

„Она о матери вспомнила... Ахъ, я безтактная!“ думаетъ Соня.

— А трудно было учиться, Маничка? — нарочно развязно спрашиваетъ она.

По лицу Мани скользитъ блѣдная улыбка.

— Это было наслажденіе, Соня... Годъ назадъ во мнѣ столько энергіи было!.. Я точно вызовъ судьбѣ бросала... Стремиться, вообще, интересно. А когда достигнешь, все уже не то...

— А въ чемъ ты будешь дебютировать?

— Иза хочетъ, чтобъ я выступила въ характерныхъ танцахъ... въ испанскихъ...

— Болеро?

Маня опять слабо улыбается.—Ихъ пятнадцать, Соничка..

— И ты ихъ всѣ знаешь?

— Конечно... Я разучила сорокъ-восемь танцевъ: испанскіе, восточные, венгерскіе... Но дебютировать я буду... въ „своемъ“... Понимаешь?

— Какъ тогда? Въ Лысогорахъ?

— Да...

Завтракъ оживленный. Дядя не выходитъ. И оттого еще непринужденнѣе звучитъ дѣвичій смѣхъ.

Что такое съ Маней?.. Лицо горитъ. Она выпила на прощанье бокалъ шампанскаго... Поминутно нервно смѣется...

Послѣ кофе, когда подруги на минуту остаются вдвоемъ, Маня подходитъ къ Сонѣ и стискиваетъ до боли ея руки.

— Такъ ты говоришь, что Катя чувственна?.. Почему ты это знаешь? Откуда ты это знаешь?

Соня молчитъ, ошеломленная... Что за глаза у нея?.. Больные... пронзительные... угрожающіе... молящіе...

— Развѣ... я... говорила?

— Да... да... ночью... ты это сказала ночью... Значитъ она сама... тебѣ что-нибудь разсказывала?

Щеки Сони запылали. Она хочетъ возразить.

— Не надо!—вдругъ жалобно вскрикиваетъ Маня. И затыкаетъ уши.

„Ужасъ какой!.. Да она его не разлюбила?..“

Въ этотъ мигъ входятъ Штейнбахъ и фрау Кеслеръ. Маня убѣгаетъ.

Сердце Сони бьется... Хорошо, если онъ ничего не замѣтилъ... „Бѣдный, бѣдный Маркъ!..“

— А гдѣ Маня?

— Придетъ сейчасъ...

Но онъ уже насторожился, и Соня это чувствуетъ...

„Что мнѣ дѣлать съ моимъ глупымъ лицомъ!..“ думаетъ она смущенно.

Черезъ десять минутъ Маня возвращается. Глаза ея пылаютъ на блѣдномъ лицѣ. Улыбка на губахъ. Напряженная такая вся...

— Маркъ, дай еще шампанскаго!.. Хочу плясать...

— Какъ? Сейчасъ?

— Ну, да... Почему нѣтъ?.. Соня меня не видала... Бубенъ, кастаньеты, костюмъ—все здѣсь... Иду переодѣться...

Маркъ плотно притворилъ двери и опустилъ портьеры. И такъ дивно аккомпанировалъ! А она исполнила мимическіе танцы.

Ахъ, какъ она пляшетъ теперь, эта Маня! Если-бъ дядюшка ее видѣлъ... Онъ просто съ ума сошелъ бы... Она прямо красавица, когда пляшетъ! Можетъ ли хоть одинъ мужчина остаться равнодушнымъ?

Маня со смѣхомъ бѣжитъ къ книжному шкафу и достаетъ оттуда маленькую книжечку Новерра.

— Слушай, Соня,—нервно кричитъ она.—Мы должны, танцуя, говорить и рисовать... Вотъ что пишетъ *онъ*... Слушай...

„N'allez jamais à la répétition la tête vide (vuide...) (Видишь, какъ написано?) de bon sens... Soyez pénétrés de votre sujet... Portez l'amour de votre Art jusqu'à l'enthousiasme. On ne réussit... qu'autant le coeur est agité; que l'âme est vivement émue; que l'imagination est embrasée et que les passions tonnent...

Etes-vous tièdes au contraire; votre sang circule-t-il paisiblement dans vos veines; votre coeur est-il de glace; votre âme est-elle insensible?.. Renoncez au théâtre! Abandonnez un Art, qui n'est pas fait pour vous... Livrez-vous à un métier, où les mouvements de l'âme soient moins nécessaires que les mouvements des bras, et où le gènie ait moins à opérer que les mains...“

— Какъ хорошо!—срывается у Сони.

— Не бойся за меня!—задорно говоритъ Маня.—Слезы, отчаяніе, сомнѣнія, даже страданія—все пойдетъ на пользу моему искусству...

„Что тутъ было?“ думаетъ Штейнбахъ. „Надо выспросить у Сони...“

— Мы съ ума сошли! — первая говоритъ Маня, глядя на стрѣлку циферблата.—Поѣздъ отходитъ черезъ полчаса... Вы едва успѣете доѣхать...

— А ты?—вскрикиваетъ Соня.

— Въ испанскомъ костюмѣ?.. Ха!.. Ха!.. Нѣтъ, Соничка, мнѣ нынче Иза прислала записку. Я къ шести должна поспѣть на урокъ... Ну, до свиданья!.. Кланяйся... Впрочемъ нѣтъ... никому не кланяйся...

— Что ты?... Богъ съ тобой! Дядюшкѣ, Розѣ и Аннѣ Васильевнѣ поклонюсь... Они всегда о тебѣ такъ хорошо вспоминаютъ!.. А ты пиши... Ахъ, счастливица, Маня!.. Имѣть такой талантъ... Вѣдь понимаешь?.. Когда поглядишь на тебя, плакать хочется... И все... понимаешь?.. Все, чѣмъ жила... кажется такимъ ненужнымъ... (Она смѣется, хотя слезы дрожатъ въ ея голосѣ.) Нѣтъ, хорошо, что я долго тебя не увижу!.. Вредно смотрѣть на тебя, Маничка...

Уѣхали, наконецъ!.. Одна...

Маня стоитъ въ кабинетѣ Штейнбаха. Она сняла испанскую шаль, которую подарилъ ей Маркъ въ Новый годъ. Это настоящая испанская шаль, желтовато-бѣлаго шелка съ затканными на ней алыми цвѣтами и птицами. Бахрома на ней длинная-длинная... Какъ она расцѣловала Марка въ тотъ день, когда онъ поднесъ ей эту экзотическую вещь!

Сейчасъ Маня небрежно бросаетъ ее на кресло... Потомъ подходитъ и садится на кушеткѣ.

Ахъ, она устала!.. Смертельно устала. Не пойдетъ она къ Изѣ. Никуда не пойдетъ... Добраться бы только домой... Протянуться и лечь... И заснуть, какъ камень... Ахъ, если бы заснуть хоть въ эту ночь!..

Она обманула Соню. Иза ее не ждетъ... Но нѣтъ уже силы смѣяться, тамъ, на вокзалѣ... казаться беззаботной... говорить фразы... бросать вызовъ кому-то... Всю эту недѣлю—безконечную недѣлю—она играла роль... А въ груди дрожали слезы. И тысячи вопросовъ тѣснились на устахъ. . Смолчать хотѣла... ничего не спрашивать... Не выдержала-таки... Позоръ!..

Она падаетъ на кушетку лицомъ внизъ...

О, наконецъ!.. Наконецъ... Кто увидитъ эти слезы?.. Пусть льются онѣ! Такъ тихо въ домѣ... Сумерки падаютъ... Какое счастье, что можно плакать!.. Она устала... Бороться?.. Идти вверхъ?.. По трудной тропинкѣ карабкаться на вершину, не смѣя отдохнуть, не смѣя оглянуться?.. Ахъ, этотъ пріѣздъ Сони!.. Сколько всколыхнулъ онъ и разбудилъ...

Страстно рыдаетъ она... Мучительно и сладко. Словно пло-

тина какая сорвалась въ ея душѣ... И хлынула, затопляя все вокругъ въ стихійномъ стремленіи рѣка ея печали...

Но о чемъ же эти бурныя рыданія?

„Счастливица!..“ сказала Соня, цѣлуя ее... Развѣ сама она не считала себя счастливой еще недавно? Развѣ не жизнь передъ нею? Чего не хватаетъ?.. Искусство, богатство, слава, любовь... все ждетъ ее впереди..

О чемъ же плачетъ она?

Гдѣ-то скрипнула дверь.

Старикъ вышелъ изъ своей комнаты въ переднюю и поглядѣлъ на вѣшалку.

Всѣ уѣхали, наконецъ... Но Сарра тутъ. Вотъ ея плащъ. Ея зонтикъ въ стойкѣ. Ея шляпа..

Онъ стоитъ, прислушиваясь...

. . . .

Кто-то губами коснулся волосъ Мани...

Она оглядывается... Съ крикомъ благодарности обвиваетъ руками шею старика. И плачетъ на его груди.

Ахъ, всѣ они умные!.. Всѣ они такіе достойные... Но они замучили ее...

Вотъ этотъ молчитъ... Онъ ничего не требуетъ, ничего не ждетъ отъ нея... Но знаетъ все... Онъ почувствовалъ, что она несчастна и одинока...

О, прижаться къ его груди!.. Сорвать съ лица и съ души маску! О, стать самой собою!.. И плакать... плакать, не боясь разспросовъ, не боясь упрековъ... Эти милыя руки... Какъ онѣ нѣжны!..

... Ты ничего не разскажешь, знаю... И эта тайна умретъ между нами... Только одно выиграемъ мы оба отъ этой минуты страданія. Ты станешь мнѣ ближе ихъ... Ты, непонятный всѣмъ... Далекій... съ твоей загадочной любовью... съ твоей темной душой...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Изъ жизни медленной и вялой
Я создалъ трепетъ безъ конца.
Міръ созданъ волей мудреца:
И первый свѣтъ зелено-алый,
И волнъ встающіе кристаллы,
И тѣни страстнаго лица...
Какъ всѣ слова необычайны!
Какъ каждый мигъ исполненъ тайны...
Изъ жизни блѣдной и случайной
Я создалъ трепетъ безъ конца...

Валерій Брюсовъ.

I.

Маня пріѣзжаетъ къ Изѣ, вызванная телеграммой. Въ передней ее встрѣчаетъ Штейнбахъ.

— Что случилось?

— Пріѣхалъ директоръ театра, гдѣ ты будешь дебютировать. Онъ былъ на выпускномъ спектаклѣ, видѣлъ *Танецъ Анитры*... Онъ говоритъ, что никто не исполнялъ его такъ, какъ ты. Не будь съ нимъ суровой, Маня!.. Твой успѣхъ зависитъ отъ него.

Маня входитъ и сразу видитъ волненіе Изы. Директоръ встаетъ, идетъ навстрѣчу Манѣ и цѣлуетъ ея руку.

Это полнокровный, лысый толстякъ съ насмѣшливыми, умными глазами. Онъ цѣлуетъ ручки у Изы, необыкновенно любезенъ... И опять-таки изъ-за его спины обѣ ослѣпленныя женщины не видятъ лица Штейнбаха, который искусно ведетъ свою линію...

— Если mademoiselle Marion будетъ имѣть успѣхъ... а я въ этомъ не сомнѣваюсь... mademoiselle подпишетъ контрактъ на тридцать представленій... по тысячѣ франковъ за выходъ...

— Какая противная рожа!—говоритъ Маня, когда онъ уѣзжаетъ.—Онъ похожъ на мясника. Развѣ онъ любитъ искусство?

— Какое тебѣ до этого дѣло?.. Ты его любишь. И этого довольно... Marion, какая ты удачница! Подумать, черезъ что я прошла въ твои годы, прежде чѣмъ двери такого театра открылись передо мной!.. Это, конечно, выгоднѣе, чѣмъ турнэ Нильса...

— Этимъ я обязана тебѣ, Иза...

На этотъ разъ креолка задумывается. Словно пелена спадаетъ съ ея глазъ... Но самолюбіе не позволяетъ ей признаться передъ Маней въ охватившихъ ее сомнѣніяхъ.

Великій день приближается. На всѣхъ столбахъ расклеены громадныя афиши, гласящія о дебютѣ русской босоножки *Marion.* Тутъ же и программа танцевъ... Les Bacchanales... Morgenstimmung, *Conte de mon âme* (Сказка моей души): трилогія: 1) Amour. Désir. Vie... (Любовь. Желаніе. Жизнь...) 2) Désenchantement. Désespoir. Mort... (Разочарованіе. Отчаяніе. Смерть)... 3) Réveil. Les rêves nouveaux. L'idéal... (Пробужденіе. Новыя грезы. Идеалъ...)

Парижане группами останавливаются передъ афишами. Пожимая плечами, они читаютъ эти странныя слова.

Не проходитъ дня, чтобы въ какой-нибудь газетѣ хотя бы въ двухъ строкахъ не поминалось имя Marion... Репортеры восторженно описываютъ ея внѣшность, Изу Хименесъ, ея школу, желтый салонъ. Сколькіе хотѣли бы проникнуть въ школу, на урокъ! Но Иза Хименесъ непреклонна.

Креолка упивается этими статьями. Она опьянѣла отъ лести... По вечерамъ она читаетъ черной Мими вырѣзки изъ газетъ, которыя она прячетъ въ шкатулку. И улыбается воспоминаніямъ. Она уже не критикуетъ Маню. Она предоставила ей полную свободу выбора темъ и трактовки. Такъ лучше...

Репетиціи начались. И вотъ тутъ-то настало мученіе для всѣхъ. Директоръ, капельмейстеръ, Иза, Штейнбахъ,—всѣ стра-

даютъ отъ капризовъ Мани, отъ странныхъ, неожиданныхъ перемѣнъ въ ея настроеніи. Случаются дни, когда послѣ двухъ-трехъ попытокъ, она вдругъ опускаетъ руки, опускаетъ губы и заявляетъ деревяннымъ тономъ:

— Не могу... Ничего не могу!.. Я сейчасъ уѣзжаю...

Директоръ хватается за голову...

Почему?.. Что за капризы!.. О, если бы это не была любовница милліонера Штейнбаха!

А дѣло въ томъ, что въ ложахъ зала, погруженнаго въ полумракъ, появились какія-то тѣни. Мелькнуло бѣлое перо. Послышался подавленный смѣхъ... Это подруга директора прокралась въ ложу и привела своихъ друзей...

— Скажите имъ, чтобъ они ушли,—говоритъ Маня.

Лицо директора багровѣетъ.

— Нѣтъ... Лучше я уйду!.. Мое настроеніе исчезло... Я не могу плясать...

Директоръ ловитъ въ коридорѣ сконфуженнаго Штейнбаха.

— Ça n'a pas de nom!—говоритъ толстякъ, вздергивая плечи до ушей и дѣлая экспансивные жесты.—Артистка должна стоять выше своихъ настроеній... Съ этимъ надо бороться... Публика платитъ деньги и не хочетъ считаться съ нервами и капризами... M-lle Marion должна плясать во всякомъ настроеніи... И безъ него... если на то пошло...

— Она скорѣе откажется отъ дебюта...

Выпучивъ глаза, директоръ смотритъ въ надменное лицо.

— Ah, monsieur! C'est impossible... Вы хотите меня убить?.. Это за недѣлю до спектакля, когда весь Парижъ говоритъ о немъ?

Штейнбахъ садится въ автомобиль. Маня ждетъ его, спрятавшись въ уголокъ отъ любопытныхъ глазъ. А директоръ чуть не съ кулаками накидывается на свою Berthe... Неужели она не могла сдержать своей болтовни? И какъ она смѣла назвать безъ спроса постороннюю публику?

Но и Berthe возмущена.

— Это не посторонніе... Это мои друзья. И репортеръ *Matin*... Онъ хотѣлъ заработать на своей замѣткѣ... О, эти проклятыя русскія! Эти дикарки!..

Маня долго молчитъ. Потомъ виновато взглядываетъ въ смущенное лицо Штейнбаха и кладетъ руку на его колѣни.

— Не сердись, Маркъ!.. Я такъ несчастна... Что я могу сдѣлать съ собой?.. Когда я слышу шопотъ и смѣхъ, у меня точно крылья падаютъ... Чтобы плясать, мнѣ надо чувствовать связь между мной и тѣми, кто глядитъ на меня...

— Но сначала нужно создать эту связь. Надо побѣдить равнодушіе толпы. Ее надо завоевать...

— Ахъ, Маркъ!.. Я съ отвращеніемъ думаю о своемъ ремеслѣ... Да, ремеслѣ... Творчество живетъ только въ тишинѣ и одиночествѣ. Толпа ему враждебна. И подъ дыханіемъ ея оно умираетъ... Ммѣ кажется, что только ненависть къ этой публикѣ можетъ вызвать у меня подъемъ... Только жажда побѣды...

— Твой путь тяжелъ, знаю... Но его надо пройти.

Опа молча ложится головой на его плечо. И, какъ разбитая, закрываетъ глаза.

А время мчится... И наступаетъ день генеральной репетиціи... Даже годъ спустя, въ разгарѣ своей славы, Маня не можетъ забыть тяжкихъ минутъ, пережитыхъ ею въ этотъ день.

Она потребовала, чтобъ никто изъ публики не былъ допущенъ въ театръ... Но директоръ стоитъ на своемъ. Онъ далъ слово журналистамъ. Они создадутъ успѣхъ перваго представленія. Они утромъ завтра дадутъ статьи, и цѣлый мѣсяцъ толпа будетъ ломиться въ театръ... Отказать имъ сейчасъ—значитъ провалить все дѣло. Они не простятъ обиды. И неужели ей самой не страшно?.. Сгубить изъ-за каприза свою карьеру?

Наконецъ, его собственная труппа и артисты другихъ театровъ?.. Они не могутъ платить такія деньги, какія бросаетъ публика... Они—*свои*... Не пустить ихъ на генеральную репетицію, не разослать приглашенія другимъ театрамъ—значитъ нарушить всѣ традиціи, нажить себѣ враговъ. На это онъ не пойдетъ...

Иза, Штейнбахъ, фрау Кеслеръ, всѣ убѣждаютъ Маню въ томъ же. Она уступаетъ... Но чувствуетъ себя жалкой, ничтожной...

Когда она ѣдетъ въ театръ, ее знобитъ.

— У меня такое чувство,—говоритъ она Изѣ и Штейнбаху,— точно меня сейчасъ раздѣнутъ до-гола̀ и выставятъ на показъ...

По настойчивой просьбѣ Штейнбаха залъ тонетъ въ полумракѣ. Освѣщены только сцена и оркестръ. Всѣ этимъ недовольны. Артистки мечтали показать свои туалеты.

Драма кончилась. Дебютанта-автора привѣтствуютъ жидкими апплодисментами. И всѣ передохнули... „Гвоздь“ спектакля впереди.

Занавѣсъ взвивается надъ пустой сценой, задрапированной темнымъ сукномъ. Въ оркестрѣ раздаются звуки Bacchanales.

— Eh bien, mademoiselle?..—шепчетъ директоръ.

Маня кидаетъ безсознательный взглядъ на его взволнованное лицо. Въ ней самой все оцѣпенѣло. Какъ-то машинально она выходитъ изъ-за кулисъ. И останавливается.

Напряженная тишина царитъ въ залѣ. Да развѣ это залъ? Это черная пасть притаившагося чудовища... Въ ложахъ смутно мелькаютъ какіе-то призраки... Здѣсь гдѣ-то Иза и Маркъ, ея единственные друзья въ враждебномъ, огромномъ городѣ... Внизу, въ полумракѣ, смутно шевелятся тѣни.. Репортеры, рецензенты, актеры и актрисы... Все враги, завистники... Все конкуренты... Безпощадные, предубѣжденные, не вѣрящіе ничему въ своемъ житейскомъ опытѣ. Профессіоналы и ремесленники, циники и пустыя души... Пышнымъ цвѣтомъ распустилось въ нихъ одно больное тщеславіе. И, какъ сорная трава, оно задушило все нѣжное, все красивое и благоуханное, что тамъ цвѣло когда-то.

О, Маня знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло! Эта толпа страшнѣе той, что придетъ завтра...

Она думаетъ это, стоя въ глубинѣ сцены. И ея собственная душа пуста.

„Боюсь этихъ людей?.. Да... Но вѣдь я ихъ презираю?..“

Все молчитъ. А страхъ растетъ. Стряхнуть оцѣпенѣнія она не можетъ...

Вдругъ отчаянное лицо капельмейстера попадаетъ въ поле ея зрѣнія...

— Почему онъ такъ блѣденъ?.. Кажется, онъ дѣлаетъ знаки?.. Мнѣ?.. Развѣ уже пора начинать?.. Но что же я начну?.. Я не могу двинуться... У меня словно гири на ногахъ и камни на груди“... „Все пропало“... говоритъ кто-то на днѣ ея души.

Странная и жуткая минута...

Капельмейстеръ два раза начинаетъ прелюдію. Играетъ ее всю до конца... А она стоитъ, полуобнаженная, какъ вакханка, съ тигровой шкурой на плечахъ, въ вѣнкѣ изъ виноградныхъ гроздьевъ...

— Что же это такое?—съ искаженнымъ лицомъ кричитъ ей директоръ изъ-за кулисы.—Почему вы не начинаете?

Она разслышала и оглядывается.

— Не могу... У меня нѣтъ настроенія,—громко и спокойно говоритъ она.

— Къ чорту настроеніе!.. Если его нѣтъ, пляшите безъ него...

— Не могу... Не стану...

Ея слова разслышали всѣ. Залъ дрогнулъ... Мракъ шевельнулся... Маня это почувствовала...

— Какой скандалъ!—говоритъ кто-то внизу.—Она смѣется надъ нами?

— Нѣтъ, это интересно...

— Да кто-жъ такъ держится на генеральной репетиціи? Вѣдь это тотъ же спектакль...

— Хуже...

— Какая дикарка!..

— Напротивъ... Настоящая артистка...

— Тсс... Тсс...

Гдѣ-то звучитъ смѣхъ...

Сердце Мани даетъ толчокъ. Глаза загораются ненавистью. Слава Богу!.. Вотъ этого вызова ждала ея оцѣпенѣвшая душа...

Маня видитъ какъ во снѣ какую-то бѣлую призрачную фигуру, которая мечется въ ложѣ бельэтажа, перегибается и дѣлаетъ отчаянные знаки.

„Иза..." И теплая волна вливается въ душу... „Иза страдаетъ... Сейчасъ, сейчасъ..."

Просто, какъ у себя дома, она подходитъ къ оркестру и говоритъ:

— Сыграйте еще разъ все... Все съ начала до конца!..

И закрываетъ глаза. И съ закрытыми глазами медленно, какъ лунатикъ, идетъ по сценѣ... чего-то ожидая, глядя въ свою душу, стараясь забыть о чужихъ и враждебныхъ людяхъ...

Вотъ... вотъ... знакомые звуки...

Перекинулся воздушный мостъ отъ одного берега къ дру-

гому. Отъ плоской дѣйствительности къ странѣ вымысла... Задрожалъ и загорѣлся, какъ радуга... Ахъ, радуга надъ Земмерингомъ!.. Во мракѣ дрожитъ и переливается воздушный мостъ... Грезы сходятъ по немъ на землю... Сны обманувшихся. Счастливъ тотъ, кто ихъ видитъ!..

Звуки въ оркестрѣ зовутъ...

Она закружилась по сценѣ въ какой-то медленной, странной, но ритмической пляскѣ, полузакрывъ глаза, простирая впередъ руки... Волна забвенія. Она поднялась... Она идетъ... Сейчасъ подхватитъ. И въ ней утонетъ ея страхъ, ея презрѣніе къ себѣ за этотъ страхъ... Утонетъ все...

Вотъ она...

Взмахнувъ руками съ легкимъ крикомъ, Маня понеслась по сценѣ... И отъ этого крика вздрогнули нервные люди. Такъ кричатъ, падая въ бездну. И это почувствовали артисты.

Словно шевельнулся опять живой, притаившійся мракъ. Но до сознанія Мани это уже не дошло... Манящіе, загадочные образы поднимаются на темномъ фонѣ...

Вотъ они... Вотъ... Съ горъ бѣгутъ они въ долину съ страстными криками. Быстроногія вакханки... козлоногіе сатиры... юные фавны съ золотыми кудрями... Сюда!.. Факелы въ ихъ рукахъ... Словно огненная лава бѣжитъ съ горы... Воздухъ огласился звуками тимпановъ... Эвоэ!.. Эвоэ!.. Всѣ закружились въ бѣшеной пляскѣ...

Все быстрѣе и быстрѣе темпъ въ оркестрѣ... Она заметалась словно листокъ, подхваченный вѣтромъ... То откидываясь назадъ въ страстномъ томленіи и замирая въ этой позѣ; то порывисто кидаясь впередъ за убѣгающимъ фавномъ... простирая руки въ опьянѣніи, съ лицомъ полнымъ экстаза... О, фавнъ съ гордымъ профилемъ и надменнымъ ртомъ!.. Никого кромѣ тебя... Тебя одного... Не исчезай!.. Вернись... Обними...

Она манитъ его... Догоняетъ... Кружится все быстрѣе съ странной, неуловимой ритмичностью движеній. Легкій сдавленный крикъ опять срывается съ ея устъ... Она замерла на мгновеніе, раскинувъ руки въ дикомъ упоеніи. Закрыла глаза. И улыбнулась...

Штейнбахъ чувствуетъ, что пальцы его холодѣютъ отъ этой улыбки. Онъ ее узналъ..

— Bravo! — срываются крики. Раздаются аплодисменты и гаснуть... Но Маня не слышитъ ихъ.

Вакханалія еще не кончилась. Она опять мчится по сценѣ, какъ вихрь. Все быстрѣе и быстрѣе... Даже не вѣрится, что человѣкъ можетъ такъ носиться безъ устали, безъ остановки... Но идея танца ясна каждому. Это любовь и забвеніе на праздникѣ Діониса.

Чѣмъ-то стихійнымъ, безумнымъ вѣетъ отъ ея лица, отъ взмаха рукъ, отъ жестовъ... Распался греческій узелъ волосъ, и темными змѣйками взлетаютъ они вокругъ блѣднаго лица. Вѣнокъ зацѣпился и повисъ на плечѣ... Вонъ онъ отлетѣлъ далеко, въ уголъ... Движенія все ускоряются постепенно...

Вдругъ рѣзкій аккордъ, полный диссонанса... Словно струна сорвалась... И Маня внезапно падаетъ на колѣни, спиной къ публикѣ, перегнувшись назадъ, съ раскинутыми руками, касаясь головой земли... Словно нѣтъ у нея костей... Лицо мертвенно-блѣдное. Глаза закрыты. Алыя губы улыбаются...

Весь партеръ поднялся, аплодируя. Изъ ложъ вѣютъ платки.

— Какая сила ногъ и легкихъ!..

— А вы замѣтили мимику? И эти руки?.. Онѣ говорятъ...

Она выпрямилась и стоитъ неподвижно. Словно просыпается. Сжались тонкія брови. Огромные глаза печально глядятъ въ полумракъ. Сердце бьется какъ птица... Зачѣмъ ее разбудили?

Директоръ предлагаетъ перерывъ на четверть часа... Развѣ она не устала?

— Нѣтъ... Нѣтъ... Ради Бога! Пусть онъ играетъ... А то все пропадетъ... Я сейчасъ переодѣнусь... сейчасъ! И пусть они замолчатъ! Зачѣмъ эти апплодисменты? Я хочу о нихъ забыть...

Маня въ уборной быстро сбрасываетъ одежду, надѣваетъ сѣрую, простую тунику. Скорѣй... скорѣй!

Она бѣжитъ за кулисы.

На сценѣ полусвѣтъ. Нѣжные, воздушные, пронизанные блѣднымъ солнцемъ сѣвера плывутъ звуки Грига... Все ниже спускаются аккорды...

Ахъ!.. Она узнаетъ эти призраки утра... Это туманъ ползетъ съ горъ въ долину... Все ниже сползаетъ онъ. И вотъ открылись пики съ вѣчными снѣгами...

Она идетъ. Все выше... выше... Внизу, въ долинѣ, звенятъ колокольчики стадъ. Звучитъ чья-то пѣснь... Сейчасъ все смолкнетъ... Исчезнутъ деревья... исчезнутъ пчелы... Игрушкой будетъ казаться долина внизу...

Медленно наноскахъ идетъ она по сценѣ, озираясь... Она приложила палецъ къ губамъ... Тише!.. Ни пѣсенъ... Ни шума... Вы слышите священное безмолвіе горъ? Выше, выше... Жизнь осталась позади, съ ея докучными звуками, непонятными въ царствѣ Молчанія...

„Вотъ они... вѣчные снѣга... Розовый свѣтъ задрожалъ на вершинахъ... О, гордыя, неприступныя, вѣщія... Я опять пришла къ вамъ, жалкое дитя долины... Какъ въ храмъ пришла я сюда, чтобы очистить душу отъ заботъ и печалей...“

Широкіе звуки льются волнами въ душу. И она растетъ... Ничего кругомъ... Горы, она и Молчаніе... Долина исчезла внизу, подъ туманомъ...

Развѣ она любила?.. Развѣ она страдала?.. Развѣ это она жила тамъ, внизу, слабая и трепещущая передъ Вѣчностью, передъ Смертью? Развѣ это она боролась за счастье и гибла изъ-за любви?..

Алый свѣтъ вдругъ разлился по сценѣ. Торжественно, мощно гремятъ звуки оркестра. Маня закидываетъ голову, широко открываетъ объятія... О, невѣдомый просторъ! О, свобода души! О, солнце, льющее радость...

Она опускается на колѣни. Въ глазахъ дрожатъ слезы.

. . . .

. . . .

Въ фойе, въ коридорахъ стоитъ гулъ. Группа журналистовъ окружаетъ пожилого плотнаго человѣка, съ сѣдѣющей бородой, знакомую Парижу фигуру... Такъ прочувствовать, такъ передать Morgenstimmung...

— Для этого надо быть поэтомъ... Что-то мистическое было въ ея игрѣ... въ глазахъ ея... Замѣтьте... послѣ Bacchanales!.. Une vraie artiste,—задумчиво говоритъ знаменитый критикъ.

Это слово подхватываютъ репортеры и несутъ его въ толпу.

Иза врывается въ уборную и падаетъ Манѣ на грудь, истерически смѣясь.

— Ты меня такъ напугала, гадкая!.. Развѣ артистъ смѣетъ отказываться? Имѣть капризы... Ахъ ты, безумная Мань-я!..

У фрау Кеслеръ глаза полны слезъ. А словъ совсѣмъ нѣтъ. Штейнбахъ тоже молча и горячо цѣлуетъ руки Мани.

— Видишь ты теперь, какая власть у артиста?—говоритъ Иза.—Я сама слышала, какъ они смѣялись надъ тобой и ругали... А потомъ?.. Ахъ, Marion, ты не знаешь своей силы!.. То, что ты пережила нынче, уже не вернется... Это ужасныя минуты! Кто изъ насъ ихъ не знаетъ?.. Но ты привыкнешь... Monsieur Marc такъ поблѣднѣлъ... Я думала, онъ упадетъ.. Не правда ли?.. Какъ она была прекрасна, monsieur Marc!.. Но что же ты плясала? Вѣдь это совсѣмъ не то, что мы съ тобой репетировали вчера?..

— Не знаю,—какъ во снѣ отвѣчаетъ Маня.—Но я рада, что ты хвалишь... Я думала... и о тебѣ...

Директоръ сіяетъ... Артисты наводнили сцену, толпятся за кулисами. Журналисты требуютъ, чтобъ ихъ представили m-lle Marion.

— Она лежитъ въ уборной,—говоритъ Штейнбахъ. — Она устала... Нельзя ли до завтра?

Директоръ бѣгаетъ, взволнованно потирая руки и не зная, кому отвѣчать... Всѣ данныя успѣха на лицо... Теперь онъ не боится за спектакль.

— Теперь спать, спать, спать!—говоритъ Иза по дорогѣ домой.—Прими Adalin и не думай ни о чемъ... А завтра лежи весь день съ закрытыми шторами, не развлекайся ничѣмъ... И пей бромъ... Надо держать себя вотъ какъ!.. Въ кулакѣ. Это великій день, Marion... Всю судьбу твою ты держишь въ рукахъ...

— И не ѣшь ничего,—кричитъ она уже у подъѣзда своего дома, когда автомобиль поворачиваетъ назадъ.—Только чашку бульона и крѣпкій кофе съ коньякомъ... До завтра!..

Она исчезаетъ въ подъѣздѣ.

Когда фрау Кеслеръ выходитъ изъ автомобиля, Штейнбахъ оборачивается и крѣпко обнимаетъ Маню. Онъ цѣлуетъ ея лицо, ея глаза. Молча, нѣжно, страстно... О, если-бъ создать ей новую жизнь! Создать ей новый міръ... Безъ униженій и страданій, которыми усѣянъ путь средней женщины... Если-бъ дать ей ключи счастья, о которыхъ говорилъ Янъ!..

II.

Знойное небо раскинулось надъ Малороссіей. Полевыя работы въ разгарѣ.

Нелидовъ тоже цѣлый день въ полѣ. Онъ загорѣлъ, помолодѣлъ. Твердо попрежнему глядятъ сѣрые глаза... Какъ хорошо, что послѣ долгой праздной зимы приходитъ лѣто, требующее всего человѣка... требующее упорнаго труда, дней безъ тоски, ночей безъ грезъ... каменнаго сна...

Теперь, кажется, все хорошо наладилось... Пятьдесятъ тысячъ, полученныя отъ бельгійцевъ, не только дали возможность расплатиться съ долгами, но и создали извѣстную обезпеченность... Положимъ, немало пришлось затратить на свадьбу. Разорившіеся Лизогубы ничего не могли дать за дочерью. Да онъ и не думалъ объ этомъ... Больше всего денегъ ушло на свадебное путешествіе и на развлеченія въ Москвѣ и въ Петербургѣ... Пришлось для Кати круто измѣнить жизнь. Принимать гостей, выѣзжать самимъ... Но и эти траты не страшны теперь, когда есть на что опереться.

Больше всего его радуетъ стройка дома. Къ октябрю онъ его закончитъ. День за днемъ слѣдилъ онъ за ростомъ зданія, полюбилъ каждый кирпичъ въ немъ... Какой-то символъ кроется въ его страстной привязанности къ этимъ стѣнамъ... Точно укрыться хочетъ онъ въ нихъ отъ мрака прошлаго. Зажечь огни... Затопить печи... Согрѣть тѣло и душу... Въ новомъ домѣ начнется новая жизнь... Его жена войдетъ хозяйкой въ этотъ домъ. Его дѣти будутъ бѣгать по дорожкамъ парка. И тогда все минувшее покажется сномъ... Онъ скажетъ себѣ тогда:

„Я счастливъ...“

Подъ вечеръ онъ стоитъ у смолкнувшей жнейки. Работы закончены. До верху полны снопами громадныя телѣги, запряженныя каждая парой крупныхъ воловъ. Сейчасъ тронутся... Хорошъ урожай въ этомъ году!..

Нелидовъ смотритъ на небо. Солнце сѣло въ тучу, и она медленно растетъ, по краямъ окаймленная золотомъ. Пурпурные длинные пальцы вырвались изъ-за ея хребта и протянулись по небу. Заалѣли облака на востокѣ. Пожаромъ заката облито поле, лица женщинъ, бѣлыя плахты, важныя морды воловъ... Даже на землю пали красные блики. Барометръ опускается

съ утра. Какъ хорошо, что онъ поторопился съ уборкой!.. Навѣрно еще до ночи будетъ гроза...

Вдали раздается топотъ. Онъ смотритъ, приложивъ руку щиткомъ надъ глазами... Кто-то скачетъ верхомъ изъ усадьбы... Случилось что-нибудь?.. Мамà?.. Катя?..

Онъ бѣжитъ къ своей лошади. Она привязана вдали, у одинокаго грушеваго деревца.

— Что?.. Что?..—съ побѣлѣвшими губами кричитъ онъ. И машетъ рукой гонцу.

— Барыня... молодая барыня... Анна Львовна за вами послали...

„Такъ скоро?.. Неужели сейчасъ?“

Patience... Patience, ma chérie, — ласково и строго говоритъ свекровь, гладя руку Кати, покрытую холоднымъ потомъ.

Лежа на широкой постели, Катя тоскливо мечется головой по подушкамъ... Ей страшно... Какъ долго не ѣдетъ Николенька!.. Это поле такъ далеко... А что если она умретъ безъ него?

— Maman... Я не умру?.. Я не умру?.. Мнѣ такъ хочется жить!.. Я такъ мало жила...

Съ презрительной лаской старуха гладитъ черную головку.

— Ахъ, милая моя!.. Если бъ всѣ отъ этого умирали!.. Не надо плакать... Береги свои силы...

Она звонитъ. Вбѣгаетъ Одарка съ перекошеннымъ лицомъ.

— Кучеръ вернулся?

— Запрягаетъ, барыня... Онъ на село ходилъ...

— Ступайте! Прикажите Гапкѣ, чтобъ безсмѣнно самоваръ горячій былъ... Да вотъ вамъ ключъ... Приготовьте чистыя простыни и полдюжины полотенецъ...

Кажется, всѣ слова—простыя и понятныя?.. Но Катѣ страшно и отъ нихъ... Скорѣй бы онъ пріѣхалъ!.. Обнялъ... защитилъ ее... Отъ его ласки и нѣжности ей будетъ легче... Развѣ не выстрадала она эту нѣжность его за всѣ эти мѣсяцы ея тяжелой беременности?.. Она потеряла фигуру, красоту, свѣжесть. Ея ноги распухли, лицо покрылось пятнами и отекло... Какъ дорого стоютъ намъ дѣти! Она плакала, глядя на себя въ зер-

кало... Нельзя быть влюбленнымъ въ беременную женщину... И она знала теперь, знала твердо, что онъ уже не влюбленъ...

Теперь она всегда ревновала къ прошлому. Она мучительно думала о Манѣ. Представляла себѣ ихъ встрѣчу... Развѣ это такъ невозможно? И истекала слезами... Конечно, она не говорила ему ничего. Но онъ огорчался... Быть-можетъ, догадывался, о чемъ плачетъ она цѣлые дни, оставаясь одна... Онъ былъ съ нею неизмѣнно ласковъ и внимателенъ. Возвращаясь изъ города, онъ всѣ вечера проводилъ съ нею, читалъ ей вслухъ. Втроемъ съ Анной Львовной они играли въ преферансъ. И Катя даже пристрастилась къ картамъ... Сознавъ свою власть слабаго и больного существа надъ сильнымъ мужчиной, Катя даже иногда капризничала... Очень рѣдко, но все-таки... А Николенька ходилъ на цыпочкахъ.

Да, за какіе-нибудь полгода все измѣнилось, и она стала первымъ лицомъ въ домѣ. Даже свекровь смягчилась. Словно согрѣлись ея взгляды и слова. И если страсть Николеньки Катя потеряла за эти полтора года, то теперь она выиграла другую цѣнность... Нѣжность его...

О, какъ помнитъ она тотъ счастливый день, когда впервые шевельнулся въ ней его ребенокъ!.. Сколько разъ она ошибалась! И какъ совѣстно ей было разочаровывать Николеньку... На этотъ разъ сомнѣній не могло быть...

Она лежала вотъ тутъ же, вся затихшая, покорная. И ждала... Свекровь только что горячо поцѣловала ее въ лобъ и вышла, постукивая костылемъ. Катѣ не позволила встать. И это было такъ пріятно чувствовать себя слабой! Быть центромъ общаго вниманія... Вотъ-вотъ онъ вернется изъ города, куда уѣхалъ съ утра по дѣламъ... Maman ему скажетъ сама...

Она лежала тихонечко и съ расширенными зрачками прислушивалась къ великой тайнѣ; къ этимъ нѣжнымъ толчкамъ внутри ея, похожимъ на слабое біеніе сердца... Его дитя... Какъ онъ обрадуется! Обрадуется безумно... Что же онъ не ѣдетъ?.. Сердце Кати замирало такъ сладко...

Залаяли собаки на дворѣ... Стукнула дверь... Онъ вернулся...

Вотъ-вотъ войдетъ сейчасъ... Большими сверкавшими глазами глядѣла она на дверь... Что онъ скажетъ? Какъ онъ взглянетъ?.. Притвориться спящей?.. Она закрыла глаза...

Онъ вошелъ на цыпочкахъ и замеръ на порогѣ.

„Милый!..“ рвалось изъ ея души. Она вскинула длинныя рѣсницы. Она вся покраснѣла и улыбнулась, какъ виноватая.

Онъ порывисто подошелъ къ постели, сѣлъ рядомъ.

„— Катя... Неужели правда?“

И онъ поцѣловалъ у нея руку. Почтительно и благодарно. Какъ никогда не цѣловалъ раньше.

Она молчала, удивленная... Никогда не видала она у него такихъ глазъ... Точно опять онъ спрашивалъ ее. „Такъ это ты о которой я мечталъ... которую ждалъ всю жизнь?.. Но лицо у тебя другое... И я тебя не узнаю...“

Вотъ это *другое* лицо, которое всегда тайно между ними,— хоть сейчасъ-то забылъ ли онъ его?

„— О чемъ ты плачешь? Кици... милая?..“ — спросилъ онъ тогда...

Онъ взялъ въ обѣ руки ея лицо. Цѣловалъ его такъ горячо... Такъ робко и нѣжно... И сказалъ эту фразу... Она ее не забудетъ никогда...

„— Какъ я буду теперь любить тебя, моя Катя!..“

Какъ-будто раньше онъ совсѣмъ-совсѣмъ не любилъ ее..

. . . .

. . . .

Слезы Кати бѣгутъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ и скатываются на подушку... Она ихъ не вытираетъ. На днѣ сердца шевелится черная змѣйка. И жалитъ тихонько... Но такъ больно... больно...

Въ воротахъ Нелидова встрѣчаетъ кучеръ. Онъ выѣзжаетъ на шарабанѣ.

— Куда вы?

— Въ Лыповку, баринъ... къ Шенбоку... за барышней...

Катя тихо и монотонно стонетъ, лежа на постели. Ея ротъ искривленъ. Волосы развились и прилипли къ влажному лбу. Ея большіе глаза глядятъ на дверь съ тоской и ужасомъ.

— Наконецъ-то, Николенька!.. Она все звала тебя... Боится... А я говорю: волноваться нечего... Дѣло житейское...

— Когда это началось?

Онъ подходитъ съ другой стороны къ широкой кровати, садится на ея край. Потомъ беретъ въ обѣ руки черную головку и нѣжно прижимается губами къ потному лбу. Соленый вкусъ остается на его губахъ... Ахъ, никогда еще до этой минуты ни одну женщину не цѣловалъ онъ съ такой глубокой нѣжностью!

— Началось недавно... всего часъ назадъ,—спокойно говоритъ Анна Львовна.—Сначала думали, что это пустяки... Немножко рано... Лидія Яковлевна говорила, что надо ждать въ концѣ мѣсяца...

— Можетъ-быть, ты оступилась, упала? — перебиваетъ Нелидовъ.

Катя видитъ въ его лицѣ ужасъ и.. упрекъ. Да, упрекъ... Это страхъ не за нее. За ребенка... Она недалека, эта бѣдная Катя. Но она ясно читаетъ въ душѣ мужа...

Ея ручки, судорожно тискавшія его руку, падаютъ безсильно на одѣяло. И длинныя рѣсницы опускаются. Изъ-подъ нихъ по стаявшей щечкѣ опять бѣжитъ огромная, свѣтлая слеза.

— Катя... милая... скажи правду...

Она дѣлаетъ отрицательный жестъ, не открывая глазъ.

Тогда только ея слезы доходятъ до его сердца.

Онъ цѣлуетъ ея мокрыя рѣсницы, ея пересохшія губы... Ея дыханіе испортилось. Все равно!.. Онъ ее любитъ за эти страданія...

Она думаетъ: „Не надо мучиться, сомнѣваться... Всей душой отдаться этой дивной нѣжности...“

Какъ всегда далекій отъ ея души, не умѣя понять ея тоски, онъ срывается съ мѣста и бѣгаетъ по комнатѣ. И Катя слышитъ, какъ похрустываютъ его пальцы.

— ...часто бываетъ... (смутно доносится до Кати) особенно, когда мальчики родятся... Я тебя тоже за двѣ недѣли до срока родила... Волноваться, во всякомъ случаѣ, нечего... Лидія Яковлевна сейчасъ придетъ...

А злыя мысли, какъ змѣи, ползутъ въ душу. „Это онъ опять не за меня боится...“

— Не послать ли въ городъ верхового за акушеромъ?

— И это преждевременно... Климовъ тоже свое дѣло знаетъ... Успокойся, Николенька! Ты только ее волнуешь.

Тихій стонъ срывается невольно изъ груди Кати. Вмигъ онъ опять рядомъ съ нею.

— Ты бы лучше ушелъ, Николенька!—говоритъ Анна Львовна.—Она нервничаетъ при тебѣ...

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!—капризно перебиваетъ Катя.—Не хочу!.. Мнѣ легче, когда онъ тутъ... Возьми мою руку, Николенька, и погладь!..

„Онъ будетъ тутъ сидѣть всю ночь рядомъ", думаетъ она. „И будетъ держать мою руку".

Свекровь учила ее терпѣнію... Ни разу ея собственный мужъ, покойный Нелидовъ, не присутствовалъ на ея родахъ. Она гнала его изъ спальни. Онъ стѣснялъ ее. Это было неприлично... И даже кричать себѣ она не позволяла... Это тоже было неприлично... Вопьется, бывало, въ подушку зубами и стонетъ тихонько... „Ну, нѣтъ!" думаетъ Катя. „Съ какой стати!.. Если будетъ больно, буду кричать... Да... кричать на весь домъ!.. Пусть онъ видитъ, какъ мнѣ больно!.. Вѣдь это онъ хотѣлъ ребенка... Хотѣлъ наслѣдника... Не я... Я такъ боюсь страданій!.. Быть-можетъ, за нихъ онъ полюбитъ меня теперь?.. И забудетъ ту... другую?.."

И она опять стонетъ уже громко и жалобно, и мечется черной головкой по подушкамъ.

Но сомнѣнія все крадутся въ смятенную душу... Ползутъ какъ змѣи... А если родится дѣвочка?.. Не сынъ, не наслѣдникъ... Что тогда?.. Неужели исчезнетъ нѣжность?..

Всѣ эти полгода свекровь и мужъ только и толкуютъ о наслѣдникѣ... Выписали изъ Кіева нарядную люльку съ голубыми бантами. И всѣ рубашечки, все приданое отдѣлано голубыми лентами... Дѣвочкамъ дѣлаютъ приданое съ розовыми... Такъ было у сестры Ани...

Она опять плачетъ.

— О чемъ, Кици?—спрашиваетъ онъ, гладя ея волосы.

— Мнѣ страшно, Николенька!.. Страшно...

И даже зубы у нея стучатъ. И два одѣяла въ этотъ теплый вечеръ не могутъ согрѣть ее, не могутъ унять ея озноба.

— Боже мой! Скоро ли?—сквозь зубы говоритъ Нелидовъ.

Онъ на дворѣ. Ночь уже спускается. Душная, непроницаемая южная ночь...

Черезъ часъ Лика, покрытая платкомъ, входитъ на ступеньки крыльца. Одарка несетъ за нею большую кожаную сумку. Во мракѣ шевелятся силуэты шарабана и лошади. Въ кухнѣ горитъ огонь.

Лика въ гостиной сбрасываетъ съ себя платокъ и оправляетъ растрепавшіеся волосы. Нелидовъ идетъ ей навстрѣчу.

— Наконецъ-то!—Онъ беретъ ея руку и подноситъ къ губамъ. Это такъ неожиданно, что Лика смущается.

— Простите... Я запоздала... Меня нашли на селѣ. Я дѣлала перевязку пастуху. У него быкъ сорвалъ мясо съ колѣна...

— Да... А скажите... это... можетъ это...

Усмѣшка скользитъ по ея лицу.

— Не безпокойтесь, всѣ мѣры приняты... Я перемѣнила платье и вымыла руки... Я свое дѣло знаю, Николай Юрьевичъ...

— О, простите!.. Я не сомнѣваюсь... Вотъ сюда, пожалуйста, и направо... Какъ здоровье вашей дочки?..

— Благодарю васъ!.. И она совсѣмъ здорова. Вамъ нечего бояться,—сухо перебиваетъ Лика и останавливается у двери въ спальню.

— Я подожду васъ въ гостиной,—говоритъ онъ. Говоритъ непривычно робко и тихо.—Вы мнѣ скажете о результатахъ осмотра...

Съ страннымъ чувствомъ смотритъ на него Лика... Такъ вотъ какимъ взглядомъ, молящимъ и покорнымъ, можетъ глядѣть этотъ... сухарь?.. Вотъ какія нотки иногда дрожатъ въ этомъ надменномъ голосѣ... Положимъ, умиляться тутъ нечему... Это все самыя элементарныя чувства... зоологическая любовь къ своему дѣтенышу и женѣ... Но до чего прекрасно и ново сейчасъ это лицо!

Лика вдругъ ловитъ себя на этихъ мысляхъ... Хмурится и отворяетъ дверь спальни.

Странно! Она сама волнуется при осмотрѣ... Ей хочется, чтобы все оказалось нормальнымъ.

Катя кричитъ подъ ея рукой.

— Patience... Patience, ma chérie!..—усовѣщеваетъ ее свекровь.

— Помолчите, ради Бога!—срывается и у Лики.—Вѣдь все благополучно... Положеніе правильно... Я вамъ это и раньше говорила... Успѣете еще накричаться... Поберегите силы...

— Это будетъ страшно?.. Это будетъ больно?—хватая ея руку, допытывается Катя. И жалкій, животный страхъ глядитъ изъ ея большихъ глазъ.

— Увѣряю васъ, вамъ будетъ не больнѣе, чѣмъ всякой другой,—сухо усмѣхается Лика.

— А вамъ было страшно?.. Когда вы сами родили, вамъ было страшно?

Свекровь подымаетъ брови и молча закрываетъ глаза.

„До чего эта бѣдная Cathérine безтактна!.. И никогда ее не перевоспитать!..“

— Я старалась объ этомъ не думать... Лежите смирно... Я сейчасъ вернусь...

— Ахъ, это такъ ужасно!.. Такъ ужасно... Позовите Николеньку!..

— Mais courage, mon enfant!—ласково говоритъ свекровь.

Но Лика чувствуетъ ея осужденіе.

„Что это за поколѣніе пошло!“ говоритъ гордое лицо старухи. „Ни силы воли, ни сознанія своихъ обязанностей... За что ихъ любятъ?“

И Лика думаетъ, выходя въ гостиную:

„А онъ любитъ это ничтожество... Какъ мало нужно ему въ любви!“

Нелидовъ сталкивается съ Ликой въ дверяхъ.

— Ну что?.. Что?

— Все обстоитъ прекрасно... Я же вамъ говорила раньше...

— И ребенокъ родится живымъ?

— Ну, конечно... Почему бы нѣтъ?

Нелидовъ со вздохомъ проводитъ рукой по лицу... И улыбается...

Что за чудная улыбка!.. Полуоткрывъ губы, Лика заглядѣлась.

Онъ предлагаетъ ей руку и почтительно ведетъ на террасу. Тамъ накрытъ столъ съ холодной закуской. Самоваръ весело шумитъ. Изъ-подъ высокихъ колпаковъ для свѣчей большіе свѣтлые круги упали на скатерть и посуду.

— Бога ради, простите!.. Вы такъ утомлены... Я налью вамъ чашку чаю...

„Какъ самой почетной гостьѣ“, думаетъ Лика.

Она слѣдитъ за его маленькими загорѣлыми, полными нервной силы руками... Что за глупыя мысли лѣзутъ ей опять нынче въ голову?! Вотъ онъ наливаетъ ей крѣпкаго душистаго чаю... рѣжетъ ей тартинки... Совсѣмъ какъ Федоръ. Ну, да тотъ ужъ всегда играетъ роль жены и хозяйки... А этотъ?.. Какъ все странно складывается въ жизни!.. Думала ли она, три года назадъ, что будетъ сидѣть здѣсь, въ его домѣ, за его столомъ, и такъ мирно бесѣдовать? Безъ тѣни злобы и даже... да!.. Что ужъ тутъ лицемѣрить?.. Даже съ такимъ интересомъ приглядываясь къ этому „баричу“?.. Думала ли она, что въ этомъ домѣ ее будутъ встрѣчать съ почетомъ, какъ человѣка, отъ опыта, знанія и добросовѣстности котораго зависитъ счастье этой семьи и даже жизнь госпожи Нелидовой и ея будущаго ребенка?..

Она вспоминаетъ, какъ три года назадъ она шла съ Анной Васильевной по дорогѣ, а Нелидовъ ѣхалъ верхомъ... Онъ изысканно-вѣжливо раскланялся съ ними обѣими. А у нея сердце застучало, и даже губы побѣлѣли отъ волненія. За этой корректностью она чувствовала презрѣніе... презрѣніе барича къ плебеямъ, къ трудящимся дѣвушкамъ, какъ онѣ обѣ...

„А еслибъ... хоть на одну минуту представить себѣ, что его жена не та... ничтожная... а я?.. Фу... Боже мой! Что за нелѣпости мнѣ лѣзутъ въ голову?“

— Позвольте, пожалуйста, варенья,—сухо говоритъ она и протягиваетъ блюдце...

— А Катѣ можно чаю?

— Конечно... Это даже хорошо... Вообще... прикажите самоваръ держать всю ночь горячимъ... Ванна для маленькаго есть?

— Да... да...—разсѣянно отвѣчаетъ онъ, глядя на ея губы.— Я выписалъ уже мѣсяцъ назадъ изъ Кіева все: и ванну, и столикъ, и вѣсы...

— Браво! — криво улыбается Лика.—По послѣднему слову науки... Это ваша иниціатива?

— Моя,—просто отвѣчаетъ онъ, не замѣчая ея ироніи.

— Григорій! —зоветъ Нелидовъ. —Гдѣ горничная? Принесите подносъ...

— Зачѣмъ?—перебиваетъ Лика.—Мы сами снесемъ ей чаю.. Сядьте!.. Не волнуйтесь...

Это срывается у нея неожиданно для самой себя. И въ голосѣ ея ласка.

— Лидія Яковлевна, вы увѣрены, что докторъ не понадобится?

Она смѣется.

— Нѣтъ... нѣтъ... Все идетъ прекрасно... Къ утру кончится...

— Только къ утру?

— А какъ бы вы думали?.. Двадцать часовъ это самое нормальное, самое обычное для первыхъ родовъ... Она очень худенькая, ваша жена, но тазъ у нея широкій,—спокойно объясняетъ Лика, глотками отпивая горячій чай.—По истеченіи только двадцати-четырехъ часовъ мы имѣемъ право наложить щипцы... Я увѣрена, что ничего не понадобится... Во всякомъ случаѣ... я васъ предупрежу... Климовъ подъ рукою. Онъ хирургъ прекрасный...

Нелидовъ слушаетъ покорно и внимательно, не шокируясь откровенностями... Ему даже не приходитъ въ голову, что изъ всѣхъ знакомыхъ этого уѣзда самыми значительными лицами для него за эти полгода стали эта антипатичная подруга Федора Филипповича и вульгарный, ненавистный когда-то Климовъ...

Онъ думаетъ о другомъ въ эту минуту, облокотившись на столъ и подперевъ голову руками... Что если бы насталъ роковой моментъ, и акушеръ предложилъ бы ему вопросъ: „Кѣмъ пожертвовать? Чью жизнь сохранить"... О!.. Онъ знаетъ... Онъ это знаетъ давно. Онъ объ этомъ думалъ не разъ... И никогда не было колебанія въ его душѣ. Онъ твердо сказалъ бы доктору: „Сохраните жизнь ребенка..."

Одарка показывается на порогѣ.

— Молодая барыня просятъ васъ...

— Меня?—спрашиваетъ Лика, поднимая брови.

— Паныча...—по привычкѣ бросаетъ Одарка.

Они вмѣстѣ входятъ въ спальню. Нелидовъ несетъ чашку чаю.

— Какая духота!—говоритъ Лика. И распахиваетъ окно.

— Но вѣдь ее знобитъ, — мягко замѣчаетъ Анна Львовна.

— Это нервное... Какъ можно безъ воздуха?

Всѣ молча подчиняются. Такъ сладко подчиняться кому-нибудь въ такія жуткія минуты! Въ кого-нибудь вѣрить...

— Не уходи, Николенька... Я такъ страдаю!—звучитъ жалобный высокій голосокъ.

Лика видитъ, какъ онъ беретъ въ свои маленькія руки это блѣдное личико и нѣжно приникаетъ губами къ рѣсницамъ Кати... Лика знаетъ, что слѣдовало бы опустить глаза... Но что-то сильнѣе ея воли побуждаетъ ее зорко глядѣть въ его усталое лицо, ловить въ немъ каждое измѣненіе.

„Вотъ онъ какой!.. Сидитъ на краю постели... поитъ ее съ ложечки... гладитъ по волосамъ... Какая идиллія!.. У меня все было иначе... Федора прогнала... Дверь у него подъ носомъ заперла Анна... Она же и принимала... Сама я до послѣдней минуты на ногахъ была... По комнатѣ бѣгала, корчась отъ боли и кусая руки, чтобъ не кричать... чтобъ этотъ дуракъ тамъ не ревѣлъ и не убивался... какъ будто онъ въ чемъ-то виноватъ!.. А Федоръ все-таки ломился въ дверь и причиталъ, какъ баба... Его впустили, когда уже дѣвочку обмыли, а меня привели въ порядокъ...

Катя вдругъ отталкиваетъ руку мужа. Все блюдце расплескалось. Она закидываетъ голову назадъ, выгибается всѣмъ тѣломъ.

— Ахъ, больно!.. Опять больно... Спина... Спина... Точно ножами рѣжутъ... Что же это такое? За что такія мученья?..

Недоброе чувство, съ какимъ Лика глядѣла на смуглое маленькое личико, исчезаетъ мгновенно. Она встаетъ, спокойная и серьезная.

— Не надо, не надо такъ запрокидывать голову!.. Это вредно... Гдѣ болитъ? Поясница?.. Я сдѣлаю массажъ... Сейчасъ станетъ легче... Позвольте,—говоритъ она Нелидову, мгновенно смягчая тонъ, и подходитъ къ изголовью Кати.—Вы можете уйти пока...

— Нѣтъ... нѣтъ!—кричитъ Катя.—При немъ мнѣ легче!

— Въ такомъ случаѣ сядьте туда, къ окну!—говоритъ Лика.

И Нелидовъ повинуется.

Сколько часовъ прошло въ этомъ мучительномъ ожиданіи?.. Вся ночь... вся ночь.

Вонъ уже сѣрѣетъ предразсвѣтное небо... Коровы мычатъ, просясь въ поле... Поютъ пѣтухи на дворѣ...

Нелидовъ стоитъ у окна въ гостиной, тупо глядя на крышу кухни, на свѣтлѣющее съ каждой минутой небо, на просыпающуюся жизнь деревни... Все, какъ было вчера.. Ничего не измѣнилось... Вонъ Параска, гремя подойникомъ, бѣжитъ на скотный дворъ... Рабочіе, зѣвая и крестясь, выходятъ на крыльцо. Лошадь, запряженная въ шарабанъ, тихо ржетъ, напоминая о себѣ, какъ бы упрекая, за то что о ней забыли...

Привезли Климова часъ назадъ. На этомъ настоялъ Нелидовъ. Онъ не могъ повѣрить Ликѣ, твердившей, что все благополучно, и что незачѣмъ зря будить людей.

„Но вѣдь вы слышите, какъ она кричитъ? Развѣ можно такъ кричать, не страдая?“—спрашивалъ Нелидовъ.

„Ахъ, возмутительная бабенка!“ думала Лика, кривя губы.

„Ну, что съ вами будешь дѣлать? Посылайте за Климовымъ!“—сказала она.

Докторъ тоже успокоивалъ и твердилъ, что бояться нечего...

Но эти крики... Эти страшные крики... Нѣтъ! Онъ не могъ сидѣть тамъ... Сколько разъ онъ убѣгалъ въ паркъ!.. И все-таки крики звенѣли въ его ушахъ. И страхъ гналъ его назадъ, въ домъ... Неужели еще не конецъ?.. Какой-нибудь конецъ!.. Только бы скорѣе...

А она все кричитъ... кричитъ... на одной нотѣ, такъ страшно, такъ дико... „А... а... а... а... а...“

На дворѣ голоса зазвучали явственно и бодро. Заскрипѣли возы... „Тише... тише!..“ хочетъ онъ крикнуть, распахнувъ окно. Но сдерживается. Ахъ, все пойдетъ по-старому!.. Даже если сломится его собственная жизнь въ корнѣ, если рухнутъ всѣ его мечты... И она умретъ, его маленькая Кици...

А она все кричитъ на одной нотѣ: „А... а... а... а... а...“

И опять, какъ годъ назадъ, въ Сѣверномъ морѣ, во время бури, онъ чувствуетъ себя такимъ ничтожнымъ и маленькимъ... Онъ видитъ лицо грознаго Бога въ этомъ розовомъ разсвѣтѣ. „Пощади... пощади...“ шепчутъ его запекшіяся губы.

А крики все тянутся, какъ одна нитка... красная нитка... Все выше и выше... „А... а... а... а... а...“

Онъ падаетъ въ кресло, разбитый, и прячетъ лицо въ рукахъ... Нѣтъ мыслей... нѣтъ словъ... Одинъ ужасъ передъ Неизбѣжнымъ...

. . . .

Все порозовѣло: стѣны построекъ, гнѣдая лошадь, густая трава на лужайкѣ, передъ домомъ... бѣлые цвѣты передъ крыльцомъ фасада, бѣлыя колонки террасы...

Вдругъ изъ-за крыши брызнули лучи и коснулись усталыхъ вѣкъ золотыми пальцами.

Нелидовъ поднимаетъ голову.

Неужели онъ заснулъ? Невѣроятно... Онъ вскакиваетъ. Онъ сразу вспомнилъ все... Почему такая тишина?.. Онъ напряженно слушаетъ... Порвалась красная нитка. Но все еще звенитъ въ ушахъ... Нѣтъ... нѣтъ!.. На этотъ разъ тихо...

Онъ смотритъ на дворъ. Все улыбнулось... Гуси хлопаютъ крыльями. Съ рѣзкими и призывными криками они идутъ по лужайкѣ, въ ворота, и маленькая Прися гонитъ ихъ хворостиной. Коровы, бѣгутъ, помахивая хвостами и спотыкаясь. Торопятся на пастбище.

Почему такъ тихо?.. А если?.. Ужасъ вдругъ расширяетъ зрачки и пресѣкаетъ дыханіе.

Дверь тихонько отворяется. Вся краска сбѣгаетъ съ его щекъ. Молча, почти не дыша, глядитъ онъ на Лику. Она блѣдна, но улыбается.

— Поздравляю васъ,—говоритъ она. И протягиваетъ вымытыя руки.—Поздравляю васъ съ сыномъ!..

Это такъ неожиданно послѣ ужаса, пережитаго сейчасъ, это такъ ослѣпительно прекрасно, что онъ падаетъ на стулъ.

— Живъ? И она тоже? Она жива?..

— Ну, конечно... Я же говорила, что все идетъ прекрасно...

— Милая... милая Ли...дія...

Онъ хватаетъ ея руки и цѣлуетъ ихъ. И она видитъ его слезы. Его измученное, жалкое и счастливое лицо...

Вся затихшая стоитъ она передъ нимъ.

Его слезы... Его слабость... Кто ихъ видѣлъ? Она... она одна.

Могутъ ли вновь стать чужими люди, пережившіе вмѣстѣ такія минуты?

Онъ ушелъ.

Она подходитъ къ окну, распахиваетъ его и, прислонясь къ косяку, жадно пьетъ утреннюю свѣжесть...

Она устала... Она смертельно устала... Но это вздоръ!.. Случилось что-то важное... Какая-то новая красота вошла въ ея жизнь...

Положимъ теперь, когда у нея есть дочка, есть любовь Федора, эта жизнь уже не такъ безнадежно тускла... Она даже полна. И скучать некогда... Но... все-таки... слишкомъ все въ ней реально... И нѣтъ мѣста Мечтѣ...

Ей вспоминается вечеръ, когда она впервые почувствовала эту жажду Мечты...

Маня плясала... Зноемъ вѣяло отъ этой пляски... Чѣмъ-то дикимъ и стихiйнымъ казались эти движенiя, эти жесты... Потомъ... въ нихъ почувствовалась какая-то тайна... Дразнящая, зовущая тайна... Почувствовалась незнакомая Красота...

И это новое закралось въ душу. И жгло ее, и терзало... и туманило разсудокъ, пока не кинуло въ объятiя перваго, кто заговорилъ о любви...

А она сама? Любила она или нѣтъ? Нашла ли она въ этой связи съ Федоромъ Филиппычемъ разгадку тайны, глядѣвшей изъ лица этой странной Мани, этой дикарки, которую холодная, гордая Лика отказывалась понять?

Боже, когда вспомнишь объ этой ночи, сердце и сейчасъ стучать начинаетъ!.. Сколько было въ ней значенiя!.. Какъ вихрь ворвался въ ихъ души этотъ образъ безумно кружившейся дѣвушки съ ея порывистыми жестами, съ ея зовущими глазами, съ ея таинственной улыбкой... Похоже на то, когда весенняя буря промчится надъ замерзшей рѣкой... Вчера все было мертво. И крѣпка была ледяная стѣна. И вдругъ льдины тронулись. И ступить страшно на ледъ... Не выдержитъ... А тотъ берегъ вдали, куда вчера еще ты такъ бодро шелъ по зеркальной равнинѣ, вдругъ сталъ недоступнымъ. Сталъ чужимъ.

Она садится тихонько въ кресло, на которомъ сидѣлъ Нелидовъ. Ее клонитъ въ сонъ. Она закрываетъ глаза. И улыбается...

„Ну, чему же тутъ радоваться?.. Родился мальчишка. Мало ли ихъ на свѣтѣ?.. А этотъ будетъ барченокъ... Сокровище, вродѣ папаши... Выраститъ... такимъ же черносотенцемъ станетъ... И если-бъ умеръ, или не родился совсѣмъ, мiръ отъ этого ничего не потерялъ бы...“

„Кто это говоритъ?“

Она открываетъ глаза. Слышны голоса Климова и Нелидова за дверью. Возбужденные голоса. Чему-то смѣются... Бубенчики звенятъ на дворѣ. Это ей закладываютъ лошадь... Ахъ... вздремнуть бы тутъ!.. Въ два часа она вернется сюда купать маленькаго... А тамъ... дома Лиза пищитъ... кормить пора... И мужики, небось, съѣзжаются въ амбулаторію, на пріемъ...

„Какъ хорошо смѣется!.. Кто это смѣется?.. Опять *онъ*?..“

Не хочется открывать глазъ... И нынче и завтра... И долго еще она будетъ видѣть его глаза... эти робкіе новые глаза, эти покорныя движенія... „Мнѣ покорныя?..“

Она улыбается, засыпая въ креслѣ.

Нелидовъ съ Климовымъ выходятъ въ залу.

— Тсс!..

Хозяинъ показываетъ доктору на худенькую фигурку у окна. И они крадутся мимо на цыпочкахъ, дѣлая неловкіе и смѣшные жесты... Ахъ, какъ скрипятъ эти старыя половицы!.. И какъ громко ржетъ лошадь на дворѣ...

III.

Солнце, уже заливающее горячими лучами поля и сады Малороссіи, еще только выплываетъ изъ-за мглистой дымки, повисшей надъ горизонтами Парижа.

Но Маня уже проснулась и глядитъ, улыбаясь, въ окно... Она такъ любитъ солнце, что никогда не задергиваетъ на ночь шторъ. Иногда на разсвѣтѣ, проснувшись, она ждетъ какъ друга перваго алаго луча.

Она смотритъ на стѣну... Сейчасъ свѣтлые обои станутъ розовыми, и загорится пятно на нихъ... Иногда она вскакиваетъ, бѣжитъ къ стѣнѣ и цѣлуетъ алое пятно, точно чьи-то свѣжія уста. И только тогда, радостно улыбаясь, она ложится и засыпаетъ опять...

„Дебютъ...“ вдругъ словно крикнулъ кто-то ей надъ ухомъ. И тревожно екнуло сердце... Она поднялась и свѣсила ноги. Безъ улыбки глядитъ она на розовую стѣну... Ахъ, какъ задрожали и забѣгали алые зайчики!..

„Не думать объ этомъ!.. Утро мое!.. День мой!..“ Она трях-

нула головкой, и локоны упали ей на лобъ. „Сейчасъ поѣду въ лѣсъ... Буду бродить по аллеямъ... Одна...“

Нина?.. Сердце опять точно падаетъ... А что если Нина больна? Тогда все пропало.

Маня бѣжитъ въ дѣтскую.

— Такъ и знала!—смѣется фрау Кеслеръ. Она только что вернулась съ рынка и подвязываетъ фартукъ.—Сама до смерти боялась, чтобы Нина не захворала... Ночью вставала на нее смотрѣть... А ты здорова?.. Почему ты такъ блѣдна? Сейчасъ сварю тебѣ кофе...

Не отвѣчая, Маня опускается на колѣни передъ дремлющей Ниночкой. Она смотритъ на нее, какъ католикъ глядитъ на Мадонну. Щечки алѣютъ. Маленькія губки чуть улыбаются. Локоны разсыпались по подушкѣ... Нина привыкла вставать на разсвѣтѣ, а въ это время засыпаетъ опять.

„Спи, крошка!.. Спи, ангелъ!“ говорятъ горячіе, огромные глаза Мани. „Вся жизнь въ тебѣ... И все, что я нынче дѣлаю, вопреки убѣжденію, вопреки отвращенію, я это дѣлаю для тебя... Чтобъ ты гордилась мной, ты, отверженное дитя... чтобъ не посмѣла коснуться тебя клевета... У артистки нѣтъ *прошлаго.* Артистка смѣетъ быть матерью. Благослови меня, дитя мое, на мой трудный путь!..“

Какъ хорошо въ лѣсу утромъ!.. Парижъ встаетъ рано. И по всѣмъ направленіямъ ѣдутъ амазонки, ландо и автомобили. Но Маня знаетъ уединенныя аллеи, гдѣ не передъ кѣмъ позировать и красоваться тѣмъ, кто въ эти часы назначаетъ свиданія въ лѣсу, кто ищетъ флирта и приключеній.

Сидя на скамейкѣ, въ тѣни каштановъ, Маня говоритъ себѣ:

„Нынче я никто... А завтра обо мнѣ будетъ говорить Парижъ... Что говорить?.. Не знаю... Боюсь ли я?.. Конечно... А если успѣхъ?.. Маркъ пошлетъ газеты Сонѣ... Та напишетъ матери въ Лысогоры... Какъ далеко! Точно на томъ свѣтѣ... Дядюшка запряжетъ лошадь и поѣдетъ въ Дубки... И за чайнымъ столомъ прочтетъ предъ Нелидовымъ и его женою о моемъ дебютѣ...“

Она смотритъ на двухъ бабочекъ, порхающихъ передъ нею, готовыхъ слиться въ жаждѣ наслажденія.

„Что скажетъ Нелидовъ?.. Презрительно сощурится и подумаетъ: „Она должна была кончить такъ“... Быть плясуньей въ его глазахъ—паденье. Такихъ если и любятъ, то мелькомъ.. Но на такихъ не женятся... Мой успѣхъ его не ослѣпитъ...“

Она чертитъ какія-то буквы на пескѣ.

„Вотъ я сижу здѣсь, одинокая и еще неизвѣстная. А завтра встану знаменитостью... Калифъ на часъ. А если провалъ? Нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно!.. Я должна побѣдить.. Завтра всѣ газеты будутъ говорить обо мнѣ Во всѣхъ витринахъ появятся мои портреты. И меня черезъ недѣлю будутъ узнавать на улицахъ... Пріятно?“

Она склоняетъ на лѣвый бокъ голову, какъ птичка. И старательно выводитъ концомъ зонтика буквы на пескѣ.

„Да... это должно быть пріятно... Въ этомъ есть опьянѣніе...“

Кто-то идетъ вдали. Она встаетъ и смотритъ на песокъ. Тамъ зонтикъ ея вырѣзалъ:

Николенька.

— Глупости!—громко смѣется она.—Это все такъ далеко... такъ блѣдно...

Когда она подходитъ къ фіакру, извозчикъ медленно складываетъ Matin и прячетъ газету въ карманъ.

Маня ѣдетъ обратно. У нея въ душѣ четко отпечатлѣлось: „Завтра начнется новая жизнь...“

Вдругъ извозчикъ оборачивается съ козелъ и фамильярно говоритъ, указывая кнутомъ на огромный хвостъ толпы, стоящей передъ знакомымъ зданіемъ.

— Hein?.. Сколько ихъ!.. И всѣ пришли смотрѣть на вашу соотечественницу... Vous êtes russe, madame?

— Да... Почему вы знаете?

— Мы русскихъ узнаемъ съ перваго взгляда. Здѣсь завтра пляшетъ русская. Ея имя Marion... Видите афиши? Говорятъ, она красавица. Дирекція театра наживетъ большія деньги...

Маня съ ужасомъ смотритъ на этихъ людей, на этотъ театръ... Сжавшись, сразу ставъ маленькой и откинувшись въ уголокъ ландо, она говоритъ сквозь зубы:

— Allez plus vite...

Слава Богу! Ее еще никто не знаетъ...

„Не думать... Не думать... День мой... Цѣлый день впереди... Ниночка встала... Возьму ее... Поѣдемъ въ Тюльерійскій садъ... Вѣдь я буду богатой завтра... богатой. Расплачусь съ долгами... Ни въ чемъ не буду себѣ отказывать... Ниночку наряжу какъ принцессу... Надо сейчасъ взять у Агаты денегъ и купить ей куклу. Я видѣла такую красивую въ Палероялѣ... Какъ давно мечтала я ее купить!.. Наконецъ!.. Наконецъ!..“

Радостная, запыхавшаяся, она подходитъ къ дому.

Нина бѣгаетъ по садику. Маня прячется за кустъ сирени и кричитъ оттуда: „Ау!..“

Ниночка узнала ея голосъ и остановилась... Что за странность! Голосъ есть, а *му* нѣтъ... Она озирается... Губки ея полуоткрыты. Лопаточка упала на песокъ.

— Ау!—повторяетъ Маня. У самой сердце такъ и бьется.

— Му-у...—срывается у Ниночки протяжный возгласъ удовлетворенія. И она широко улыбается. Она разглядѣла силуэтъ за кустомъ сирени.

Маня съ крикомъ кидается къ дѣвочкѣ. Падаетъ на колѣни передъ нею. И цѣлуетъ-цѣлуетъ ея личико. И хохочетъ... хохочетъ...

И только когда день погасъ, Маня задрожала передъ Неизвѣстностью.

На шоссе запѣлъ автомобиль.

„Маркъ ѣдетъ... За мною?.. Развѣ пора?..“

Она растерянно хватается за вещи, забывая, что взять, что оставить...

— Уложила... Все уложила!—говоритъ фрау Кеслеръ.—Вотъ картонъ... Вотъ сумка... Ахъ, Маркъ Александровичъ, здравствуйте! Возьмите вы эту сумку. Она ее забудетъ...

Господи... Что за несчастное личико!.. Онъ цѣлуетъ Маню.

— Маркъ?.. Неужели пора?..

— Да, Маня... Опоздать нельзя...

— А если-бъ я заболѣла, Маркъ?..

— Но вѣдь ты здорова...

— А если-бъ Нина заболѣла, то и тогда я должна...

— И тогда,—холодно перебиваетъ Штейнбахъ.

— Тьфу!.. Тьфу!.. Глупая... Чего накликаешь бѣду?.. Возьми себя въ руки...

Легко сказать! Когда душа сжалась въ комочекъ...

Она сидитъ одѣтая въ своей уборной, завернувшись въ мѣховое одѣяло. Несмотря на лѣтній вечеръ, ее знобитъ въ ея легкой туникѣ.

Маркъ и Иза стучались. Она ихъ не пустила. Она чувствуетъ странную пустоту въ душѣ... Вспоминаются какіе-то пустяки, и порою она совершенно забываетъ, гдѣ она, что будетъ сейчасъ... И это такъ отрадно! Холодная радость безразличія...

— Выпей шампанскаго,—кричитъ ей Иза, стуча въ перегородку.—Это помогаетъ...

— Уйди!—сквозь зубы говоритъ Маня.

Что это за шумъ?.. Ахъ, это кончилась пьеса... Сейчасъ выходить...

Зубы ея начинаютъ стучать.

— Mademoiselle?—раздается за дверью голосъ директора.— Антрактъ пятнадцать минутъ... Вы готовы?

Она открываетъ дверь. Иза врывается и падаетъ на стулъ. Смуглое лицо ея кажется зеленоватымъ отъ блѣдности.

Входитъ Маркъ. Вносятъ шампанское. Иза пьетъ. Маня отказывается... Лицо у нея несчастное, и Штейнбахъ самъ начинаетъ дрожать.

— Маня, ты напрасно не читаешь газетъ... Выслушай сейчасъ только одинъ отзывъ о вчерашней репетиціи... Клянусь тебѣ, что здѣсь нѣтъ ни слова фальши!.. Это пишетъ почтенный критикъ S***...

— Онъ знакомъ съ тобой?

— Фи, Маня!.. Какое недовѣріе!.. Я не видалъ его... Вотъ что онъ говоритъ о твоей пляскѣ и... о твоихъ капризахъ вчера...

Онъ читаетъ. Иза слушаетъ, какъ новое, изъ чужихъ устъ то, что выучила утромъ слово въ слово... Маня не слышитъ

ничего. Тоска стиснула сердце... Метнуться хочется... Закричать въ голосъ... „Въ клѣтку попала, въ клѣтку“, говоритъ она себѣ... „Гдѣ моя свобода? Должна идти... Должна плясать съ этимъ отвращеніемъ и холодомъ въ душѣ...“

— На сцену!—раздается голосъ.

Маня встаетъ съ расширенными глазами, и мѣховое одѣяло беззвучно ложится у ея обнаженныхъ ногъ. Она не слышитъ ободряющаго лепета Изы. Не чувствуетъ горячаго поцѣлуя Марка на своихъ рукахъ.

— Courage, mademoiselle!—говоритъ ей директоръ. А у самого глаза вытаращены, и губы трясутся.

Вчера еще, послѣ репетиціи, чтобъ избѣжать страшныхъ минутъ, пережитыхъ ею, Маня сговорилась съ капельмейстеромъ измѣнить программу и, вмѣсто *Пляски вакханки*, первымъ № изобразить Conte de mon âme (Сказка моей души), то, что сложилось въ ея фантазіи въ памятный вечеръ, полгода назадъ. Это будетъ легче всего... Она такъ много думала, съ такой любовью работала надъ этими символами! То, что Иза видѣла тогда, было одной схемой. Ахъ, милый этотъ капельмейстеръ! Настоящій артистъ... Маркъ, посвященный въ этотъ заговоръ, нашелъ необходимымъ на свой счетъ отпечатать новыя афиши, которыя привратница безплатно раздаетъ публикѣ при входѣ.

Маня идетъ мимо кулисъ. Толпа рабочихъ въ синихъ блузахъ разступается передъ нею.

— Elle est belle,—говоритъ кто-то.

Странно! Она это слышитъ и останавливается... И улыбка вдругъ загорается въ ея лицѣ. Улыбка, нѣжная и радостная, какъ будто она увидала цвѣты... Глаза ея падаютъ на молодого черноволосаго рабочаго. Потемнѣвшимъ отъ восторга взглядомъ смотритъ онъ въ ея зрачки. И губы его жадно открылись.

Тоска и страхъ падаютъ съ души, какъ вериги. Она смѣется.

— Дайте мнѣ руки на счастье!—говоритъ она рабочимъ. И протягиваетъ имъ свою. Они смущенно жмутъ ея пальцы.

— Mademoiselle... Сейчасъ поднимаютъ занавѣсъ,—говоритъ директоръ, оглядываясь.

— А вы меня увидите?—спрашиваетъ Маня черноволосаго рабочаго.

— Нѣтъ, madame...

— Почему?

— Мы не буржуа... Для насъ нѣтъ мѣста въ театрѣ.

Нетерпѣливые хлопки и стукъ несутся изъ зрительнаго зала. Директоръ сердито оглядывается на рабочихъ и машетъ рукой помощнику.

— Давать занавѣсъ?—кричитъ тотъ.

Маня оборачивается къ директору, надменная, полная самообладанія.

— Я хочу, чтобъ эти люди меня видѣли! — говоритъ она рѣзко и твердо.

Полнокровное лицо директора заливается краской. „Опять выдумки и капризы...“

— Вы смѣетесь надо мной? Гдѣ же у меня мѣста?—въ повышенномъ тонѣ спрашиваетъ онъ, сцѣпивъ руки. Онъ приподнимаетъ плечи, и въ нихъ тонетъ его короткая шея.

— Если они меня не увидятъ, я отказываюсь выйти...

И по опыту вчерашней репетиціи директоръ чувствуетъ, что эта сумасшедшая способна на все. Надо уступать.

— Allez!.. Là!.. — свирѣпо выкатывая бѣлки, бросаетъ онъ рабочимъ. И показываетъ куда-то влѣво, внизъ толстымъ пальцемъ театрально вытянутой руки.

Съ радостнымъ смѣхомъ рабочіе бѣгутъ, толкаясь... Исчезаютъ...

„Я буду думать о нихъ... Для нихъ буду плясать“, говоритъ себѣ Маня, улыбаясь.

— Вы готовы, mademoiselle?—нетерпѣливо спрашиваетъ помощникъ. — Нельзя больше ждать... Вы слышите публику?.. Я даю занавѣсъ...

Она молча наклоняетъ голову. И слышитъ глухой шуршащій звукъ...

Изъ залы пахнуло на сцену тепломъ. Словно огромный звѣрь вздохнулъ.

Сердце ея начинаетъ стучать сильно, медленно и тяжко...

„Вздоръ... вздоръ!.. Презирай людей... Что могутъ они?.. Ты можешь все... Заставить ихъ плакать, восторгаться, аплодировать... Все въ твоей власти“... Но непокорное сердце стучитъ все громче. И все тѣло начинаетъ дрожать...

Музыка слышится въ оркестрѣ. Она опять-таки условилась

наканунѣ съ капельмейстеромъ, что, стоя за кулисами, она выслушаетъ весь *Полетъ Валькирій*, прежде чѣмъ показаться...

Но она выходитъ неожиданно. Она не крадется вдоль стѣны, какъ Дунканъ, съ ея слащавой, неестественной, какъ бы молящей улыбкой... Она ни о чемъ не хочетъ молить... „Звѣрь хищный и загадочный, я тебя не боюсь!..“ говоритъ въ ея душѣ какой-то голосъ.

Она останавливается въ глубинѣ сцены и, сдвинувъ брови, опустивъ руки, закинувъ голову, глядитъ вверхъ... Выше этихъ черныхъ головъ, наполняющихъ галлереи. На фрески потолка.

Бинокли засверкали. Жадные взоры горятъ. Звѣрь притаился, готовясь къ скачку. Сейчасъ начнется поединокъ. Трагическій поединокъ таланта съ толпой. И Маня чувствуетъ въ залѣ эту глухую угрозу Парижа. Эту враждебность публики къ артисту, къ тому же чужому...

Реклама сдѣлала свое. Театръ переполненъ. И за тройныя цѣны парижанинъ хочетъ получить удовольствіе сполна. Ему обѣщали красавицу. Но ужъ это ложь... Даже подъ гримомъ красоты особой нѣтъ. Да развѣ удивишь парижанъ красотой, когда они знали Cléo de Mérode и la belle Otero? И публика уже насторожилась, несогласная простить хотя бы одинъ промахъ...

А Маня смотритъ на фрески и вспоминаетъ Венецію... Старый дворецъ. Лицо Лоренцо... Рыжую женщину... Свои страданія... Свою любовь... Вспоминаетъ ту лунную ночь, когда душа ея разбилась въ дребезги. И, поднявъ руки къ небу, она молила послать ей грезу невозможнаго. Подарить ей сны вмѣсто жизни...

Вотъ онѣ... вотъ... Затрепетали крылья, разсѣкая воздухъ... Крылья безсмертныхъ Валькирій.

И вдругъ, раскрывъ широко объятія, Маня улыбнулась имъ. И понеслась сама рядомъ съ ними, вся порывъ, вся жизнь...

Какая жуткая отрада—летѣть все выше и выше!.. Не знать слезъ и страданій. Дарить любовь по выбору. Не прощать оскорбленій... какъ вы, валькиріи, гордыя дѣвы!.. И мчаться вмѣстѣ съ вами, свободной и одинокой, въ безбрежномъ пространствѣ. Вотъ такъ... вотъ такъ... Чтобъ вѣтеръ бѣшено цѣловалъ лицо и развѣвалъ волосы и билъ концами ихъ по груди... Вотъ такъ... вотъ такъ... Чтобъ звѣзды кивали намъ съ высоты... Чтобъ серебряный туманъ надъ болотомъ цѣплялся за ноги и крылья...

И таялъ... И падалъ... Чтобъ испуганно шарахались въ сторону нетопыри, и совы летѣли вдаль, жалобно ухая... А мы будемъ летѣть надъ лѣсомъ, кружась въ хороводѣ... Вотъ такъ... вотъ такъ... Въ бѣшеномъ, вакхическомъ хороводѣ... Всю ночь... всю ночь... Поблѣднѣетъ небо, улыбнется заря... Золотыя стрѣлы коснутся волосъ... Утренній вѣтерокъ поцѣлуетъ горячія щеки... И усталыя, и счастливыя, утолившія жажду движенія, мы опустимся на вершины горъ. И будемъ смотрѣть внизъ, въ долину, на маленькихъ, жалкихъ людей... Вотъ такъ... вотъ такъ..."

Все ниже и ниже спускаются легкія, трепетныя ноты.

И Маня падаетъ, какъ подстрѣленная птица, лицомъ къ публикѣ, неожиданно и легко, какъ будто сложивъ внезапно крылья... И, сдвинувъ брови и опершись на локти, она глазами сфинкса, огромными и таинственными, смотритъ въ лицо толпѣ.

Пораженная неожиданностью публика партерра экспансивно поднялась съ своихъ мѣстъ: одни чтобъ дать волю чувству, другіе, чтобъ видѣть лицо Мани. И весь залъ дрогнулъ отъ криковъ и рукоплесканій.

Что-то странное происходитъ въ театрѣ. *Bis*! *Bis*!—кричатъ изъ партерра. Сверху... Изъ ложъ... Тысячеголосое *Bravo* оглушительно перекатывается подъ сводами...

А она лежитъ недвижно, въ позѣ сфинкса, выставивъ впередъ грудь, опираясь локтями объ полъ и положивъ въ ладони подбородокъ. И сдвинувъ брови, вся трагическая и загадочная, ни на кого непохожая, глядитъ, не мигая, на побѣжденнаго звѣря... И только тонкія ноздри ея вздрагиваютъ, да искрятся зрачки.

Это полный тріумфъ. Она это чувствуетъ. И слушаетъ... И слушаетъ, опьяненная. Не смѣя вѣрить себѣ.

— *Bis*!.. *Bis*!—реветъ толпа.

Что это за странные знаки дѣлаетъ ей капельмейстеръ?.. Она вдругъ увидала мельканіе его палочки по воздуху... Услыхала сухой стукъ по пюпитру... Капельмейстеръ что-то кричитъ. Ничего не слышно за ревомъ толпы...

Она приподнимается сильными, спокойными движеніями, Опять просто, какъ дома, подходитъ къ рампѣ и наклоняется.

— Bis... Bis...

— Voulez-vous répéter? —не столько разслыхала, сколько уловила она по движенію его губъ.

— Non!—энергично отвѣчаетъ она.

И капельмейстеру ясно, что настаивать безполезно.

Высунувшись изъ ложи бенуара, Иза дѣлаетъ ей отчаянные жесты. Маня видитъ за нею блѣдное лицо Марка, сіяющіе глаза Глинской. Видитъ милое личико Жени Липенко.

— Она безумная... Почему она не биссируетъ?

И, приставивъ руки къ губамъ, Иза кричитъ: *bis*!

— Нѣтъ!—отвѣчаетъ жестъ Мани.

Она улыбается и идетъ за кулисы.

„Они поймутъ и замолчатъ...“

Но странное дѣло!.. Это тоже оставляетъ глубокое, неожиданное впечатлѣніе. Какая-то сила чувствуется за этимъ гордымъ пренебреженіемъ... „Une vraie artiste...“ Эта фраза изъ рецензіи знаменитаго критика, которую парижане прочли за утреннимъ кофе нынче, припоминается невольно и бѣжитъ изъ устъ въ уста... Всѣ безсознательно ищутъ знакомую фигуру толстаго журналиста съ лысиной и сѣдѣющей бородой. Вонъ онъ въ партерѣ... Онъ все апплодируетъ, упорно глядя на сцену.

Маня не выходитъ на вызовы.

Иза вскакиваетъ. Садится опять. Что-то возбужденно говоритъ Штейнбаху... „Развѣ можно такъ третировать публику?.. Бережетъ настроеніе?.. Ахъ, что вы мнѣ говорите о настроеніи?.. Апплодисменты создаютъ самое дивное... Она дерзка до невозможности, эта дѣвчонка... По-моему, она просто ненормальна...“

Капельмейстеръ первый догадывается, что надо играть дальше. Мрачные аккорды Грига *Смерть Азы* врываются въ шумъ. И понемногу побѣждаютъ его.

Глубокая, напряженная тишина внезапно наступила въ залѣ. Ни кашля, ни скрипа стульевъ, ни шопота. Словно нѣтъ людей... Одна Смерть идетъ. Изъ далекой тьмы Безпредѣльности идетъ она въ міръ. И тяжко звучатъ ея шаги. Отрывисто и судорожно падаютъ аккорды. Каждый изъ нихъ это шагъ. Каждый изъ нихъ какъ бы обрываетъ нити жизни.

Маня выходитъ опять. Жуткая, какъ бы скованная вся. Съ трагическимъ лицомъ. На ней туника цвѣта геліотропъ. Цвѣта скорби. Вытянувъ шею, она прислушивается... Кто зоветъ ее? Кто идетъ сюда?.. Ужасъ глядитъ изъ ея остановившихся глазъ.

Все ближе и громче звучатъ шаги... Жестомъ, полнымъ отчаянія, она закидываетъ руки надъ головой... Она поняла...

А звуки зовутъ...

И Маня идетъ навстрѣчу. Идетъ такъ же медленно и порывисто. То стремясь впередъ, то замирая... Точно мучительно отрываясь съ каждымъ шагомъ отъ земли... Смерть позвала. Надо идти. Ни борьбы... Ни слезъ... Все безполезно...

Вдругъ звуки поднялись побѣдно и властно. Широкими волнами разлились они. И потонули въ нихъ земные голоса.

Маня остановилась... „Я здѣсь!" говоритъ ея лицо. „Дай руку!.. И будемъ вмѣстѣ спускаться внизъ. Въ царство безмолвія. Въ край безнадежности..."

Аккорды слабѣютъ. Звучатъ глуше... Они уходятъ...

Съ лицомъ, полнымъ покорности, Маня медленно отступаетъ въ глубь сцены. Отступаетъ съ каждымъ аккордомъ. Словно уходитъ изъ жизни. Руки почти не дѣлаютъ жестовъ. Ни страха, ни тоски въ раскрытыхъ глазахъ... Пусть живутъ другіе... Пусть любятъ и вѣрятъ! И борются, и тянутся къ солнцу!.. Пусть идутъ въ гору и покоряютъ тебя, прекрасная Жизнь! Мы, побѣжденные, мы, обреченные, уходимъ туда, гдѣ нѣтъ позора, гдѣ нѣтъ паденья... гдѣ всѣ вопросы рѣшены...

Все ниже и ниже, словно по ступенькамъ, спускаются зловѣщіе звуки. Все глуше и глуше звучатъ они...

Вдругъ Маня останавливается, вся поникнувъ... Безсильно замерли распавшіяся руки. Голова покорно склонилась на плечо.

Все кончено... Другъ обманувшихся. Прибѣжище покинутыхъ. Сонъ замученныхъ. Ты не измѣнишь. . . . .

. . . .

IV.

Изъ письма Штейнбаха къ Сонѣ.

„...Вы не повѣрите, какое впечатлѣніе произвела она, изобра- „жая собственную драму, пережитую ею когда-то, эти сумерки „души, ужасъ надвигавшейся смерти... Гдѣ взяла она эти „жесты? Эту потрясающую мимику?.. „Она Дузе балета", пи-

„шетъ о ней знаменитый критикъ, рецензію котораго я вамъ „высылаю. И здѣсь нѣтъ преувеличенія... На афишѣ стояли „три блѣдныя слова: *Разочарованіе*, *Отчаяніе*, *Смерть*... Но по „этой канвѣ какіе жуткіе узоры набросала ея фантазія!.. Я полтора года не видѣлъ этой трилогіи. И глядѣлъ пораженный. „Прежде, изображая встрѣчу дѣвушки со смертью, Маня боролась, словно цѣплялась за жизнь. Ея руки молили. Эти говорящія, прекрасныя руки словно отталкивали страшный призракъ... Теперь она шла на зовъ трагически-безстрастная, какъ „древніе герои, сознавшіе, что съ рокомъ бороться напрасно. „И это новое толкованіе поразило меня. Почему?.. спросите вы... „Не знаю, Соня... Не знаю... Но мнѣ было жутко. И въ ту минуту я даже не замѣтилъ ея тріумфа.

„А успѣхъ былъ большой. Мы, сѣверяне, даже не представляемъ себѣ, какъ можетъ увлекаться эта экспансивная южная „толпа! Она воспламеняется внезапно отъ вдохновеннаго жеста, „отъ пластичной позы. Она кричитъ, смѣется или плачетъ, непосредственная какъ женщина, какъ дитя... Послѣ *Réveil* я „видѣлъ, какъ эта толпа хлынула къ рампѣ, бурная, какъ вода, „сорвавшая плотину. Я видѣлъ эти лица, эти глаза... Счастливые люди! Какъ они умѣютъ наслаждаться!

„Иза тоже счастливица. Она словно голову потеряла отъ „этой оваціи. На глазахъ всѣхъ она обнимала меня и хохотала. „А въ глазахъ у нея стояли слезы.

„Но вотъ еще одна удивительная черта, свойственная парижанамъ. Когда послѣ *Mort* (Смерть Азы) театръ дрогнулъ отъ „рукоплесканій, Маня не шевельнулась... Она такъ и замерла „вдали, рѣзко выдѣляясь на фонѣ сукна. Вся поникнувъ, какъ „плачущіе ангелы надгробныхъ памятниковъ. Несравненный символъ *Молчанія*... Вы думаете, быть-можетъ, что Маня была опьянена и счастлива этимъ стихійнымъ взрывомъ восторга?.. Нѣтъ, „вы ее не знаете... Она навѣрно страдала въ ту минуту. Вѣдь „ее насильственно разбудили отъ прекраснаго сна. Вѣдь настроеніе ея нарушили... Она не двигалась. И публика это почувствовала. Что значитъ культурность расы! Апплодисменты угасли „какъ-то внезапно... И тогда подъ звуки увертюры изъ *Лоэнгрина*, знаете, когда звенятъ высоко-высоко скрипки, она исполнила послѣднюю часть своей неподражаемой трилогіи: *Réveil*.

„*Les rêves nouveaux. L'idéal*... Вы помните, Соня, это мѣсто? Звуки „скрипки звучатъ все выше... Словно летятъ къ небу... И въ „лицѣ Мани и въ ея жестахъ было столько экстаза, столько „стремленій... Казалось, вотъ-вотъ она отдѣлится отъ земли и „улетитъ сама...

„И знаете, какъ странно сочетается въ душѣ художника вдох- „новеніе съ самымъ тончайшимъ разсчетомъ и чувствомъ мѣры? „Я это понялъ только вчера... Когда полгода назадъ Маня въ пер- „вый разъ воспроизвела эту импровизацію въ моей комнатѣ, „сравнительно большой, я никогда не могъ себѣ представить, „что̀ можно создать изъ того же матеріала при другихъ усло- „віяхъ... Вы вѣдь видѣли Дунканъ? Сцена консерваторіи неве- „лика. И еще меньше становилась отъ сѣрой суконной стѣны, „замѣнявшей фонъ. Развернуться было трудно въ такомъ про- „странствѣ...

„Маня потребовала всю сцену, до глубины. И темный фонъ! „Сама она въ бѣлой туникѣ. И когда она въ первой части своей „трилогіи *Amour. Désir. Vie* (*Любовь, желаніе, жизнь*), какъ на- „стоящая валькирія мчалась въ бѣшеномъ полетѣ, воздушная „и грозная черезъ всю сцену, и затѣмъ кружилась по ней въ „какомъ-то вакхическомъ танцѣ, я понялъ, что такое *движеніе*... „Я понялъ, почему она требовала простора... На такомъ простран- „ствѣ, которымъ довольствовалась Дунканъ, Маня двадцать разъ „разбилась бы о кулисы... Это былъ вихрь... Это опьяняло. Сво- „дило съ ума...

„А потомъ въ сценѣ *Mort* (Смерть) тоже нуженъ былъ про- „сторъ, чтобъ символизировать однимъ только движеніемъ назадъ „въ глубину сцены, уходъ изъ жизни... Это была дѣйствительно „поэма, разсказанная жестами и мимикой. И, видѣвшіе ее разъ, „не забудутъ никогда... Я утверждаю, что выше этого Маня уже „не создастъ ничего... Она мистикъ, несмотря на всю жизнера- дость ея натуры. И тайна Смерти властно влечетъ ее къ себѣ.

„И въ *Ideal*, въ послѣдней части этой вдохновенной трило- „гіи, она, подвигаясь впередъ, какъ бы догоняя исчезающее „видѣніе, инстинктомъ художника разсчитала каждый шагъ... „Медленно изъ глубины сцены подвигаясь къ рампѣ, она „знала, когда, вмѣстѣ съ исчезающими высоко-высоко звуками „скрипки, сдѣлать свой послѣдній шагъ и поднять руки по-

„слѣднимъ жестомъ... Все казалось разсчитаннымъ. И все было „однимъ вдохновеніемъ.

„Какъ я вамъ уже писалъ, спектакль закончился оваціей.

„Что пережила Маня, сама исполняя эту трилогію, не знаю... „Но лицо ея поразило меня. Такое выраженіе я видѣлъ у нея „въ горахъ...

„И тутъ мнѣ показалось, что она опять стоитъ на горѣ... „И тяжко ей спуститься внизъ, куда зоветъ ее привѣтствующая „толпа... Такая странная и неподвижная стояла она среди аппло-„дисментовъ и общей суеты...

„Вдругъ на сцену вкатили цѣлую колесницу цвѣтовъ. Моихъ „цвѣтовъ... Ея глаза упали на нихъ, и она улыбнулась... Потомъ „засмѣялась радостно. И, смѣясь, поглядѣла въ лицо публикѣ, „словно мирилась съ нею. И, какъ знакомымъ, она кивала голо-„вой этимъ людямъ, чествовавшимъ ее... Потомъ она увидала „внизу гдѣ-то, въ люкѣ что ли, улыбавшіяся ей лица рабочихъ. „Она послала имъ поцѣлуй. Затѣмъ непринужденно, точно она „была дома, подбѣжала къ корзинѣ, сорвала лучшіе цвѣты и, „ловко размахнувшись, кинула ихъ въ люкъ, къ жадно тянув-„шимся рабочимъ рукамъ.

„Вся эта сцена описана въ газетахъ. Ходитъ легенда, что „она изъ простонародья, и что въ люкѣ прятались ея родные. „Парижане, какъ дѣти, подхватываютъ всѣ слухи. О ней только „и говорятъ... И всѣ почти осуждаютъ ее за то, что она не со-„гласилась биссировать... Помилуйте! Они заплатили тройныя „цѣны... Ее понялъ только критикъ *S.*, теперь ея поклонникъ, „который просилъ быть ей представленнымъ.

„Это письмо я пишу вамъ въ ея квартирѣ. Мы только-что „вернулись съ репетиціи. Въ костюмѣ испанской гитаны Маня „неподражаемо плясала, опять-таки по-своему разсказывая „драму цыганки, полюбившей цивилизованнаго человѣка. Эту „тему предложилъ ей одинъ французъ-драматургъ. Но она все „почти передѣлала. И вышло лучше... Она будетъ имѣть огром-„ный успѣхъ. Ея темпераментъ опьяняетъ...

„Сейчасъ мы захватимъ фрау Кеслеръ и Ниночку и поѣдемъ „ко мнѣ завтракать. Туда же пріѣдетъ Иза. А въ пять часовъ „явится директоръ театра. Маня подпишетъ контрактъ на три-„дцать спектаклей, по тысячѣ франковъ за выходъ. Ей вдвое

„больше предлагали весной, чтобъ она уѣхала въ турнэ по „Америкѣ на годъ. Но она не можетъ ѣхать безъ Ниночки, а „везти съ собой такую малютку боится. Завтра начну поиски „квартиры въ Парижѣ. Жить со мной подъ одной кровлей она „отказывается. Говоритъ, что вся поэзія исчезаетъ при совмѣст-„ной жизни... Я не спорю. Я покоряюсь.

„Сейчасъ пишу вамъ, а рядомъ звучитъ смѣхъ. И Ниночка „возбужденно-радостно вскрикиваетъ. Это Маня сидитъ на полу „и говоритъ чужимъ голосомъ: „Идетъ коза рогатая“... Ниночка „смотритъ и не вѣритъ, что эти пальчики на головѣ Мани— „страшные... Она и словъ русскихъ не понимаетъ. Но голоса „боится... „За малыми ребятами“, басомъ говоритъ Маня... И „вдругъ взрывъ смѣха. Смѣется мать, смѣется дитя. А фрау „Кеслеръ хохочетъ во все горло.

„Прощайте, Соня! Я счастливъ... Во всю долгую и безцвѣт-„ную жизнь я не имѣлъ такихъ минутъ.

„Знали вы или нѣтъ, дорогой другъ мой, что я намѣтилъ „себѣ эту цѣль давно, почти три года назадъ... Я везъ Маню „полумертвую, побѣжденную любовью; въ буквальномъ смыслѣ „слова потерявшую сознаніе отъ жестокаго удара, оглушив-„шаго ее. Я везъ ее въ Венецію, чтобъ создать ей новый міръ... „И часто я падалъ духомъ отъ сознанія, какъ тяжела моя „задача, и какъ слабы мои силы!.. Женщину, живущую чув-„ствомъ; дѣвушку, созданную для любви, нѣжную и мечтатель-„ную, ревнивую и страстную,—я рѣшилъ вырвать изъ-подъ ига „любви... Я бросилъ вызовъ этой грозной силѣ и поставилъ „передъ Маней величавый и вдохновенный образъ Мечты. Я „велъ ее эти два слишкомъ года на высокую башню, чтобъ она „забыла все, чѣмъ жила... чтобъ золотистыя дали раскрылись „передъ нею... И сколько разъ дрожали ступени подъ ея ногою! „Сколько разъ падала она въ слезахъ, страшась своего безсилія...

„Цѣль достигнута. Еще нѣсколько ступеней. И лица ея кос-„нется вѣтеръ, свободно вѣющій на вершинахъ.

„Она еще идетъ...

„Освободилась ли ея душа? Сможетъ ли она гордо взглянуть „въ лицо любви, передъ которой падала ницъ недавно?.. Не „знаю. Не знаю ничего... Женщина, живущая чувствомъ, съ ея „фантазіей и темпераментомъ, увлечется еще не разъ. Она мо-

„жетъ вновь пережить безуміе любви... Я къ этому готовъ, Соня.
„Все, что обогатитъ и расширитъ ея творчество, должно быть „цѣннымъ для тѣхъ, кто любитъ ее. Надо умѣть во-время сойти „съ дороги. Вотъ мудрость, которой она ждетъ отъ меня, быть-„можетъ... безсознательно...

„Но важно здѣсь не то, что будетъ дальше со мною... Ва-„жно, побѣдитъ ли она теперь въ этомъ страшномъ поединкѣ „съ врагомъ, который зовется Любовью? Приручитъ ли она „ее, какъ звѣря, теперь, когда у души ея выросли крылья?.. „Или ея трогательная и упорная борьба столькихъ лѣтъ, ея „стремленія и исканія разобьются о подводный камень, объ „этотъ страшный инстинктъ, толкающій васъ, женщинъ, на „рабство и самозабвеніе?..

„Боюсь объ этомъ думать... Пришлите намъ изъ далекой „Украйны вашъ ободряющій привѣтъ, дорогая Соня... вы, съ „вашей цѣльной и ясной душой, отданной не одному, а всѣмъ... „вы, идущая въ гору безъ устали и колебаній... вы, свергнув-„шая иго любви!

Вашъ Маркъ.

„P. S. Устройте такъ, чтобы всѣ рецензіи попались въ руки „Нелидову и его женѣ... Посылаю единственныя cartes postales „ея, которыя успѣлъ захватить въ магазинахъ. Всѣ уже рас-„купилъ Парижъ.“

Изъ дневника Мани.

Нельи.

Послѣ двухъ лѣтъ молчанія я открыла старую тетрадку. Глаза мои падаютъ на эти строки:

...Въ послѣднюю ночь въ Венеціи, гдѣ я хороню мое прошлое и начинаю новую жизнь!..

И вотъ опять я стою на порогѣ Новаго...

Завтра... Что несетъ съ собой это завтра?.. Новыя стѣны. Новая мебель. Новыя лица... Незнакомыя переживанія...

Прощай, моя комнатка! Я ухожу изъ тебя, тихое предмѣстье. Не будетъ садика, террассы, лунныхъ ночей и безмолвія. Не будетъ тишины даже ночью... Я не сяду уже въ трамвай. И не помчитъ онъ меня, всю трепетную, всю нетерпѣливую, въ квартиру милой Изы, гдѣ ждалъ меня прекрасный Нильсъ..

Прощайте и вы, мои безвѣстные спутники: бѣдняки-чинов-

ники, обремененные семьей; безполыя конторщицы съ увядшими лицами и угрюмыми глазами; миловидныя модистки съ робкими улыбками... Каждое утро мы мчались въ трамваѣ въ Парижъ. Вы на вашъ тусклый трудъ. Я къ моей упорной работѣ... Сидя противъ васъ, я закрывала глаза, чтобъ не видѣть будничныхъ костюмовъ и озабоченныхъ лицъ; чтобъ уйти отъ васъ дальше, въ міръ вымысла, гдѣ все красиво, возвышенно, трагично... гдѣ нѣтъ больныхъ дѣтей, скуднаго обѣда, надменнаго начальства, жалкой мечты о прибавкѣ, лучезарной грезы объ орденѣ...

А въ вашихъ глазахъ, женщины, свѣтился голодъ... Голодъ любви... жажда крошечнаго кусочка личнаго счастья... О, какъ понимала я васъ! Какъ хотѣлось мнѣ обнять тебя, маленькая модисточка съ блѣдными губами! Тебя, прикованную нуждой къ тяжелой тачкѣ... Развѣ душа твоя не рвалась ввысь со мною вмѣстѣ? Развѣ мы не сестры, уставшія идти въ пыли и сумракѣ? И когда вечеромъ, стремясь къ Ниночкѣ, разбитая отъ работы и усталости, я встрѣчалась снова съ вами, ваши унылые взгляды говорили мнѣ, что еще день ушелъ, не давъ вамъ ничего, и что впереди ночь безъ сновидѣній...

Теперь прощайте, случайные спутники жизни! Наши дороги уже не пересѣкутся... Никогда...

Я плачу... Каждый камень этихъ бѣдныхъ стѣнъ я хотѣла бы поцѣловать... Обнять каждое деревцо чахлаго палисадника... Не здѣсь ли росла моя душа? Моя несчастная душа, растоптанная Николенькой?.. Не здѣсь ли мое сердце, оскорбленное измѣной Марка, научилось видѣть врага въ Любви? Въ этой любви, что была моимъ богомъ?..

Если-бъ эти деревья вдругъ заговорили!.. Если-бъ ожили эти камни... Какой страстный крикъ тоски кинули бы они далекому небу!! Безмолвно глядятъ намъ въ искаженныя лица эти знакомыя вещи, окружающія насъ... Эти стулья, книги, кровать, картины... Безстрастно внимаютъ они нашимъ рыданіямъ.. Только ихъ не стыдимся мы въ часы отчаянія... Только предъ ними нѣтъ у насъ тайнъ... И если-бъ они заговорили... . . .

. . . .

2 часа ночи.

Ты всего достигла...

О чемъ же ты плачешь?..

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О, только бы знать, что могу я молиться,
Что можно молиться, кому я молюсь,
О, только бы въ мысляхъ, въ желаніяхъ
слиться
Съ тѣмъ чистымъ, къ чему я такъ жадно стремлюсь!
И что мнѣ лишенья? И что мнѣ страданья?
И что мнѣ рыдающихъ струнъ трепетанья?
Пусть буду я ждать и томиться года,
Безумствовать, падать во тьмѣ испытанья,—
Но только бы вѣрить всегда,
Но только бы видѣть изъ бездны преступной,
Что тамъ, надо мной, въ высотѣ недоступной,
Горитъ—и не меркнетъ Звѣзда!..

Бальмонтъ.

Въ ясный осенній полдень автомобиль съ двумя дамами и дѣвочкой минуетъ Арку Звѣзды и мчится къ Елисейскимъ полямъ.

Страшный ударъ, отъ котораго дрогнулъ воздухъ, раздается такъ близко, что въ первую секунду кажется, будто рухнули колонны арки за ними.

— Боже мой!—кричитъ фрау Кеслеръ, нажимая на кнопку звонка, къ шофферу.—Остановитесь, ради Бога!..

Маня смотритъ назадъ...

— Это взрывъ,—говоритъ она.

— Гдѣ-то разорвало бомбу... Опять *они*,—кричитъ ей, перегибаясь съ сидѣнья, французъ-шофферъ. Лицо его блѣдно.

Парижъ словно закипѣлъ. Мгновенно Богъ вѣсть откуда собравшаяся толпа безудержно, какъ безумная, мчится къ тому направленію, откуда донесся зловѣщій звукъ. Прямо по широкой аллеѣ, все впередъ... Ученики съ связками книгъ, въ фартучкахъ; кокетливыя горничныя съ цвѣткомъ на груди; коммиссіонеры; нарядныя дамы, газетчики, всѣ смѣшались въ этой безпорядочной толпѣ, охваченной какимъ-то стихійнымъ порывомъ. И трудно сказать, что сильнѣе: страхъ или любопытство, та жажда зрѣлищъ, которая такъ свойственна толпѣ?

— Везите насъ туда же,—говоритъ Маня шофферу.

Перегоняя отдѣльныя кучки торопливой и разношерстной толпы, автомобиль идетъ медленно среди гула восклицаній, возбужденнаго ропота и экспансивной жестикуляціи парижанъ.

— Мы въ лѣсъ?—по-нѣмецки спрашиваетъ Нина.—Мы кататься?..

Ея точеное личико, поразительно похожее на Нелидова, спокойно и важно. Она кажется маленькой *Снѣгурочкой* въ своемъ бѣломъ костюмѣ на лебяжьемъ пуху.

Маня была на репетиціи новаго балета. Она условилась нынче съ Агатой покататься до обѣда и взять Ниночку. Осень стоитъ чудная. И послѣ пыли и полумрака кулисъ такъ отрадна тишина Булонскаго лѣса, золото его аллей, эта свѣжесть въ тѣни, эта покорная прозрачность воздуха, которая говоритъ о быстротечности всего земного. Маня безумно любитъ это настроеніе...

Она въ бѣломъ манто и большой черной шляпѣ съ страусовыми перьями *pleureuse.* Ея лицо измѣнилось за эти полгода, какъ будто даже состарилось. Оно удлинилось, очеркъ губъ сталъ тверже, глаза смотрятъ вдумчиво и даже сухо. Въ нихъ нѣтъ мечтательности.

Толпа все прибываетъ. Автомобиль принужденъ остановиться.

— Вонъ бѣгутъ куда-то... видишь налѣво?—говоритъ фрау Кеслеръ.—Полиція бѣжитъ... Что-то случилось... Ты не боишься, Маня?.. Выйдемъ взглянуть... Поль,—обращается она къ шофферу, и голосъ ея дрожитъ отъ возбужденія.—Возьмите къ себѣ Нину, посадите рядомъ и отъѣзжайте въ боковую аллею...

— Мы только взглянемъ и вернемся,—ласково говоритъ ему Маня, выходя.

Мгновенно толпа смыкается за ними и несетъ ихъ впередъ.

— Дай руку!—говоритъ фрау Кеслеръ. И черные глаза ея сверкаютъ...

Вдругъ ихъ съ силой отбрасываетъ вправо какое-то движеніе тамъ, позади...

— Полиція... Полиція,—раздаются враждебные или полные надежды голоса.

— Что случилось?—спрашиваетъ фрау Кеслеръ у сосѣда, рабочаго изъ типографіи. Онъ спѣшилъ отобѣдать въ сосѣдней *bouillon*, но толпа повлекла его сюда.

— Бомбой разорвало кого-то...

— Живъ?

— Убитъ!—говоритъ молодая горничная съ блѣдными губами.—О́, какой ужасъ!.. Совсѣмъ мальчикъ...

— Вы его видѣли?—быстро спрашиваетъ Маня.

Но толпа дернулась впередъ. Фрау Кеслеръ энергично прокладываетъ себѣ дорогу. На нихъ оглядываются. Рабочіе свищутъ имъ. Но буржуа вѣжливо сторонятся, пораженные внѣшностью Мани. Женщины враждебно шипятъ и растопыриваютъ локти.

Еще немного... Два-три усилія... И онѣ впереди...

Передъ ними плотная стѣна людей, какъ живая цѣпь. Полицейскіе напираютъ на нихъ и тѣснятъ. Толпа то отхлынетъ то приблизится... Вытянувъ шеи, всѣ смотрятъ впередъ, на песокъ аллеи. Маня поднимается на цыпочки.

— Снимите шляпу!—злобно кричитъ ей кто-то сзади.—Ахъ, эти буржуазки!

Она покорно снимаетъ ее и замираетъ, глядя передъ собой.

Два трупа чернѣютъ на пескѣ. Одинъ лежитъ навзничь, съ раскинутыми руками. Бѣлое-бѣлое лицо въ профиль, безбородое и нѣжное, четко выдѣляется на фонѣ зелени.

— У него оторваны ноги?—вскрикиваетъ фрау Кеслеръ и хватается за виски.

Другой въ двадцати шагахъ лежитъ, уткнувшись лицомъ въ землю. Онъ какъ-то странно свернулся въ комокъ. Ноги его поджаты. Рядомъ валяется сумка съ газетами.

Нѣсколько мгновеній толпа молчитъ. Это Смерть проходитъ мимо. Всѣ слышатъ ея шаги. И слова, ненужныя и блѣдныя,

замираютъ на устахъ. Слышны только короткіе и отрывистые возгласы полицейскихъ сержантовъ. Они переговариваются. Ждутъ кого-то... Кто-то побѣжалъ къ телефону...

— Анархистъ,—мрачно говоритъ рабочій весь въ известкѣ, не сводя глазъ съ бѣлаго профиля на пескѣ.—Русскій...

— Почему вы думаете?—быстро спрашиваетъ Маня.

— Т-сс...—Рабочій оглядывается съ опаской. Здѣсь много fileur'овъ... Схватятъ за одно слово...

— Проклятые анархисты! — говоритъ простая женщина. — Подѣломъ ему, собакѣ! Онъ несъ бомбу для другого...

— И самъ погибъ! — подхватываютъ въ толпѣ съ мрачной радостью.

— А этотъ другой за что? — быстро спрашиваетъ какой-то мясникъ въ фартукѣ. — Онъ шелъ мимо... Онъ продавалъ газеты... Онъ честно зарабатывалъ свой хлѣбъ...

— Судьба!—говоритъ фрау Кеслеръ.

— Нѣтъ!.. Это могли быть вы... могъ быть я... Законъ слишкомъ мягокъ для этихъ чудовищъ...

Маня молча силится разглядѣть бѣлое безбородое лицо тамъ, на землѣ. Но полиція оттѣсняетъ ихъ все дальше...

— Онъ оставилъ семью, этотъ газетчикъ,—говорятъ женщины.—Теперь семья на улицѣ...

— А у этого убійцы тоже есть мать,—шепчетъ рядомъ съ Маней нарядная, красивая дама.

Вдали слышны гудки автомобилей. Скачетъ жандармъ на бѣлой лошади...

— Префектъ, префектъ...—бѣжитъ кругомъ гулъ.

— А вотъ и репортеры...

— И какъ всегда запоздали,—язвительно усмѣхается молодой маляръ.

Сквозь толпу пробираются два журналиста, съ портфелями подъ мышкой, въ элегантныхъ пальто. Одинъ изъ нихъ въ очкахъ, съ большой рыжеватой бородой.

Толпа опять шарахается въ сторону, молчаливо пропуская прессу и властей.

Какіе-то колышки мгновенно выростаютъ въ пескѣ. На нихъ надѣваютъ цѣпь. И мертвые отгорожены отъ живыхъ.

— Кодакъ!—весело вскрикиваетъ мальчишка въ фартучкѣ.

Всѣ оборачиваются. Фотографы устанавливаютъ аппараты. Толпа глядитъ, любопытная и измѣнчивая, какъ женщина.

„И это все...“ думаетъ Маня, упорно щурясь на бѣлый профиль загадочнаго лица. „Кто былъ онъ? Куда шелъ? Кому готовилъ Смерть, настигшую его самого?.. Онъ унесъ съ собой всѣ отвѣты въ вѣчность... Такой юный, такой нѣжный... Съ нимъ погибъ цѣлый міръ возможностей...“

— Пойдемъ, Маня,—торопитъ фрау Кеслеръ.—Ужасъ какой!.. Но мнѣ жаль другого... этого газетчика... Если завтра будетъ подписка въ пользу его семьи...

„И для него нѣтъ больше тайнъ“, думаетъ Маня. „А мы сейчасъ вернемся домой. Въ комфортабельную квартиру. Будемъ ѣсть рябчиковъ и фрукты... А вечеромъ я буду плясать передъ нарядной публикой. И если она не будетъ мнѣ апплодировать, я сочту себя несчастной... И между нами и этимъ, лежащимъ тамъ, — попрежнему останется пропасть. Міръ холода и молчанія...“

„И между этими то же“, думаетъ она, удивленно глядя въ испитыя, землистыя лица рабочихъ, угрюмо, но вѣжливо дающихъ ей дорогу. „Развѣ и между ними и нами, баловнями судьбы, нѣтъ той же пропасти и молчанія?..“

И вновь въ душѣ Мани встаетъ вопросъ: „Зачѣмъ?..“

— Madame?—раздается чей-то голосъ.

Репортеры, перешептываясь, почтительно снимаютъ передъ нею шляпы.

— Marion!—вдругъ раздается кругомъ. Ее узнали по портретамъ. Любовь парижанъ къ знаменитостямъ загорается въ душахъ, заглушая недавній ужасъ и ненависть.

— C'est la célèbre Marion...

— Où donc? Celle là?..

— Oh! La belle Marion...

Толпа глядитъ на нее съ улыбками восхищенія. А!.. Парижане умѣютъ уважать талантъ. Ей прощаютъ мгновенно ея внѣшность буржуазки, ея огромную шляпу, богатое манто...

Вдругъ глаза Мани падаютъ на лицо какого-то блондина. Онъ очень высокъ и худъ. Лицо его блѣдно и скорбно. Маня останавливается, какъ вкопанная, въ двухъ шагахъ отъ него. Она узнаетъ его мгновенно. Фрау Кеслеръ идетъ впередъ. Толпа смыкается за нею. Маня остается.

Какіе глаза!.. Она никогда не видала такой глубины и силы въ лицѣ человѣка... такой тоскующей мысли въ изогнутой линіи бровей...

И вдругъ сердце ея начинаетъ стучать. Онъ зналъ того... съ бѣлымъ лицомъ... кто замолчалъ навсегда...

— Pardon...

Кто-то толкнулъ ее.

Сѣрые глаза опускаются, какъ бы прикованные ея взглядомъ. Они смотрятъ другъ другу въ зрачки...

— Place à Marion!—кричитъ какой-то приказчикъ, расталкивая толпу.

Маня идетъ впередъ, какъ лунатикъ. Фрау Кеслеръ издали машетъ ей рукой.

Когда онѣ садятся въ автомобиль, вдали раздаются крики, яростные, тревожные... „Поймали... поймали...“

— Кого?..

— Еще одного... Сообщникъ...

— Съ бомбой...

— Oh! Dieu!..

Людская волна отхлынула и ринулась назадъ, къ аркѣ.

— Не пугайтесь! — кричитъ кто-то впереди. — Онъ арестованъ... Несчастія не будетъ.

— Поль, скорѣе домой!—говоритъ фрау Кеслеръ, подымая окно.—Опять можетъ быть взрывъ...

— Нѣтъ! Нѣтъ! — перебиваетъ Маня. — Уѣзжайте, если хотите... Я остаюсь... Я хочу видѣть арестованнаго...

Она бѣжитъ назадъ.

Толпа, успокоенная наполовину, опять дрожитъ отъ любопытства. Повинуясь какой-то непреодолимой силѣ, Маня спѣшитъ впередъ, къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ незнакомецъ съ сѣрыми глазами.

„Слава Богу, не онъ!.. Онъ еще здѣсь“...

— Идутъ... идутъ... Вонъ они!..

Она видитъ маленькаго растерявшагося человѣчка. Онъ безъ шляпы, въ истерзанной одеждѣ, съ обезображеннымъ волненіемъ лицомъ. Его сажаютъ въ автомобиль, между двумя агентами.

Маня теперь ясно видитъ блѣдное лицо съ черной бородкой и темные глаза. Они отчаянно ищутъ кого-то... Вотъ они сверк-

нули, какъ бы беззвучно бросая кому-то въ пространство послѣдній привѣтъ... что-то завѣщая, о чемъ-то моля...

Маня оглядывается невольно. Въ двадцати шагахъ отъ нея, возвышаясь надъ толпой на голову, стоитъ тотъ русскій. Его сѣрые глаза глядятъ пронзительно и горячо впередъ, что-то говоря, что-то обѣщая... Шляпы нѣтъ. Высокій лобъ бѣлѣетъ подъ кудрявыми, свѣтлыми волосами. И ярко выдѣляется эта непокрытая голова надъ моремъ черныхъ шляпъ и кепи...

Маня быстро отворачивается. Она чувствуетъ инстинктивно, что больше не надо глядѣть.

Французы свищутъ вслѣдъ автомобилю, посылаютъ проклятія. Женщины поднимаютъ кулаки...

Зрѣлище кончено... Всѣ расходятся довольные. Не каждый день взрываются бомбы... А впереди ждутъ работа, дѣла, семья, жизнь...

Автомобиль Мани мчится далѣе, по боковой аллеѣ, къ Булонскому лѣсу.

На пескѣ дороги остаются мертвые и кучка полицейскихъ. Они оберегаютъ цѣпь, въ ожиданіи прокурора и слѣдователя.

Мертвое бѣлое лицо четко выдѣляется на фонѣ зелени. Угасшіе глаза глядятъ въ осеннее небо. Удивленно открылись уста, какъ бы спрашивая: „Зачѣмъ?..“

II.

Что съ тобой было вчера, Маня?

Штейнбахъ цѣлуетъ ея руку и ставитъ цилиндръ на стулъ.

Маня лежитъ на широкой софѣ, въ свѣтломъ пеньюарѣ. На столикѣ рядомъ бѣлѣетъ свѣжій номеръ *Illustration.*

— Ты провела дурную ночь?..

— Да. Я страдаю иногда безсонницей...

— Быть-можетъ, эта усталость отразилась вчера въ твоей пляскѣ?

— Ты замѣтилъ? — быстро перебиваетъ она. И блѣдныя щеки окрашиваются на мгновеніе.

— Еще бы! Кто этого не замѣтилъ?.. Объ этомъ говоритъ вся пресса...

— Я не читаю газетъ...

— Зато я ихъ читаю. И каждый отзывъ меня волнуетъ... Твоя слава мнѣ всегда была дороже чѣмъ тебѣ, странная ты женщина!..

— Артистъ долженъ вѣрить только себѣ...

— Конечно... Но если-бъ ты плясала среди пустыхъ стѣнъ, ты имѣла бы право не считаться съ чужими мнѣніями. Когда же публикѣ вмѣсто талантливой балерины показываютъ автомата... или лунатика...

Она вдругъ оборачивается къ нему, опираясь на локоть.

— У тебя иногда бываютъ счастливыя идеи, Маркъ,—сухо смѣется она.

Его матовыя щеки краснѣютъ.

— Ты хочешь сказать...

— Что я не создана для сцены? Что артистъ всегда ремесленникъ... Вотъ тайный смыслъ твоихъ словъ... Его вдохновеніе, слезы, улыбки, экстазъ—все окуплено толпой, все учтено антрепренеромъ... Остается только...

— Творить, Маня...

— Но развѣ это дѣлается по заказу?

Точно сразу уставъ, она опять падаетъ на подушки и закрываетъ глаза.

Онъ молча глядитъ въ это лицо, опять для него новое, опять чужое.

За эти полгода, что она стала артисткой, они видятся каждый день, хотя и живутъ врозь, по желанію Мани. Она наняла прелестную виллу, и онъ иногда просиживаетъ тамъ до вечера, всегда необходимый ей—и въ жизни, и на сценѣ. Ея лицо—его барометръ... Когда она весела, свѣтитъ солнце. Она хандритъ, и жизнь темнѣетъ... Онъ думалъ почему-то, что изучилъ наконецъ эту измѣнчивую душу, это измѣнчивое лицо. Онъ видѣлъ его въ моменты высшаго экстаза, на сценѣ и въ тѣ интимныя минуты послѣ спектакля, когда она почти безъ чувствъ лежала въ уборной... Или дома здѣсь, когда она играла съ Ниной и сама становилась ребенкомъ. Или когда глаза ея, темные отъ желанія, останавливались на немъ... Но лучшіе часы были у него, въ его старомъ тихомъ домѣ. По дорожкамъ заглохшаго сада бродилъ тяжелыми шагами одинокій, безум-

ный старикъ, ища чего-то, куда-то спѣша; создавая себѣ иллюзію жизни въ этомъ безцѣльномъ движеніи, разряжавшемъ его энергію. Шторы были спущены, двери заперты. И въ прогрѣтой атмосферѣ странно-красивой комнаты подъ звуки его импровизаціи, лежа у камина на тигровой шкурѣ, въ греческой бѣлой туникѣ съ обнаженными руками, Маня грезила... И образы вставали передъ нею. И рѣяли мечты. И огромные глаза глядѣли въ огонь. И видѣли тамъ цѣлый міръ...

Свой новый міръ...

Потомъ она вставала и въ красивыхъ, трагическихъ или радостныхъ жестахъ искала выразить обступившіе ее образы, облечь идею въ форму, дать жизнь темнымъ движеніямъ души. И эти минуты таинственнаго творчества, мучительно-сладкаго, напряженно-страстнаго, были такъ прекрасны, такъ жутки, что Штейнбахъ тоже отрѣшался невольно отъ дѣйствительности. Онъ переносился въ загадочный міръ, полный символовъ, намековъ, полутоновъ, гдѣ движеніе бровей или опустившійся уголокъ рта говорятъ яснѣе, чѣмъ сонетъ или разсказъ. Гдѣ порывистый жестъ страстно-раскинутыхъ рукъ или поникшая головка становятся крикомъ радости или поэмой страданія... О, этотъ новый, странный міръ, который она находила въ собственной душѣ, къ которому она пріобщила и его!.. Казалось, дѣйствительно, ихъ души шептались въ эти странные часы. Ихъ души сплетались тѣснѣе, чѣмъ ихъ тѣла въ любовномъ экстазѣ. И только тогда, въ эти сказочныя минуты, онъ съ гордостью могъ сказать себѣ: „Маня—моя!..“

И, какъ бы безсознательно чувствуя зависимость своего настроенія и творчества отъ звуковъ его игры, она вдругъ съ крикомъ счастья кидалась ему на грудь. И отдавалась ему въ самозабвеніи, какъ въ первый вечеръ, два года назадъ, въ этой комнатѣ, когда богъ творчества впервые вошелъ въ ея душу...

Но за эти полгода онъ видѣлъ не только радости художника. Онъ былъ свидѣтелемъ его страданій... Какъ часто неудовлетворенная, безсильная облечь въ образы то, что звучало ей изъ его игры, Маня падала наземь и плакала изступленно, и рвала на себѣ волосы, и гнала его отъ себя съ ненавистью, и твердила, что она—бездарность...

И все-таки, все-таки онъ не зналъ ее!..

Вотъ это новое выраженіе усталости и пресыщенія, которое старитъ ее и дѣлаетъ чужой и некрасивой... Откуда оно?.. Не можетъ быть, чтобъ одна безсонница могла вызвать такую перемѣну! Но что же тогда?.. Что?

Машинально онъ беретъ со столика *Illustration*.

— Оставь!—рѣзко говоритъ Маня. И поднимается на подушкахъ.

Онъ ошеломленъ въ первую секунду. Затѣмъ губы его кривятся.

— Нѣтъ, я возьму!—говоритъ онъ. Встаетъ и высоко поднимаетъ надъ головой журналъ.—Это нелѣпость. Почему именно я не смѣю смотрѣть то, что милліонъ людей уже видѣлъ нынче въ Парижѣ?

Но она и не думаетъ бороться и отымать. Она опять опускается на подушки и закрываетъ глаза. Однако онъ чувствуетъ, что это только поза; что она вся насторожилась.

Онъ садится и съ возрастающимъ интересомъ перевертываетъ первую страницу. Крупными буквами отпечатано: *Трагическій случай въ Елисейскихъ поляхъ. Опять анархисты!..* Затѣмъ три снимка: первый съ убитыхъ бомбой, какъ они лежали на пескѣ... Острый профиль, удивленно-раскрытыя губы... Брови, чуть сжатыя отъ страданія... Второй рисунокъ изображаетъ арестованнаго вчера человѣка, подозрѣваемаго въ сообщничествѣ... Нерусскаго типа и незначительное лицо. И, наконецъ, портретъ анархиста съ оторванными ногами, уже два часа спустя послѣ его смерти... Лицо юное, гордое, поразительно-торжественное, съ тѣсно сомкнутыми губами... Онѣ словно отказываются выдать тайну, которую у нихъ выпытываютъ... Чуть сжатыя, но уже властныя брови говорятъ о несокрушимой волѣ, какъ и линія губъ, какъ и линія подбородка... И все это, скрытое въ жизни, незамѣтное въ повседневности среди улыбокъ, робкихъ взглядовъ и тихаго голоса, которыми, быть-можетъ, обладалъ этотъ человѣкъ съ нѣжнымъ безбородымъ, почти женственнымъ лицомъ,—вдругъ проступило въ смерти, вдругъ отпечатлѣлось на высокомъ лбу, въ тѣсно сжатыхъ губахъ, въ длинныхъ, опустившихся рѣсницахъ. „Вы меня не знали“, какъ будто говоритъ это лицо всѣмъ близкимъ, всѣмъ встрѣчавшимъ его... Казалось, за эти два часа это лицо прожило цѣлую жизнь.

И она вскрыла всѣ таившіяся возможности... На первомъ рисункѣ мальчикъ. На второмъ личность...

Грустно и долго смотритъ Штейнбахъ, захваченный трагической красотой Смерти. Онъ думаетъ. „Каждое мертвое лицо — это окно, изъ котораго глядитъ на насъ Вѣчность...“

— Еврей, — говоритъ онъ тихо. — И сообщникъ его тоже еврей... Несчастные безумцы!..

Маня открываетъ глаза. Большіе, сверкающіе, жадные.

— Почему несчастные? Зачѣмъ ты говоришь банальности?.. Почему ты не позавидуешь имъ, не знающимъ сомнѣній? Вглядись въ его лицо! Сколько силы и вѣры!.. Почему несчастливъ *онъ*, а не мы съ тобой?

Онъ машинально перелистываетъ иллюстрацію и внимательно прислушивается къ вибраціи ея голоса. Есть связь между этимъ событіемъ и ея настроеніемъ—вчера и нынче...

— Ты была вчера тамъ? Я это прочелъ нынче въ *Figaro*.

Она дѣлаетъ нетерпѣливый жестъ. „Никуда не скроешься!“ говоритъ ея брезгливая гримаса.

— Ты въ первый разъ видѣла такъ близко мертвеца?

— Я видѣла мертваго Яна...

— А!..

Онъ бросаетъ журналъ на столъ и придвигается къ кушеткѣ.

Маня лежитъ въ профиль къ нему. Рѣсницы подняты. Она глядитъ вверхъ.

— Если-бъ Янъ былъ живъ, Маня, онъ первый осудилъ бы этого безумца. Онъ всегда былъ противъ террора. Слишкомъ цѣнилъ онъ жизнь, чтобы сѣять смерть... Смерть ненужную и жестокую... Развѣ тебѣ не жаль этого газетчика?

— Я объ этомъ не думала... Его всѣ жалѣютъ и безъ меня... А кто пожалѣетъ... „безумца“.

— Надѣюсь, это не терроръ тебя привлекаетъ? А трагизмъ обстановки!.. За своимъ настроеніемъ ты не видишь жизни... чужой жизни... Ты вѣрна себѣ, — добавляетъ онъ мгновеніе спустя, не дождавшись отвѣта. И въ голосѣ его чуть замѣтна горечь.

— Я не могу нынче плясать, Маркъ,—вдругъ слабо и жалобно говоритъ Маня.—Моя душа пуста...

Онъ встаетъ, изумленный. Но она вдругъ оборачивается къ

нему, садится на кушетку. Потомъ быстро спускаетъ ноги и говоритъ, прижимая руки къ груди знакомымъ ему жестомъ:

— Не спорь со мной! Не возражай!.. Не говори общихъ мѣстъ, что надо взять себя въ руки... контрактъ, публика... Все это не имѣетъ для меня ни малѣйшей цѣны... Для истиннаго художника не существуетъ контракта... Нельзя ни купить, ни оплатить, ни закрѣпостить его настроенія, его фантазіи... Маркъ, я нарушаю контрактъ... Я ни одного раза больше не выступлю въ Парижѣ...

— Полно, Маня!.. Это истерія... Ты разстроилась... Ты больна... Черезъ недѣлю это пройдетъ... Я сдѣлаю анонсъ завтра во всѣхъ газетахъ... Нельзя такъ поддаваться настроеніямъ!..

Она встаетъ, кидается ему на грудь и прижимается къ нему, какъ бы ища спасенія отъ чего-то жуткаго...

— О, молчи!.. О, помолчи, Маркъ... Прислушайся къ тому, что я переживаю... Будь чуткимъ... какимъ ты былъ раньше...

Онъ гладитъ ее по головѣ.—Что случилось, Маничка?

Не переставая его обнимать, она откидываетъ голову. И онъ видитъ въ глазахъ ея ужасъ.

— Не знаю, Маркъ... Но что-то новое вошло въ мою жизнь за эти сутки... Что-то страшное... Умираетъ то, что жило и смѣялось вчера... Лохмотьями кажется все, что еще утромъ казалось прекраснымъ... Я боюсь, Маркъ, что я опять потеряла себя...

Онъ садится рядомъ съ нею, на кушетку... Ея голова лежитъ на его груди. О, безконечно-дорогая головка!..

— Если ты прежній Маркъ, и чувство твое не измѣнилось, не спрашивай меня сейчасъ!.. Я все скажу потомъ... Но устрой такъ, чтобъ я не выступала здѣсь ни разу... Что надо для этого?.. Отдай мои брилліанты, мѣха, кружева, обстановку...

— Перестань!.. Это все вздоръ!..

— Я знаю, что надо что-то платить... какую-то неустойку...

— Все будетъ сдѣлано. Не безпокойся...

— О, Маркъ... Другъ мой!.. Какъ мнѣ ле... легко... те... перь...

Упавъ лицомъ въ подушки, она рыдаетъ.

Онъ стоитъ молча, взволнованный. Онъ такъ давно не видѣлъ ея слезъ... Съ Венеціи... Ему казалось, что цѣлая жизнь прошла за эти два съ лишкомъ года, и что новая Маня разучи-

лась плакать... Онъ видѣлъ порывы ея отчаянія, когда ей не удавалась работа, или когда процессъ творчества шелъ замедленнымъ темпомъ... Но это было не то... Какія иллюзіи она хоронитъ опять?

Беззвучный и неподвижный выжидаетъ онъ, когда минуетъ кризисъ.

Гдѣ-то звонятъ. И красивая вертлявая Полина тихонько стучится въ дверь.

— Madame est visible?

Она подаетъ Штейнбаху двѣ карточки.

— Сотрудникъ *Matin* и... Маня... это директоръ...

— Все равно, Маркъ... Я не выйду... Мнѣ никто не нуженъ... Пусть оставятъ меня въ покоѣ!

Съ озабоченнымъ, сразу постарѣвшимъ лицомъ Штейнбахъ выходитъ въ салонъ къ посѣтителямъ.

Ушли?—черезъ полчаса спрашиваетъ Маня, когда дверь открывается. Она все еще лежитъ. Но лицо ея спокойно.

— Это будетъ большой скандалъ, Маня... Но я имъ обоимъ заявилъ совершенно безповоротно, что ты больна... что ты платишь неустойку и покидаешь Парижъ.

Она сверкающими глазами глядитъ на него и улыбается.

Онъ ходитъ по комнатѣ, задумчивый и тревожный.

— Знаешь, что мнѣ сказалъ сотрудникъ *Matin*?.. „Я не удивляюсь", сказалъ онъ... „Я видѣлъ вчера лицо madame тамъ, передъ трупомъ... Это отразилось на ея нервахъ. Она не должна была смотрѣть въ это лицо..."

Маня приподнимается.—Онъ это... понялъ?.. Онъ?

— Какъ видишь...

— И завтра... онъ это... разскажетъ Парижу?

— Конечно...

Съ жестомъ отвращенія она закрываетъ глаза.

— Куда уйти отъ людей, Маркъ?—шепчетъ она съ тоской.

— Уѣдемъ нынче въ Тироль! Передъ нами двѣ недѣли до твоего выступленія въ Лондонѣ. Ты отдохнешь...

Она думаетъ. Потомъ взглядъ ея падаетъ на *Illustration*.

— Нѣтъ, Маркъ... Подождемъ немного... еще немного...

Безъ стука въ дверь и доклада входятъ фрау Кеслеръ и бонна съ Ниной на рукахъ.

— Мы ѣдемъ въ лѣсъ. Погода чудная,—говоритъ фрау Кеслеръ, здороваясь съ Штейнбахомъ.

Нина тянется къ нему и сердито бьетъ маленькими ножками по животу бонны за то, что та повернула къ кушеткѣ.

— Ма... Ма... (Маркъ) кричитъ она. И прелестно улыбается.

Штейнбахъ беретъ ее изъ рукъ бонны. Нина вцѣпилась ручонкой въ его бороду и звонко, торжествующе смѣется.

— Вѣчно такъ!—ревниво шепчетъ Маня, опуская на колѣни руки, которыя тянулись къ ребенку.

Онъ несетъ дѣвочку къ кушеткѣ и наклоняетъ ее надъ сердитой Маней.

— Теперь поцѣлуй му...—примиряюще говоритъ онъ.

— Съ твоего разрѣшенія?—бросаетъ Маня, сверкая глазами.

— Му... (Mutter),—снисходительно лепечетъ ребенокъ и подставляетъ матери щечку.

— Не надо!—говоритъ Маня, холодно отстраняясь.

— Какъ ты нынче разстроена!—огорченно замѣчаетъ онъ.— Но зачѣмъ срывать на ребенкѣ твои нервы?..

Дѣвочка равнодушно отворачивается отъ матери и крѣпко обнимаетъ ручонкой шею Штейнбаха.

Онъ осыпаетъ ее поцѣлуями и спускаетъ ее на полъ. Бонна оправляетъ на ней платьице. Ребенокъ важно подаетъ ручку фрау Кеслеръ. Нина идетъ гулять, не оглянувшись.

— Настоящая женщина!—съ горечью срывается у Мани.

— Вся въ мать,—подхватываетъ Штейнбахъ. И губы его морщатся.

Маня вдругъ вскакиваетъ.—Нина!.. Ниночка!..—кричитъ она жалобно. И кидается къ двери.

Она отворена. Штейнбахъ видитъ странную картину...

Въ салонѣ Маня опускается на колѣни передъ дѣвочкой. Она страстно обнимаетъ ее... Она покрываетъ все лицо ея поцѣлуями, полными такого отчаянія, какъ-будто въ этомъ ребенкѣ все, что осталось у нея въ жизни...

„Однако это серьезнѣе, чѣмъ я предполагалъ“, думаетъ Штейнбахъ съ растущей тревогой.

— Му-у...—протестуетъ Ниночка, недовольная тѣмъ, что смяли ея лебяжій пухъ.

— О чемъ ты плачешь, глупая?—по-нѣмецки спрашиваетъ фрау Кеслеръ.—Что за сцены передъ ребенкомъ?

Маня машетъ рукой и бѣжитъ назадъ. Она опять падаетъ на кушетку лицомъ внизъ, и плечи ея вздрагиваютъ.

Задумчиво ходитъ Штейнбахъ по комнатѣ. Все затихло въ домѣ. И оба они молчатъ. Но тревога все растетъ.

Какъ страшно все невѣдомое, что грозитъ отнять у него эту женщину, и ея капризное чувство!.. Все, что грозитъ нарушить его привычки... О, эта сладость привычки, знакомая только усталымъ людямъ!.. Этотъ страхъ передъ новизной и перемѣной...

III.

Утромъ, на другой день, Маня еще въ постели требуетъ всѣ газеты. Ей приносятъ цѣлый ворохъ.

— Почему ты не встаешь?—тревожно спрашиваетъ фрау Кеслеръ, входя въ спальню.—Больна?

Маня не отвѣчаетъ. Словно не слыша, глядитъ она передъ собой въ одну точку. Руки ея закинуты назадъ. Брови сжаты. Глаза странные, полные мрака... На одѣялѣ и на полу валяются газеты.

— Ахъ, это ты, Агата?.. Здравствуй...

Голосъ у нея однозвучный, безъ выраженія.

— Ты больна?

— Нѣтъ... здорова... Но я буду лежать.

— Хочешь кофе?..

— Пожалуйста принеси...

Когда фрау Кеслеръ возвращается съ подносомъ, Маня лежитъ въ той же позѣ. И такъ же, сдвинувъ брови, большими глазами глядитъ въ одну точку.

Фрау Кеслеръ садится на постель, въ ногахъ.

— Маничка, что случилось?.. Говори... Тебѣ будетъ легче...

Словно просыпаясь, глядитъ на нее Маня. Потомъ беретъ съ одѣяла газету и протягиваетъ ее. На второмъ листѣ отпе-

чатанъ портретъ дѣвушки. Она совсѣмъ юная, худенькая, съ наивными глазами. Прелестная, довѣрчивая улыбка озаряетъ это миловидное лицо. Одѣта она, какъ барышня, въ модной кофточкѣ. Но волосы причесаны гладко, просто.

— Кто это такое?—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ фрау Кеслеръ.

— Это возлюбленная того анархиста... помнишь?..

— А... Вотъ что!..—Фрау Кеслеръ съ новымъ интересомъ разглядываетъ портретъ.—Она еще дѣвочка... И какая милая улыбка!

— Теперь она уже не улыбается...

Фрау Кеслеръ быстро поднимаетъ голову. Глаза Мани глядятъ вверхъ все съ тѣмъ же выраженіемъ.

— Несчастная!.. Гдѣ-то она теперь?

— Въ тюрьмѣ,—тѣмъ же страннымъ голосомъ отвѣчаетъ Маня.—Ее арестовали, какъ сообщницу. Она помогала дѣлать бомбы.

— Она??—Въ третій разъ фрау Кеслеръ хватается за газеты. Теперь въ глазахъ ея ужасъ.

— Такая молоденькая... и такая преступница?.. Ахъ, какъ обманчивы лица!.. Она мнѣ показалась кроткой и женственной... Что это за люди пошли!.. Что имъ нужно?.. Такіе юные оба...

— И любили другъ друга,—вставляетъ Маня однозвучно...

— Да... И любили другъ друга... Жизнь была передъ ними... Зачѣмъ имъ понадобился этотъ кровавый бредъ? Кого хотѣли они убить?

— Неизвѣстно... Думаютъ, что они ждали въ лѣсу проѣзда какого-то высокопоставленнаго лица...

— Президента?

— Не знаю... Сообщникъ отказывается отвѣчать на допросы. Она тоже молчитъ...

— Ахъ, безумцы!.. И что же ждетъ ихъ, Маня?..

— Каторжныя работы, по всей вѣроятности. А если-бъ планъ ихъ удался, то смертная казнь...

— Какой ужасъ!.. Идти на вѣрную смерть, имѣя молодость и счастье?.. Нѣтъ, я отказываюсь ихъ понимать...

— Я тоже...

Фрау Кеслеръ, нагнувшаяся чтобъ поднять газеты съ полу, выпрямляется съ тревогой. Что за голосъ!.. Что за лицо!..

Она тихонько выходитъ изъ комнаты.

Въ часъ дня, къ завтраку, пріѣзжаетъ Штейнбахъ. Маня лежитъ на софѣ въ той же позѣ, съ тѣмъ же лицомъ, какъ и вчера. Какъ будто для нея жизнь остановилась.

— Ты читала газеты, Маня? — спрашиваетъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Д-да...

— Значитъ ты знаешь, какую сенсацію вызвала твоя внезапная болѣзнь?

— Моя?—Она широко открываетъ глаза.—Я ничего не читала,—отвѣчаетъ она послѣ паузы.

— Однако...—Онъ показываетъ на ворохъ бумаги.

Она устало закрываетъ глаза.

— Ты можешь мнѣ не вѣрить... Но я... совершенно забыла, что гдѣ-то есть театръ... и что я артистка...

Онъ молчитъ, обдумывая ея отвѣтъ. Потомъ подымаетъ съ полу газету. И взглядъ его прямо падаетъ на улыбающееся лицо молодой еврейки...

Онъ быстро пробѣгаетъ статью: *Еще объ анархистахъ...*

Сдвинувъ брови, онъ встаетъ и ходитъ по комнатѣ.

— Маня, уѣдемъ... Умоляю тебя, уѣдемъ скорѣе!.. Я чувствую... понимаешь ли, я чувствую, что надвигается какое-то несчастіе... Не знаю, откуда придетъ оно... въ чемъ выразится?.. Но со вчерашняго дня я не знаю ни минуты покоя... Уѣдемъ въ Тироль... гдѣ мы были лѣтомъ. Или туда, гдѣ родилась Нина... Вспомни! Ты такъ любила горы... Мы будемъ проводить тамъ вдвоемъ цѣлые дни... И это вылечитъ тебя...

— Такъ ты думаешь, что я больна?—раздумчиво спрашиваетъ она.

Онъ въ отчаяніи берется за виски.

— Я ничего не думаю... Я не знаю, что думать! А ты молчишь...

Онъ садится въ кресло, облокотившись на колѣни, и прячетъ лицо въ рукахъ. Глаза Мани смягчаются, и пальцы ея тихонько касаются его рукава.

— Милый Маркъ... Поймешь ли ты меня, если я заговорю?.. Не сочтешь ли ты бредомъ то, чѣмъ полна душа моя?

— Маня... Говори... говори откровенно!.. Развѣ я не другъ

тебѣ?.. Развѣ не готовъ я всегда строить твое счастье... въ чемъ бы оно ни выражалось... (хотя бы въ любви къ другому... хочетъ онъ сказать... Смолкаетъ внезапно и припадаетъ губами къ ея рукѣ.)

Но она наврядъ ли вслушалась въ эти слова. Она глядитъ поверхъ его головы, странно щурясь, съ болѣзненной тѣнью улыбки.

— Помнишь, Маркъ, площадь въ Римѣ?.. Площадь съ платанами?

— Ну??

— Помнишь ты эту женщину въ черномъ, съ глазами, горѣвшими какъ угли... и ея улыбку, полную презрѣнья къ намъ?

— Помню, Маня...—медленно говоритъ онъ.—Что же?..

Она слабо улыбается и долго молчитъ.

— Я думала, Маркъ, что ты поймешь меня съ полуслова... Прости... мнѣ ничего не хочется объяснять... Почему мнѣ, казалось, что и такъ все понятно?..

— Постой... погоди!.. Между нею... той женщиной... и вотъ этой... (Онъ ударяетъ пальцами по газетѣ) есть, очевидно, какая-то связь... и тамъ тоже... то, что ты видѣла третьягодня... Постой... постой!.. Я хочу уловить общую идею...

— Она улыбалась, Маркъ.. Она улыбалась и любила... И все-таки шла на смерть безъ страха... какъ и онъ...

— Неужели ты можешь оправдывать эти жестокости? Всѣ ужасы террора?.. Я не узнаю тебя, Маня...

— Нѣтъ... Не терроръ!.. Я не оправдываю жестокостей... Я ищу только понять...

Она вдругъ садится на софѣ... Беретъ его руки въ свои и стискиваетъ ихъ съ нервной силой.

— Скажи мнѣ, въ чемъ ихъ вѣра? Въ чемъ ихъ сила?.. Вѣдь это дѣти... Почему же у нихъ столько презрѣнія ко всему, что цѣнно для насъ?.. Значитъ они ждутъ другой жизни... и другихъ цѣнностей?.. А мы?.. Мы?.. Если они безумцы... то можно жить по-старому... И плясать... и надѣвать брилліанты... и кататься на автомобилѣ... и жить для Красоты... Ложиться спокойно и вставать безмятежно... И любить тебя... любить Нину... А если...

— Что, Маня?.. Что?.. Говори же...

— А если они правы, Маркъ?.. И безумцы не они... а мы?.. Если преступники не они, а мы?.. Мы всѣ, живущіе безмятежно... изо дня въ день... среди всего, о чемъ слышимъ и что видимъ?

Онъ молчитъ. Теперь не она,—онъ крѣпко держитъ ее за руки. Но она закрываетъ глаза, не выдержавъ его взгляда.

— Ты больна... Для меня это ясно... Здоровый, нормальный человѣкъ не можетъ мучиться такими вопросами... Онъ живетъ и наслаждается самымъ процессомъ жизни... какъ это ты дѣлала раньше...

— Да... раньше... И даже встрѣча съ Яномъ не убила во мнѣ этой радости, стихійной радости жизни...

— И ты объ этомъ жалѣешь?.. Что имѣлъ этотъ свѣтлый строитель будущей прекрасной жизни общаго съ этими безумцами?

— Во всякомъ случаѣ, больше чѣмъ съ нами...

— Довольно!.. Я не могу выносить такого положенія... Мы ѣдемъ завтра... вдвоемъ...

Онъ звонитъ. Она садится на софѣ.

— Почему вдвоемъ? А Нина?

— Тебя нужно удалить отъ всѣхъ заботъ и дрязгъ...

Входитъ горничная.

— Вы уложите два коффра для madame съ ея бѣльемъ и платьями... Самое необходимое... Позовите madame Кеслеръ!

Они опять одни. Маня встаетъ.

— Я не поѣду безъ Нины...

— Почему? Неужели ты настолько подпала этому... рабству любви, что тебя не манятъ больше ни одиночество, ни свобода?

— Я не могу жить безъ нея!.. Какая это свобода, когда безпокойство за нее будетъ отравлять мнѣ дни и ночи?.. И потомъ... („какое это одиночество вдвоемъ?“—хочетъ сказать она. Но смолкаетъ, закусивъ губы.)

Однако онъ понялъ. Его брови хмурятся. Она подходитъ и прижимается къ нему.

— Ахъ, Маркъ!.. Другъ мой... не сердись!.. Отбрось мелочность въ эти минуты!.. Если-бъ ты зналъ... если-бъ ты заглянулъ въ мою душу!.. Все рушится... Я стою надъ пропастью, на узкомъ мостикѣ... И чувствую, какъ доски гнутся подо мною... Этотъ мостикъ... Нина...

Она прячетъ лицо на его груди. Онъ гладитъ ея голову съ горькой улыбкой.

— Берегись, Маня!.. Я давно предупреждалъ тебя... Ты опять строишь счастье свое на пескѣ... И первая волна его смоетъ...

— Молчи!.. О, молчи!..

— У тебя есть искусство... Это зданіе стоитъ на горѣ... Оно вѣчно... Иди вверхъ!.. Почему ты остановилась?

Маня съ горестнымъ жестомъ качаетъ головой. Ея руки судорожно обвиты вокругъ его шеи. Она плачетъ.

IV.

Кто такое? — спрашиваетъ Штейнбахъ лакея, нетерпѣливо оборачиваясь отъ стола, гдѣ онъ перебиралъ бумаги.

— Этотъ господинъ не хочетъ уходить. Я говорилъ ему, что вы уѣзжаете, что вамъ некогда... Онъ проситъ одной минуты разговора.

Съ жестомъ досады Штейнбахъ бросаетъ въ раскрытый чемоданъ неразсмотрѣнную пачку писемъ.

— Просите...

Онъ зажигаетъ электричество. Спускаетъ шторы.

„Навѣрно опять изъ русской колоніи... съ подписнымъ листомъ въ пользу столовой или съ билетомъ на лекцію“, думаетъ онъ.

Дверь отворяется, и портьера падаетъ за вошедшимъ.

— Вы??—срывается у Штейнбаха.

— Я...

Вошедшій высокъ, гораздо выше самого Штейнбаха, и очень худъ. У него строгое, длинное лицо, такое худое и изможденное, что даже морщины покрываютъ его виски и щеки, хотя онъ еще молодъ... Глубоко запавшіе сѣрые глаза глядятъ пристально, холодно, почти сурово. Блѣдныя губы стиснуты съ выраженіемъ несокрушимой силы и упорства. И даже бѣлокурая бородка и усы не могутъ смягчить этихъ линій. Онъ одѣтъ небрежно, почти бѣдно.

— Вы не ждали меня, Маркъ Александровичъ?

Голосъ у него глухой, какъ у слабогрудаго, немного высокій по тембру.

— Извините... я помѣшалъ вамъ?..

— Пожалуйста... пожалуйста... Садитесь!..

Штейнбахъ идетъ къ двери, отворяетъ ее, зорко оглядываетъ сосѣднюю пустую комнату и запираетъ дверь на ключъ. Ему совѣстно, что онъ такъ растерялся въ первое мгновеніе.

— Повѣрьте, Маркъ Александровичъ, что если-бъ не крайняя необходимость...

— О, ради Бога, не извиняйтесь!.. Я весь къ вашимъ услугамъ, какъ всегда...

— Прежде всего... (Слабая тѣнь улыбки скользитъ въ сѣрыхъ глазахъ) передаю вамъ привѣтъ отъ *нея*...

— Отъ Надежды Петровны?—радостно срывается у Штейнбаха.—Неужели она здѣсь?

— Только вчера пріѣхала.

— Значитъ удалось?

— Блестяще...

— Я радъ, Ксаверій...—Штейнбахъ взволнованно встаетъ и ходитъ по комнатѣ.—У меня гора съ плечъ упала...

— Развѣ вы боялись отвѣтственности?

— Нѣтъ!.. Чего же бояться мнѣ?.. Особенно здѣсь... Я боялся только за *нее*... Обидно, что мы не свидимся! Я вечеромъ выѣзжаю на двѣ недѣли. Или, можетъ-быть, она останется въ Парижѣ?

— Нѣтъ, здѣсь ей нельзя жить... послѣ этого случая... въ Елисейскихъ поляхъ...

Съ мгновеніе они молчатъ, глядя другъ другу въ зрачки.

— Я тоже долженъ исчезнуть... Хотѣлъ бы проѣхать съ нею въ Италію... хоть на мѣсяцъ... Ея здоровье расшатано.

— Еще бы!!

— Вотъ я пришелъ къ вамъ съ просьбой ссудить ее...

Штейнбахъ не даетъ ему договорить и берется за бумажникъ... Въ дверь стучатъ.

— Кто тамъ?—тревожнымъ звукомъ срывается у Штейнбаха.

— Это я, Маркъ... Къ тебѣ нельзя?..

Лицо Штейнбаха свѣтлѣетъ.

— Не тревожьтесь, Ксаверій... Это *Marion*...

— А!—срывается у гостя глухое восклицаніе.

Маня входитъ, одѣтая на гулянье. Въ комнатѣ запахло духами.

Она жметъ руку Штейнбаха, оглядывается и вздрагиваетъ.

Они опять стоятъ другъ передъ другомъ, какъ тогда, въ толпѣ... И сѣрые, запавшіе глаза скорбно и странно глядятъ въ ея душу.

Она чувствуетъ, что онъ ее узналъ... Она это чувствуетъ...

— Marion... Ксаверій...

Тотъ дѣлаетъ быстрый жестъ.

— Достаточно... Меня не зовутъ иначе...

— И я могу васъ такъ звать?—робко спрашиваетъ Маня.

— Пожалуйста...

Онъ говоритъ это безъ тѣни улыбки, попрежнему строго и холодно изучая ея лицо.

— Мы уже уложились, Маркъ... Все готово.

Опять стучатъ. Брови Ксаверія хмурятся. У Штейнбаха срывается жестъ нетерпѣнія. Онъ выходитъ изъ комнаты.

— Monsieur votre oncle vous demande, monsieur...

— Je viens tout-à-l'heure...

Онъ возвращается и говоритъ съ порога:

— Дядя безпокоится, Маня. Его волнуетъ твой отъѣздъ. Зайди къ нему потомъ... Я сейчасъ вернусь... Поговорите... Это другъ Яна... Кстати... какъ идетъ его книга?

— Почти вся разошлась...

— Неужели?.. Что же вы думаете? Новое изданіе?

— Объ этомъ я тоже хотѣлъ просить васъ, Маркъ Александровичъ...

— Да, да... Сейчасъ вернусь...

Они остаются вдвоемъ...

Другъ Яна?.. Вотъ этотъ. Съ его лицомъ аскета и взглядомъ Савонароллы. Возможно ли?..

Ксаверій тоже замѣтно изумленъ.

— Откуда вы знали Яна?—глухо спрашиваетъ онъ.

— Онъ жилъ въ имѣніи Марка подъ чужимъ именемъ. Я его знала живымъ и... видѣла мертвымъ...

— Но кто открылъ вамъ его партійное имя?

— Онъ самъ...

Легкое движеніе срывается у Ксаверія.

— Смѣю спросить... почему?

Маня поднимаетъ рѣсницы. И ея огромные глаза вдругъ какъ бы заслоняютъ передъ нимъ все ея лицо. Только ихъ видитъ онъ въ эту минуту.

— Мы любили другъ друга...

Она отворачивается и комкаетъ конецъ своего газоваго шарфа.

— Такъ это вамъ посвящена его глава: „Дѣвушкѣ, свѣтлой и радостной, какъ утро..."

— Мнѣ...

Они молчатъ. Тишина нарушается только потрескиваніемъ дровъ въ каминѣ.

Вдругъ Ксаверій тихо говоритъ:

— Вы непохожи на этотъ образъ. Вы были другой тогда?

Маня порывисто вздыхаетъ, какъ человѣкъ, который долго плакалъ.

— Да, я была другой...

— Неизвѣстной,—подхватываетъ Ксаверій. — Быть-можетъ, бѣдной?

— Да... да... никому неизвѣстной, бѣдной дѣвочкой была я тогда... Въ чужомъ домѣ безъ родителей... Безъ цѣли въ жизни. Безъ честолюбія... Но я была счастлива тогда...

— А теперь?

Опять взмахнули ея рѣсницы, и онъ видитъ огромные глаза. Съ тоской и тревогой глядятъ они куда-то вверхъ, выше его головы...

— Чего же не хватаетъ теперь для вашего счастья?—тихо, точно во снѣ, говоритъ Ксаверій, еле двигая тонкими губами и какъ бы пронизывая ее взглядомъ.—Вы богаты, популярны. Всѣ газеты полны вашимъ именемъ. Во всѣхъ витринахъ красуются ваши портреты. Какія серьги на васъ!

Она слушаетъ. Слушаетъ напряженно этотъ тихій голосъ. Точно тонкой струйкой холода тянетъ на нее отъ этихъ словъ, отъ этихъ глазъ.

— Вы меня видѣли на сценѣ?—вдругъ отрывисто спрашиваетъ она.

Слабая краска покрываетъ его щеки. Не улыбка опять, а только тѣнь ея бѣжитъ по его лицу и сбѣгаетъ мгновенно.

— Какой странный вопросъ! Развѣ наши театры доступны такимъ, какъ я?.. Развѣ мы съ вами не люди съ разныхъ планетъ, столкнувшіеся тутъ случайно?

Ноздри Мани вздрагиваютъ. Она встаетъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Вы отрицаете искусство, monsieur... monsieur Ксаверій?

— Просто Ксаверій... Для меня и милліоновъ такихъ, какъ я, оно пустой звукъ... Янъ хорошо говоритъ объ этомъ въ своей книгѣ. Чѣмъ артистъ талантливѣе и прославленнѣе, тѣмъ онъ дальше отъ народа...

Маня подходитъ къ столу и нервно перелистываетъ книгу въ дорогомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ.

— Покажите мнѣ, гдѣ это мѣсто? Гдѣ онъ это говоритъ?

Ксаверій встаетъ и наклоняется надъ столомъ. Теперь они рядомъ. Ихъ руки бѣгло соприкасаются... Но развѣ онъ не правъ, говоря, что между ними пропасть? И что они люди, говорящіе на разныхъ языкахъ?

— Вотъ эта страница: „Объ искусствѣ"... Вы... читали книгу Яна?

— Да...

— Вы ее плохо читали... И Штейнбахъ тоже, хотя онъ сдѣлалъ ее своей настольной книгой... Но это роковая судьба всѣхъ писателей, особенно такихъ, какъ Янъ... Ихъ читаютъ. Ими восторгаются и... продолжаютъ жить, какъ жили... Маркъ Александровичъ строитъ въ Петербургѣ театръ *Студію*, чтобъ развлекать благородную публику. А дѣвушка, радостная какъ утро, отдаетъ этимъ людямъ весь свой талантъ...

Лицо Мани заливается румянцемъ. Она надменно вскидываетъ голову. Ихъ взгляды встрѣчаются, ея—полный глухой враждебности, его — полный презрѣнія... Да, да. Презрѣнія... Она это сознаетъ прекрасно... Да онъ и не хочетъ этого скрывать!

— Отрицать искусство—значитъ быть варваромъ! Значитъ идти назадъ... Искусство не знаетъ ни цѣли, ни этики... Изъ-за того, что оно недоступно массамъ, оно не теряетъ своего значенія... Вы... толстовецъ?

Онъ опять слабо улыбается.

— Зачѣмъ ярлыки?.. Я вамъ отвѣчу... Народъ нуждается въ искусствѣ и радости не меньше, чѣмъ такъ называемая

интеллигенція... Но, какъ все въ нашей современности, эти радости выпадаютъ на долю богатыхъ, минуя бѣдняковъ. Почему вы думаете, что имъ нуженъ одинъ хлѣбъ, одинъ трудъ? И не нужны поэзія и красота?.. И вы напрасно оскорбляетесь моими словами... Если Янъ не ошибался въ васъ, если вы дѣйствительно дѣвушка, которой онъ посвятилъ трудъ своей жизни, то вы... безсознательно, быть-можетъ, но уже чувствуете правду моихъ словъ... Подумайте объ оправданіи вашей жизни!..

— Что такое??... Что вы сказали??

Онъ повторяетъ тихо, но упорно:

— Подумайте объ оправданіи вашей жизни...

Она молчитъ одно мгновеніе, ошеломленная, словно ослѣпшая.

— Какой вздоръ! Это сектантство!.. Я живу... Развѣ этого не довольно!.. Какое нужно для этого оправданіе? Развѣ цвѣтокъ не вправѣ цвѣсти, а птица пѣть?.. (Она взволнованно ходитъ по комнатѣ.) Какимъ мракомъ и гнетомъ вѣетъ отъ вашихъ словъ!.. Янъ не говорилъ мнѣ объ этомъ...

— Вы были незамѣтной дѣвочкой безъ таланта. Цвѣткомъ или птицей. А кому дано много, какъ вамъ...

— Тотъ, по-вашему, долженъ быть слугою всѣхъ?—запальчиво перебиваетъ Маня.—Артистъ свободенъ...

— Неправда. Онъ рабъ толпы. И не вправѣ презирать ее...

Слова протеста вдругъ замираютъ на ея устахъ.

Вытянувъ руки, сцѣпивъ пальцы, она смотритъ въ одну точку съ тѣмъ выраженіемъ, которое такъ пугаетъ Марка и Агату.

Развѣ не той же дорогой ощупью во мракѣ шла ея собственная мысль?

Штейнбахъ входитъ. Странное лицо Мани бросается ему въ глаза. Она быстро опускаетъ вуалетку.

— До свиданья, Маркъ Александровичъ,—говоритъ Ксаверій, подходя.—Благодарю васъ за Надежду Петровну!

Маня подаетъ Ксаверію руку.

— Если я была рѣзка съ вами, простите...—упавшимъ голосомъ говоритъ она.—Я совсѣмъ невмѣняема эти дни...

Вдругъ она видитъ его улыбку... вѣрнѣе, тѣнь улыбки...

„Развѣ ты можешь обидѣть меня?“ говоритъ это лицо.

Рука Мани опускается. И даже губы ея бѣлѣютъ.

Онъ съ порога кланяется ей.

Портьера падаетъ за нимъ.

— Я только провожу его,—говоритъ Штейнбахъ.—Подожди...

Когда черезъ десять минутъ онъ входитъ въ кабинетъ, она стоитъ все въ той же позѣ, у окна, раздвинувъ шторы и глядя въ сумракъ. Лицо у нея больное... Глаза пустые. Бѣлыя губы стиснуты съ горечью.

V.

Письмо Мани къ Гаральду.

Тироль.

„Гаральдъ, я васъ не знаю и никогда не видѣла вашего „лица. Еще вчера вы были ничто для меня. Какъ же случилось, „что сегодня вы заняли такое большое мѣсто въ моей душѣ?

„Вчера опять я стояла на распутьи... Жизнь—Сфинксъ, со „всѣмъ, что есть въ ней мрачнаго,—съ самодовольной нагло„стью побѣдителей, съ рабствомъ и нищетой побѣжденныхъ,— „уже не въ первый разъ встала передо мной и задала роковой „вопросъ: „Кому ты служишь?“

„Отвѣтъ для меня былъ только одинъ: „Я служу ликующимъ“.

„И этотъ отвѣтъ подрѣзалъ крылья моей слабой души. Остры „были ступени, по которымъ я шла вверхъ эти годы, стараясь „не думать, не оглядываться. Но я упала и разбилась. И, зады„хаясь въ пыли большой дороги, я говорила себѣ: „Теперь ко„нецъ. Жить уже нечѣмъ...“

„Я прочла вашу *Сказку*. Она долго искала меня.

„Какъ полуослѣпшій отъ мрака узникъ сквозь случайную „расщелину въ стѣнѣ вдругъ видитъ горы, море и просторъ не„бесъ, такъ сквозь призму словъ вашей *Сказки*, за стѣнами „чуждаго мнѣ отнынѣ долга, мнѣ снова открылись свободныя „дали творчества.

„Вы избранникъ, Гаральдъ! Въ вашей власти изъ блѣдныхъ „словъ творить нетлѣнные образы, невѣдомые Жизни, но болѣе „яркіе, чѣмъ она... Что въ сравненіи съ вашимъ чуднымъ да„ромъ мой скромный талантъ плясуньи?.. Какъ тѣни, исчезаю„щія безслѣдно съ экрана, исчезну и я изъ памяти людской, „сойдя со сцены. Ваши стихи будутъ жить.

Псевдонимъ ея Дэзи. Говорятъ, публика нарасхватъ разбираетъ ея фельетоны... Тѣмъ лучше!.. Деньги такъ нужны... Зима идетъ. Она обносилась... Нельзя въ Петербургѣ плохо одѣваться... Вотъ теперь заказала манто... Придется экономить на обѣдѣ.

Вчера она познакомилась въ редакціи *Голоса* съ одной беллетристкой. Дору удивила роскошь ея туалета.

„—Зачѣмъ это?.. Что это стоитъ?“ спросила она.

„—Какъ же можно иначе? Мы на виду! Я зарабатываю пять тысячъ въ годъ. Изъ нихъ двѣ трачу на „представительство“...

Дора улыбается невольно. Потомъ вздыхаетъ. Пять тысячъ!.. Вотъ ужъ кому бабушка ворожитъ! Талантъ у Славиной маленькій, институтски-сентиментальный и слащавый. А вотъ сумѣла же она пробиться въ толстые журналы...

Въ дверь стучатъ. Дора съ досадой встаетъ и съ перомъ въ рукѣ идетъ откинуть крючокъ.

Но тотчасъ же привычка свѣтской жизни беретъ верхъ надъ ея чувствами. Красивое лицо ея складывается въ любезную улыбку, когда она видитъ на порогѣ хрупкую фигурку Зины Липенко.

— Простите, ради Бога!.. Чувствую, что помѣшала вамъ...

— Пустяки... Садитесь, Зина... Хотите кофе?

Дора знаетъ, что Зина всегда голодна.

— Не откажусь... Вся замерзла... Какъ у васъ тепло тутъ!.. А въ моей „мансардѣ“ дышать нечѣмъ, если не отворять фортокъ... А отворишь фортку, зубъ на зубъ не попадетъ.

— Бѣдненькая... Какъ вы можете тамъ жить? Я у васъ полчаса просидѣла, у меня сердцебіеніе началось...

— А гдѣ дешевле найдешь? Тутъ, по крайности, моя редакція близко... Башмаковъ не износишь, да и на конку не тратишься...

— Плохо нашей сестрѣ!—съ юморомъ срывается у Доры.— Посидите немножко... Сейчасъ заварю кофе...

Она выходитъ въ коридоръ. Зина снимаетъ пальто и кидается къ столу. Жадно пробѣгаетъ она написанныя строки...

Что за удачница эта Дэзи!.. Пристроилась къ такой хлѣбной газетѣ... Положимъ, она сама никогда не унизилась бы до этой роли... Писать какіе-то легкіе фельетончики для большой публики... Развѣ это литература?.. Ахъ, ея мечты такъ высоки, такъ прекрасны!.. Если-бъ ея *Стихотвореніе въ прозѣ* было при-

нято въ толстый журналъ!.. Кто изъ нихъ, нынѣшнихъ молодыхъ беллетристокъ, имѣетъ такой запасъ наблюденій... такой огромный матеріалъ, какой собрала она — Зина — за эти семь лѣтъ, прожитые за границей?.. Если-бъ ей описать этихъ злосчастныхъ эмигрантовъ, эти типы русскихъ, умирающихъ съ голоду въ столицѣ міра, съ своимъ университетскимъ образованіемъ, неприспособленныхъ, растерявшихся! Настоящихъ русскихъ „интеллигентовъ"... Сколько она настрадалась изъ-за нихъ, вспомнить жутко!.. И больно за себя. Вѣдь о своемъ... талантѣ... если онъ есть... о своемъ призваніи она забывала поминутно въ этой заботѣ о другихъ. Она была безжалостна къ себѣ, къ своимъ порывамъ, стремленіямъ, настроеніямъ... Все изъ-за этого альтруизма. Будь онъ проклятъ! А теперь молодость уходитъ. Здоровья нѣтъ...

Дверь скрипнула. Зина садится и снимаетъ шляпу.

— Пейте, милая Зина... Вы ужасно блѣдны... Нездоровы, что ли?

— Устала, какъ собака... Рыскаю по городу, чтобъ десять рублей занять... Никто не даетъ... А я сама отдала послѣднее...

— Опять *имъ*?

— Ну, конечно... Кому же? Все ко мнѣ бѣгутъ по старой памяти...

— А зачѣмъ даете?

— Да развѣ можно отказывать?.. Приходитъ вчера... въ первый разъ вижу... И говоритъ: „Я рабочій. Сейчасъ изъ тюрьмы. Высылаютъ на родину. Если не уѣду нынче вечеромъ, погонятъ по этапу. Дайте, пожалуйста, двадцать рублей... Вотъ письмо..." И подаетъ письмо отъ N***... „У меня, говорю, ничего нѣту. Гдѣ мнѣ взять?.. Сама на пятьдесятъ рублей живу. За эту мансарду двадцать-пять плачу..." А онъ мнѣ: „А мнѣ гдѣ взять?.. Я на улицѣ... Заработокъ потерялъ... Въ деревнѣ тоже лишнимъ ртомъ буду. Хоть десять рублей дайте!.." Ну, конечно, дала... Ему мои пятьдесятъ рублей капиталомъ кажутся... И то сказать!.. Выбросила его забастовка изъ колеи и всю его жизнь сломала. Изъ тюрьмы теперь ни на одинъ заводъ не примутъ. Лицо у него землистое. Глаза жалкіе и... страшные... Видно, нелегко ему просить... Ахъ, какой вкусный у васъ кофе! Эту плюшечку можно съѣсть?

— Пожалуйста, пожалуйста... Ахъ, Зина! Какая, въ сущности, все это печальная ликвидація прошлаго!

— Да, что говорить?.. Хорошо еще, что онъ безсемейный... То-есть жены съ дѣтьми нѣту. Я столько съ этими семейными натерзалась!.. Гдѣ ужъ тутъ писать, работать?.. А главное... Не могу, поймите, отказать!.. Я, быть-можетъ, для него послѣдняя вѣточка, за которую онъ уцѣпился... Развѣ можно отнимать у нихъ вѣру въ насъ, интеллигентовъ? Это значитъ разрушать своими руками все, что строили такой цѣною. Я лучше голодать буду, да только, чтобъ у меня на душѣ этого грѣха не было...

Она жадно пьетъ кофе. Дора задумчиво глядитъ въ окно... Все пронеслось... Умчалось... Даже не вѣрится, что было когда-нибудь... Сонъ это яркій приснился имъ, что ли?.. Печально проснуться, когда та же ночь кругомъ...

Зина ставитъ пустую чашку и съ удовлетвореніемъ откидывается въ креслѣ. Краска заливаетъ теперь ея маленькое цыганское личико.

— Я налью еще, милая,—ласково говоритъ Дора.

— Это что!..—послѣ долгой паузы и какъ бы думая вслухъ, продолжаетъ Зина. Она дѣлаетъ маленькіе глотки и блестящими зубами тихонько откусываетъ хлѣбецъ, какъ бы ища продлить удовольствіе.—Съ рабочими легко имѣть дѣло. Народъ это деликатный, утонченный... поразительно утонченный... Къ намъ, партійнымъ,—я говорю о женщинахъ,—они относятся съ какимъ-то благоговѣніемъ... какъ римляне къ весталкамъ, что ли?.. Ей-Богу! И это трогало меня всегда до слезъ... А вотъ какъ я нашихъ эмигрантовъ вспомню, изъ интеллигенціи. Господи, Боже мой!.. Что это за типы между ними попадались!.. Теперь, говорятъ, вся психологія ихъ измѣнилась за эти десять лѣтъ... Много ихъ тамъ скопилось,—это разъ... Обыватель охладѣлъ, и изсякли рессурсы поддержки,—два... Многіе уже зарабатываютъ, даже никакимъ трудомъ не гнушаются... Я слышала, наши интеллигенты теперь въ рабочіе поступаютъ... Да... Но что было въ 1902 году, когда я училась въ Парижѣ!.. Если еврей эмигрантъ, онъ все-таки не терялся, куда-нибудь да пристраивался, зарабатывалъ... А русскіе? Прямо съ голоду умирали. Постоянно я въ пользу русской столовой подписки устраивала, вечера, лекціи... Но вѣдь это была бочка Данаидъ... Ахъ, помню

одну сценку!.. Прохожу я въ столовой... знаете, тамъ, въ улицѣ Saint-Jacques... Безконечная такая, старая улица Латинскаго квартала... И тамъ, около столовой да библіотеки, вся жизнь русской колоніи сосредоточивается. Обособленная такая... строго замкнутая колонія, словно гетто. Городъ въ городѣ... И вся сложная, интересная жизнь Парижа идетъ мимо. А гетто въ сторонѣ...

— Почему же такъ?

— Это ужъ свойство нашей русской души... Поразительная пассивность!.. Отсутствіе интереса ко всему чужому... Вы посмотрите на русскихъ въ театрѣ, въ вагонѣ, въ трамваѣ, въ толпѣ... Угрюмыя лица, враждебные взгляды, или улыбка полная смущенія... Дикари... Ну, словомъ... работала я тамъ, какъ лошадь... Лекціями манкировала, билась, чтобъ объединить ихъ, подвинуть на что-нибудь, заинтересовать... Одна грызня изъ-за программъ... А чуть надо поработать на общее дѣло, ни-ни!.. Всѣмъ некогда... Ну вотъ, иду я разъ по столовой: вижу новое лицо. Эмигрантъ... Одѣтъ прилично. Оказывается потомъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго... Подхожу: «Не пожертвуете ли вы —спрашиваю — чего-нибудь на безплатные обѣды?..» А онъ посмотрѣлъ на меня такими блѣдными, такими пустыми глазами, и говоритъ: „Мнѣ нечего вамъ дать. Я самъ не ѣлъ ужъ четвертыя сутки...“ И пробуетъ улыбнуться. А у самого губы бѣлыя...

— Ужасъ какой!

— Я тоже растерялась тогда... Не догадалась даже покормить его... Выбѣжала изъ столовой и промчалась по всей улицѣ безъ передышки... Очнулась уже версты за три...

— Какъ трудно тамъ, однако, жить!

— И не говорите! Всю душу мою они вымотали... Учиться тамъ я совсѣмъ не могла подъ конецъ... И всѣхъ ко мнѣ посылаютъ... Точно я одна во всемъ Парижѣ!.. Вѣрите ли, Дора? Я всю себя общипала... Даже подушку послѣднюю у меня отняли.

— Что такое?

Обѣ смѣются.

— Ей-Богу, подушку отняли... Сижу я какъ-то въ своей парижской мансардѣ. Холодно. Каминъ не топленъ. Отопленіе тамъ дорого. Мясо недоступно... Голодная сижу и зубрю... Вдругъ стукъ въ дверь... Входитъ съ письмомъ. Интеллигентъ, видно

сразу. Такъ у меня сердце и упало... Опять значитъ бѣгать по городу? Хлопотать и кланяться?.. Въ такую стужу... А у меня еще и перчатокъ не было...

— Бѣдная дѣвочка...

— Сѣлъ онъ и говоритъ: „Мнѣ нужны сорокъ франковъ, одѣяло и подушка... Меня направили къ вамъ... Я только что вчера пріѣхалъ... Былъ у А***. У васъ есть деньги?“—„Ничего—говорю—у меня нѣтъ... Но достать постараюсь“.—„Когда?“—спрашиваетъ. И такъ странно...—„А вотъ не знаю,—отвѣчаю ему,—когда достану... дня черезъ два или три...“ А онъ мнѣ такъ рѣзко: „Я долго ждать не могу. Мнѣ надо въ Женеву выѣхать...“

Дора смѣется, качая головой.

— Понимаете ли?.. Какъ будто онъ меня навѣкъ обязалъ тѣмъ, что „сидѣлъ“ и „бѣжалъ“... Я плечами пожимаю. А онъ сердится. „Какъ же—говоритъ—меня послали къ вамъ? Сказали, что вы можете меня устроить... Ну, дайте—говоритъ—хоть подушку и одѣяло...“—„У меня—говорю—нѣту лишней подушки...“—А онъ опять сердится.—„Да какъ же мнѣ быть безъ подушки? Я сколько ночей въ дорогѣ не спалъ!..“ Тутъ ужъ и я разсердилась. „Поймите,—это я ему опять,—что у меня нѣту подушки для васъ!.. Вотъ единственная моя... Хотите, такъ берите...“

— Неужели взялъ?

— Вотъ нашли дурака! Конечно, взялъ... И одѣяло забралъ. И даже спасиба не услыхала... Онъ на меня какъ на мошку глядѣлъ... Навѣрно даже и имени моего не запомнилъ толкомъ...

Онѣ обѣ весело смѣются.

— Вотъ и судите теперь, какая разница между нашимъ братомъ и рабочимъ!.. Нѣтъ... Знаете ли? Мнѣ даже не жалко этихъ десяти рублей, хотя я и сама впроголодь... Чувствую, что такъ надо. Иначе нельзя...

Она встаетъ и подходитъ къ столу.

— Вы это фельетонъ пишете?

— Да... начала... Что-то не вытанцовывается...

— Трудно „творить“ на заказъ? Сознайтесь...

— И не говорите!.. Совсѣмъ ремесленницей сдѣлалась... А чѣмъ жить иначе?.. Будь у меня хоть какое-нибудь мѣстечко, стала бы я изъ-за хлѣба мѣняться на мелочи? Вѣдь у меня такое хорошее и новое зрѣетъ въ душѣ...

— Прочтете, можетъ-быть?.. Что?.. Новелла? Разсказъ?

— Потомъ... потомъ, —говоритъ Дора, махнувъ рукой, и ея сѣрые глаза въ бахромѣ черныхъ рѣсницъ мечтательно глядятъ въ клочокъ блѣднаго неба надъ слѣпой стѣной дома.

Жгучіе глаза Зины приковались къ этому интересному неправильному лицу съ слишкомъ крупными чертами. Въ чемъ его обаяніе? Не въ этой ли женственности, которой нѣтъ въ самой Зинѣ? Въ этомъ пышномъ бюстѣ, въ лѣнивой граціи движеній? И даже полнота ее не портитъ. Эффектная женщина!.. И не потому ли успѣхъ?

„Ахъ, не надо... не надо такъ думать!“, волнуется Зина. „Мы, женщины, завистливы и мелочны. Надо держаться другъ за друга... Такъ трудно жить!.. Только въ солидарности наше спасенье...“

И словно всколыхнулась внезапно вся горечь и поднялась со дна сердца.

— Вчера... всю ночь проплакала отъ злости... Налейте, голубчикъ, еще чашечку!

— Отъ злости? Вы?.. Можетъ ли это быть? Божья коровка... Зиночка, милая...

— Ну, да... Такъ они меня бѣсятъ... эти наши подающіе надежды...

— Опять?.. Охота вамъ съ ними носиться!.. Чисто пастухъ съ стадомъ... Ха!.. Ха!..

— Послушайте... Надо же ихъ пріохотить къ умственной жизни!.. Нынче выпивка, завтра удовольствіе... А работать-то когда же? Когда развиваться?.. Вѣдь они—стыдно сказать—ничего не читаютъ... ничѣмъ не интересуются... Какое же это будетъ творчество? Развѣ они знаютъ жизнь? Жизнь даннаго момента... Такую сложную, многогранную... обновившуюся?.. Развѣ можно писать, не зная ее?.. Вѣдь все измѣнилось за какихъ-нибудь шесть лѣтъ... И въ психикѣ обывателя... и въ душѣ рабочаго... и въ настроеніи интеллигента... и въ сознаніи революціонера... Камня на камнѣ не осталось!.. А они пробавляются пережитками... впечатлѣніями, полученными семь лѣтъ назадъ... Развѣ такъ можно?.. Долго ли исписаться?.. Ну, нынче вдохновеніе, завтра настроеніе... А потомъ? Читатель ждетъ... Гдѣ они возьмутъ темы?..

— Изъ пальца высосутъ,—смѣется Дора.

— И какое презрѣніе къ читателю!.. Какъ будто это малолѣтка!.. Какъ будто у него нѣтъ чутья!.. Нельзя же на одинъ талантъ надѣяться... Я имъ говорю: „Господа... Будемъ собираться по субботамъ!.. Одну недѣлю рефератъ о западной литературѣ. Прочтетъ такой-то... Потомъ я напишу... Вѣдь вы ничего не знаете о новыхъ вѣяніяхъ въ Европѣ... А въ другую субботу кто-нибудь изъ васъ прочтетъ новое... свое... Надо писать... Каждый день писать. Работать надъ стилемъ... Вѣдь у насъ нѣтъ языка. Это ужасно!.. Никто не любитъ русскаго языка... Посмотрите, какъ Флоберъ и Гонкуры работали надъ стилемъ!.. А у насъ что?.. Написалъ Пшибышевскій безъ мѣстоименій... Всталъ. Пошелъ. Взглянулъ. Выпилъ... Легла... Засмѣялась... Встала... Ушла... И всѣ подражать начали... Или описанія природы, напримѣръ... Никто уже не напишетъ просто, что поднялся вѣтеръ, зашумѣлъ верхушками деревьевъ... Какъ можно? Надо сказать: „Кто-то шелъ тамъ, наверху, раскачивая вершинами...“ И все это „кто-то и что-то“... Все по трафарету... И словечка въ простотѣ не скажутъ... А, главное, вѣдь не свое... чужое...

Дора смѣется.—А вы думаете это легко? Свое-то?

— Ну, скажите, не возмутительно ли это? Неужели вѣчно подражать и не искать ничего дальше?

— Но вѣдь Гаральдъ не подражаетъ?

— Ахъ, Гаральдъ!.. Развѣ я сравню его съ ними?.. Вотъ кто любитъ искусство...

— Ну, что же они... Ваши овечки?

— Разъ явились, другой... А потомъ пошли манкировать... Какъ мальчишки предлоги разные выдумываютъ... Кто по болѣзни, кто по домашнимъ обстоятельствамъ... Ей-Богу, какъ гимназисты!.. Ну, конечно, имъ скучно... На-дняхъ мнѣ Максимовъ говоритъ: „И чего вы негодуете? Прочтите *Богему* Мюрже... (Точно я ее не читала!..) Развѣ не такъ же веселились поэты до насъ?“

Дора звонко и зло хохочетъ...

— Я ему отвѣчаю: „Веселиться-то они веселились. Но зато и трудиться умѣли. Посмотрите-ка, сколько и что они оставили по себѣ: и Мюссе, и Теофиль Готье, и Мериме, и другіе... Развѣ они вамъ чета?..“ Сердится...

— О Теофилѣ Готье онъ, я думаю, и не слыхалъ... вашъ Максимовъ?

Зина машетъ рукой.—Знаете это русское разгильдяйство?.. Потому ли, что я въ Парижѣ на французовъ насмотрѣлась, какъ они трудятся, сколько энергіи вкладываютъ во всякое дѣло, за которое берутся, но мнѣ противна эта русская лѣнь!..

— Плюньте вы на нихъ!

— Не могу!.. Понимаете? Не могу... Я ихъ слишкомъ люблю... Не ихъ, конечно... А таланты ихъ люблю... Вѣдь, подумайте, чего только отъ нихъ ждутъ? Знаете, Дора?.. Легко жить у насъ, на Руси!

— О!!

— Да, легко... Нѣтъ у насъ ни конкуренціи чудовищной, какъ на Западѣ, ни этой struggle for life... Нѣтъ „перепроизводства“... какъ говорятъ газеты... Интеллигенціи слишкомъ мало. Оттого намъ все легко дается: и популярность, и заработокъ, и даже слава... Попробовали бы они всѣ, эти подающіе надежды, толкнуться на книжный рынокъ Парижа!.. Три недѣли... мѣсяцъ... И забытъ романъ, о которомъ прогремѣла пресса. И всплываетъ новое имя... А чтобъ тебя не забыли, пиши еще, еще... издавай, печатайся... Не засыпай ни на одинъ глазъ!.. А то тебя опередятъ, затрутъ, задавятъ...

— Это отвратительно!..

— Нѣтъ, Дора... Только такая школа создаетъ писателя, какъ Зола. Художника, какъ Манэ. Доктора, какъ Шарко. Ученаго, какъ Кюри. Хирурга, какъ Дойена... Это борьба. Безсмѣнная борьба за свое мѣсто въ жизни... А въ этой борьбѣ прогрессъ... Тамъ и жизнь-то вся по-иному. Кто тамъ валяется до десяти въ постели? Кто ложится спать на зарѣ и день обращаетъ въ ночь?

— Перебѣсятся, Зина... Это молодая кровь играетъ... Войдутъ въ колею...

— Конечно, къ сорока годамъ, когда ничего отъ таланта не останется... Это хрупкая вещь—талантъ... И беречь его надо, Дора... Гаральдъ это понимаетъ... Не могу его не цѣнить, хотя и не люблю его за его равнодушіе къ общественности... Знаете?.. Только въ молодости мы чутки и впечатлительны. Только въ молодости можно создать что-нибудь свѣжее... Я имъ го-

„великой любви“... Предчувствовала, что эти поиски кончатся... грязью и пошлостью... Но... силъ не хватало измѣнить жизнь... наполнить душу чѣмъ-нибудь инымъ... И я жила, зажмурившись, что называется... день за днемъ, пока не встрѣтила... этого человѣка...

— И полюбили его, конечно?—съ легкой ироніей срывается у Зины.

— Еще бы!.. Вѣдь онъ на голову былъ выше всѣхъ... Земскій врачъ, ученый, написавшій нѣсколько книгъ... Его и за границей знали по имени. Да, онъ любилъ науку... Его звали въ столицу. Но онъ по убѣжденію оставался въ земствѣ. Иной работы онъ не признавалъ...

— Русскій?

— Еврей... Это была такая цѣльность, такая кристалльная ясность души!.. Всѣ мы тамъ по немъ съ ума сходили. А онъ упорно видѣлъ въ насъ только людей...

— И это васъ обижало?.. Сознайтесь!

Зина тонко улыбается.

— Да, представьте!.. Вотъ какой хаосъ бываетъ въ женской душѣ!.. До чего мы всѣ суетны и ничтожны!.. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на наше маленькое общество. Еще бы! Глушь... И вдругъ такая личность!.. Образовались кружки. Стали читать... Пикники бросили... то-есть мы, женщины... Мужчины попрежнему пили... играли ночи напролетъ... подсмѣивались надъ докторомъ... „Пашой“ его звали... Но онъ свою линію гнулъ... Былъ тутъ голодъ... Онъ добился открытія столовой, самъ ѣздилъ къ губернатору... Всѣхъ привлекъ на работу... Точно воскресли мы тогда... Цѣлые дни съ нимъ. И всѣмъ намъ обойденнымъ, неудовлетвореннымъ, несчастнымъ въ бракѣ, всѣмъ съ нимъ тепло было... Жизнь точно улыбнулась..

Дора мелкими глотками отпиваетъ остывшій кофе. Щеки ея запылали. И тѣнь рѣсницъ красиво оттѣняетъ эти краски.

— И вотъ пріѣхалъ онъ ко мнѣ какъ-то вечеромъ, когда я разссорилась съ своимъ... возлюбленнымъ... Ахъ, это было такое униженіе!.. Стыдно вспомнить!.. Приревновала его къ какой-то пустенькой дамочкѣ...

— Но вѣдь вы же не любили его?—И Зина наивно раскрываетъ свои темные глаза южанки.

— Какое вы дитя!.. Конечно, не любила. Но, вѣдь, я жила съ нимъ открыто, какъ жена... Я для него бросила дѣтей. Мое самолюбіе страдало, поймите... И вотъ... я ему сдѣлала жестокую сцену... „Уйду,“ кричала я... „Уйду!..“—„Куда?“—спрашивалъ онъ, цинично подсмѣиваясь.—„Куда глаза глядятъ...“ Ну, да вѣдь это легко сказать!.. А куда бы я ушла? На сцену... только... А развѣ тамъ мало такихъ, какъ я? Бѣлоручекъ и бездарностей?.. Ну вотъ... отъ этой перепалки мой „возлюбленный“ сбѣжалъ въ клубъ... Я лежу, плачу... головы поднять не могу отъ мигрени. О самоубійствѣ помышляю... Вдругъ звонокъ... Входитъ докторъ... Ужъ не знаю, какой стихъ нашелъ на меня, но я ему всю душу открыла... И опять не помню, какъ это случилось... но... я ему сказала, что люблю его... что жить не могу безъ него...

— Растаялъ, конечно?

Дора стискиваетъ виски. Лицо ея теперь пылаетъ.

Черезъ полъ или стѣны, снизу ли, сверху ли, доносятся къ нимъ звуки рояля. Кто-то настойчиво и бездарно, поминутно ошибаясь, начинаетъ все одинъ и тотъ же пассажъ.

— До чего мучительно вспоминать эти минуты!.. Но... только благодаря имъ я стала тѣмъ, что я есть... Онъ оттолкнулъ меня... Грубо... съ презрѣніемъ... съ насмѣшкой... Да... да... „Вы думаете,“—сказалъ онъ,—„что вы меня осчастливили этимъ признаніемъ?.. Но кто вы такое?.. Содержанка господина А***...“

— Какъ это низко!

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Это было прекрасно... Только такое оскорбленіе могло мнѣ открыть глаза... Онъ говорилъ: „Развѣ вы личность? Чего вы стоите сами по себѣ... безъ отца, безъ мужа, безъ любовника? Вы только паразитъ, придатокъ къ чужой жизни. Услада господина А***, какъ были усладой своего мужа... За что васъ уважать? За что васъ любить?.. Ваша душа... Да гдѣ она? Въ чемъ она выразилась?.. Въ нарядахъ на чужой счетъ, въ угарной жизни... Гдѣ ваша гордость? Въ чемъ ваша вѣра?.. Ну, уйдете вы отъ А***... Куда? къ Б*** или къ В***... Такія, какъ вы, непремѣнно къ кому-нибудь должны идти... Развѣ вы проживете самостоятельно?.. Что вы умѣете? Какое ваше назначеніе въ жизни?.. Если-бъ я былъ

на вашемъ мѣстѣ, я давно убѣжалъ бы...“ Я кричу: „Куда? Скажите, куда?.. Научите!..“ А онъ: „Въ жизнь, въ самую гущу... на улицу... работать... Хоть въ горничныя, только чтобъ на своихъ ногахъ стоять!..“ Ахъ!.. И еще говорилъ такое обидное... такое ужасное... Я разрыдалась, помню... Кричу ему съ ненавистью: „Уходите!.. Уходите!..“ Ну... онъ ушелъ, а я... отравилась...

— Вы?.. Дора...

— Да... отравилась... Только и этого не сумѣла... Онъ говорилъ мнѣ потомъ, что ждалъ этого... Ждалъ какой-то бѣды... и полчаса бродилъ кругомъ дома... Потомъ позвонилъ... И прямо ко мнѣ въ спальню кинулся... А я уже опіума наглоталась... Думала, что умираю... Шепчу ему: „Прощайте!.. Презрѣнья вашего перенести не могла...“ Ну... просидѣлъ онъ надо мною всю ночь... Боролся со смертью... Тотъ... другой... тоже прибѣжалъ изъ клуба... Упалъ у постели, рыдаетъ... Думалъ, что это я изъ-за него покончить съ собой хотѣла...

— Господи!.. Ужасъ какой!—срывается у Зины.

— Да, будь у меня слабое сердце, я не встала бы... Но... какъ видите... Это онъ меня поднялъ... Цѣлую недѣлю сидѣлъ у моего изголовья, какъ ребенка въ голову цѣловалъ, по волосамъ гладилъ... А я все плакала... плакала... А когда встала, наконецъ, и сѣла у окна въ креслѣ, въ первый разъ, мнѣ показалось, что я опять стала дѣвочкой-подросткомъ, съ длинной косой и съ душой свѣтлой и радостной... Тѣ слезы смыли всю пыль съ нея, всю грязь, что пристала къ ней... И мнѣ опять показалось, что стоитъ жить... хотя бы для того чтобъ заслужить его уваженіе...

Обѣ долго молчатъ. Сумерки падаютъ и заполняютъ всѣ углы комнаты.

— Онъ полюбилъ васъ, Дора, за эти страданія?—шопотомъ спрашиваетъ Зина.

— Не знаю... (Дора вдругъ вынимаетъ платокъ и закрываетъ имъ глаза.) Я выздоровѣла. А мѣсяцъ спустя... онъ умеръ...

— Умеръ?—горестно вскрикиваетъ Зина, подаваясь впередъ.

— Да... (Голосъ Доры срывается.) Въ уѣздѣ свирѣпствовалъ тифъ. Онъ работалъ, не жалѣя себя... Переутомился что ли?.. Болѣлъ всего недѣлю...

Опять настаетъ пауза. За стѣной слышенъ плачъ ребенка, какіе-то озлобленные женскіе голоса. Настойчиво и безнадежно, все съ тѣми же ошибками, бѣдная маніачка повторяетъ пассажъ своего этюда.

Зина большими глазами глядитъ на пріятельницу.

Какъ много она испытала!.. Неужели она этого не опишетъ?.. И невольная зависть крадется въ душу... Любить, страдать, быть близкой къ смерти... Чего бы она ни дала, чтобъ пережить все это самой!.. Только жизнь куетъ талантъ. Только она развертываетъ всѣ возможности, заложенныя въ насъ самихъ... Неужели послѣ такого бурнаго прошлаго Дора остановится на однихъ фельетонахъ?..

— Теперь я начинаю догадываться... Это его вліяніе толкнуло васъ сюда?

— Конечно... Когда онъ умеръ, а я поправилась, я... (какъ это ни странно... я никогда не думала о немъ, какъ о мертвомъ... Мнѣ казалось, что онъ гдѣ-то рядомъ и... ждетъ...) Я просто и спокойно предложила господину А*** разъѣхаться... Я была ему уже чужой тогда... Я рѣшила въ Петербургѣ искать заработка... Онъ не понималъ меня... Но, конечно, меня не остановили его мольбы... Я взяла у него взаймы триста рублей... Здѣсь живетъ кузина... Вы ее знаете? Ну, да... извѣстная переводчица. Я просила ее устроить меня, найти мнѣ заработокъ... Но она и вся родня моя встрѣтили меня, какъ врага. Они не могли мнѣ простить моего развода...

— Мѣщанки!

— Да... Онѣ, считающія себя передовыми, оказались буржуазками. Только тутъ, Зина, я поняла, чего ждать отъ женщинъ!.. Для насъ, дерзнувшихъ... для насъ, ищущихъ,—онѣ всегда враги!.. Мужчина пойметъ и поддержитъ скорѣе!.. Женщина консервативна всегда, какъ бы ни была она образована. Это налетъ... Поскоблите его, и изъ-подъ него всегда выглянетъ мѣщанка и рабыня, для которой нѣтъ почетнѣе и желаннѣе положенія жены своего мужа...

Зина сочувственно киваетъ черной головкой.

— И вотъ я очутилась буквально на улицѣ... Все продала, все заложила... Жила на одномъ чаю и хлѣбѣ цѣлый мѣсяцъ... Бралась за всякую работу... И бонной была, и гувернанткой...

Но никто не держалъ... Какъ узнаютъ, что я разводка,—конецъ! Какъ отъ чумной сторонятся... Искала мѣста продавщицы... Гдѣ тамъ! Только мерзостей наслушалась во всѣхъ конторахъ... Наконецъ вспомнила объ Z... Я его видѣла у кузины только разъ... Знаете Z?..

— Критикъ „*Голоса*"? Еще бы не знать!

— Мнѣ вспомнилось его лицо не отъ міра сего, его глаза... Кинулась къ нему... Ужъ не знаю, слезы ли мои, видъ ли мой ужасный подѣйствовали на него? Или онъ зналъ мою исторію?.. Но онъ далъ мнѣ работу... познакомилъ съ редакціями, написалъ въ московскія газеты... Вотъ и все...

— Это удача!

— Еще бы!.. Тридцать разъ могла погибнуть... Но знаете ли? О самоубійствѣ я никогда уже не думала... Такая жажда у меня была вынырнуть! Такое упорное стремленіе жить... жить!.. Найти себя... въ себя повѣрить... оправдать *его* ожиданія... Ахъ, Зина, что говорилъ онъ мнѣ въ чудные дни, когда я лежала безъ силъ, а онъ сидѣлъ у моего изголовья!.. Онъ говорилъ: „Вотъ вы встанете и уйдете въ новую жизнь... Но все должно быть ново въ ней... Не только рамки, а и содержаніе... Забудьте все, чѣмъ жили: тоску по дѣтямъ, жажду счастья... поиски любви... Откажитесь отъ нея совсѣмъ!.. Имѣйте это мужество... Найдите въ жизни иную цѣль... Поставьте въ центрѣ ея что-нибудь другое... И вы почувствуете, какъ измѣнится жизнь, какъ обновится ваша душа..."

— Неужели онъ это говорилъ? Сколько разъ я сама...

— Да... да... Я и сейчасъ вижу его глаза... Эти запавшіе, строгіе, неземные глаза... Его голосъ слышу... „Всѣ думаютъ, что счастье—это любовь..." говорилъ онъ.—„Всѣ ищутъ ее на всѣхъ дорогахъ. Всѣ ее ждутъ... И не хотятъ понять, что любовь—это болѣзнь... это недугъ... какъ корь, какъ лихорадка... Она придетъ нежданная, какъ воръ въ ночи. Вцѣпится въ тебя, какъ звѣрь... И съ нею, какъ съ звѣремъ, надо бороться!.." „Зачѣмъ?"—спрашиваю... А онъ отвѣчаетъ: „Чтобы сохранить свою личность, то-есть самое цѣнное и прекрасное, что есть въ человѣкѣ... Сколько преступленій изъ-за любви!"—говорилъ онъ еще... — „Сколько драмъ... Компромиссовъ, униженій! Какъ больно за человѣка! За великую душу,

рожденную свободной... и закованной въ цѣпи страстью и безуміемъ...“

— Какъ хорошо!—шепчетъ Зина, придвигаясь и беря захолодѣвшія руки Доры.—Какъ я понимаю его!.. Я всегда это думала... Ахъ, зачѣмъ умеръ такой человѣкъ?.. Онъ самъ кого-нибудь любилъ?..

— Да... Онъ сознался мнѣ, что много выстрадалъ въ юности. Его бросила жена... И онъ всю душу отдалъ наукѣ. Всю жизнь посвятилъ людямъ. И нашелъ радость и новыя силы... Ахъ, милая Зина!.. Какимъ цѣльнымъ онъ казался мнѣ! А вѣдь въ душѣ его тоже была трещина... Онъ говорилъ: „Любовь уходитъ, и мы безсильны ее удержать... Въ одинъ прекрасный день наступаетъ отрезвленіе. А, между тѣмъ, мы уже скованы цѣпью съ человѣкомъ, чужимъ отнынѣ... болѣе чужимъ часто, чѣмъ первый прохожій... На иллюзіи строится жизнь... Законы, вся общественность возникли на обманѣ чувствъ, на роковой ошибкѣ, требующей, чтобъ волна остановилась, чтобъ вѣтеръ упалъ... чтобъ камень, брошенный вдаль, замеръ въ пространствѣ... чтобъ порывъ, живущій мигъ, длился вѣчно... Вотъ источникъ трагедіи“... „Будьте трезвы!“—говорилъ онъ.—„Счастье лишь въ насъ самихъ. Лишь въ нашей душѣ живетъ вся радость... Лишь тамъ дремлютъ всѣ клады. Не ждите ничего отъ другихъ! Не ищите ни любви, ни дружбы. Давайте все, не требуя ничего взамѣнъ... потому что въ душѣ вашей сокровища... Не бойтесь обѣднѣть!..“ И онъ говорилъ, помню, такъ: „Боритесь за просторъ для своей души! Развивайте все, что заложено въ ней... Любите науку, искусство, людей... Стройте жизнь!.. И вы будете счастливы. И не узнаете ни измѣнъ, ни обмана. Ни обиды, ни униженія...“

Онѣ опять молчатъ въ глубокой задумчивости.

Въ комнатѣ стемнѣло. За стѣной смолкъ ребенокъ. Затихли женскіе споры. Только піанистка попрежнему назойливо, съ ожесточеніемъ маніака повторяетъ свой пассажъ.

И странно думать, что здѣсь, рядомъ... и тамъ, внизу, идетъ чужая жизнь, такая безконечно далекая, такая обособленная... полная, быть-можетъ, той же борьбы, того же отчаянія, такихъ же цѣпкихъ надеждъ, такого же жуткаго одиночества...

— Теперь я понимаю васъ, Дора. Вотъ почему вы избѣгаете общества... то-есть мужчинъ...

— А... Вы это тоже слышали?

— Еще бы!.. На меня и на васъ „всѣ взоры устремлены“... говоря высокимъ слогомъ... Ищутъ... нюхаютъ... подглядываютъ... Вѣрить не хотятъ, что никого у насъ нѣтъ... что мужчины намъ не нужны... Они привыкли къ уступчивости Лидіи Аркадьевны...

— Лили?—усмѣхается Дора. И недобрая эта улыбка.

Зина вдругъ схватывается за виски.

— Ахъ, опять, опять я говорю подлости!.. Какъ трудно быть вполнѣ честной и терпимой къ людямъ!.. Зачѣмъ мы осуждаемъ ее? Вѣдь она нашъ товарищъ...

Сжавъ губы, Дора играетъ колечкомъ на своемъ мизинцѣ.

— Я не люблю ее...

— За что?

— Не знаю... Это необъяснимая антипатія...

„Гаральдъ...“ вдругъ всплываетъ догадка, и жгучіе глаза Зины тревожно впиваются въ лицо Доры, блѣднымъ пятномъ бѣлѣющее въ сумеркахъ. „Неужели и эта то же?..“

— Она несчастный человѣкъ,—искренно говоритъ Зина.— Всю жизнь ищетъ любви, а встрѣчаетъ только... гадость... Развѣ это не драма? Вы лучше всѣхъ должны бы ее понимать...

— Нѣтъ!.. Я никогда не симулировала ни любви, ни увлеченія... Она изъ выгоды, изъ честолюбія, изъ карьеризма готова отдаться каждому...

— Она ищетъ счастья... по-своему... Нѣтъ... Не будемъ ее судить! Мы должны поддерживать другъ друга... Мы, женщины... Пусть ее судятъ другіе! Но, вѣдь, мы товарищи... Мы такъ одиноки въ этомъ мірѣ литераторовъ!.. И если мы не будемъ держаться другъ за друга... Да... И я ее не люблю, Дора! Но я никогда не откажу ей ни въ деньгахъ, ни въ совѣтѣ, ни въ участіи... Она такъ жалка съ этой жаждой наслажденья... съ этой грезой о вѣчной любви!.. Вы посмотрите когда-нибудь внимательно въ ея глаза... Какая тамъ тоска!.. Она никого не уважаетъ... Ни въ кого не вѣритъ... Развѣ это не трагедія?

Она встаетъ. Дора растроганно протягиваетъ ей руки.

— Зина... Дайте, я поцѣлую ваше личико!.. Какая вы добрая! Вы лучше меня... Легко вамъ жить съ такимъ сердцемъ!

Зина смѣется.—Ну, знаете ли!.. И я не очень добра бываю...

Объ этомъ спросите Семенова и Лушкова... Я ихъ такъ вытолкала третьяго-дня изъ моей мансарды... чуть не избила ихъ...

— Ха!.. Ха!.. За что?

— Этакіе негодяи!.. Пріѣхали пьяные и оба накинулись на меня... „Весталочка... поѣдемте ужинать!..“ Какая наглость!.. Какъ будто я кокотка! И все это потому, что я одинока и беззащитна... А Семеновъ-то? Зоветъ за границу съ собой. „Я,— говоритъ,—безъ жены поѣду, а васъ за жену буду выдавать...“ Хорошъ?.. Я ему чуть пощечинъ не надавала... Въ ихъ глазахъ разъ женщина живетъ одна, стало-быть она общая добыча...

— Должно-быть, у нихъ есть основанія такъ думать...

— Ахъ, знаю, на кого вы намекаете! Не будьте злой, Дора! Но разъ я не подаю повода, и вся моя жизнь какъ подъ стекломъ? Ну, Богъ съ ними!.. У меня чуть желчь не разлилась отъ этого визита... Ахъ... Боже мой!.. Изъ головы вонъ... Вѣдь я прибѣжала просить васъ... Выручите меня до пятнадцатаго... до получки гонорара... Дайте десять рублей...

— Сейчасъ, сейчасъ...

Дора кидается къ столу, вынимаетъ тощій кошелекъ... Шаритъ еще по ящикамъ... Потомъ зажигаетъ свѣчку...

— Простите... Вотъ... девять рублей... Больше нѣтъ...

— Неужели послѣдніе? Я думала...

— Берите, пожалуйста... Я завтра авансъ получу... вотъ за этотъ фельетонъ...

— Я вамъ помѣшала работать?

— Что вы?.. Передо мной цѣлый вечеръ, ночь...

Зина раздумчиво глядитъ на деньги.

— Дора... Я никогда не думала, что вы нуждаетесь, какъ я... Вы такъ много пишете... вамъ хорошо платятъ...

— А долги?.. Вотъ я уже годъ выплачиваю мой долгъ господину А***....

— Вотъ какъ!..

— Да, это меня страшно угнетаетъ... Чужому легче обязываться... Вы понимаете?

— Еще бы!.. Вы, значитъ, переписываетесь?

— Онъ пишетъ... зоветъ... Даже пріѣзжалъ недавно... На колѣняхъ просилъ вернуть прежнее... Какъ будто что-нибудь можно вернуть!.. А потомъ... ха!.. ха!.. (болѣзненно срывается ея смѣхъ) а потомъ мужъ пріѣхалъ...

— Неужели? Когда?

— На прошлой недѣлѣ былъ... Съ дочкой... Тоже умолялъ все забыть и вернуться... Растравилъ онъ тогда всю мою душу... Зачѣмъ онъ привезъ Маню?.. Я думала, что отвыкла...

Она захватила платокъ зубами и рванула его.

Зина замерла у двери.

Когда черезъ минуту она подходитъ проститься, Дора плачетъ, отвернувшись къ стѣнѣ.

Зина медленно спускается по лѣстницѣ... Проходя мимо двери, въ третьемъ этажѣ, она явственно слышитъ назойливый, упорно повторяемый, не удающійся пассажъ этюда.

На секунду Зина останавливается, и горькая улыбка кривитъ ея блѣдный ротъ:

„Мы тѣ же маніаки, быть-можетъ... Если отнять у насъ это упорство... это стремленіе?.. Снизу глядитъ на насъ страшное лицо. Въ этой безднѣ дремлютъ темныя силы. Развѣ знаемъ мы ихъ? Развѣ знаемъ, когда онѣ проснутся и возьмутъ насъ за горло?.. Но мы строимъ надъ бездной мостъ. Мы не хотимъ погибнуть...“

II.

Оглушительный звонокъ раздается въ передней. Анна Сергѣевна бросаетъ пыльную тряпку и кидается въ переднюю.

— Что такое?—спрашиваетъ Петръ Сергѣевичъ, выходя изъ кабинета.

Анна Сергѣевна уже боится чего-то.

— Кто тамъ?—черезъ дверь спрашиваетъ она.

— Я... я... я!..—звенитъ жизнерадостный молодой голосъ.

Анна Сергѣевна молчитъ секунду, растерявшись.

— Да вѣдь это Маня! — срывается у Петра Сергѣевича.— Маничка!!..—истерически вскрикиваетъ онъ, откидывая болтъ. И судорожно обнимаетъ сестру, кинувшуюся ему на грудь.

Анна Сергѣевна плачетъ и, стоя сзади, гладитъ плечи Мани... Вотъ, наконецъ, свидѣлись!.. Боже мой, какъ давно!.. Боже мой, какъ долго не видались...

— Вѣчность, вѣчность!—твердитъ Маня. У нея тоже глаза полны слезъ. Но лицо сіяетъ.

— Какая красавица!.. Покажись-ка!.. Ахъ, вся въ мать!.. Вылитая мать теперь... Правда, Петя?

— Похожа... Но „своего“ много...—Онъ смѣется. Весь сморщился, какъ старичокъ.

— А гдѣ *она*?—тревожно спрашиваетъ Маня.

— Въ санаторіи доктора Л***. Ей тамъ чудесно... Лучше, конечно, чѣмъ было у насъ... Снимай же шляпу!.. Что же мы тутъ стоимъ?

— Шляпа-то какая, Петя, посмотри!.. Перья какія чудесныя... Ну, чего хочешь? Кофе? Чаю?..

— Дайте чаю... Вы значитъ остались тутъ же?—спрашиваетъ Маня, озираясь въ столовой.

— Привыкли,—говоритъ Петръ Сергѣевичъ.

— А дѣла твои, Петя? Практика есть?

— Помаленьку... Работаю много. Диссертацію защитилъ недавно...

— Блестяще сошла!—кричитъ Анна Сергѣевна, убѣгая на кухню.

Они входятъ въ кабинетъ. Скромная обстановка умиляетъ Маню... Вѣдь во всемъ отказывалъ себѣ, чтобъ поддержать ее за эти три почти года... Они садятся на диванъ, обтянутый американской клеенкой. Съ безмолвной горячей лаской Маня обнимаетъ брата и щекой прижимается къ его лицу.

— Лѣнтяйка,—шепчетъ Петръ Сергѣевичъ, гладя ее по щекѣ.—Кабы не Маркъ Александровичъ и не фрау Кеслеръ, ничего бы о тебѣ не знали... По два письма въ годъ... Безстыдница...

— Петечка, милый... Мнѣ не легко жилось... Огорчать не хотѣла. А лгать не умѣю...

— Почему тяжело?.. Да... мало высылалъ?.. Чего-жъ молчала? Я бы занялъ...

— Ахъ, не то! Не то... Развѣ когда-нибудь... Лишенія мнѣ всегда были ни по чемъ...

— Что же еще?—дрогнувшимъ звукомъ срывается у него. Мягко отстранившись, онъ пристально разсматриваетъ ея поникшее лицо. Совсѣмъ другая стала... Ничего, въ сущности, не осталось отъ прежней Мани... Ротъ другой. И глаза не тѣ...

— Ахъ, Петя... потомъ... когда-нибудь... Я вѣдь черезъ мѣ-

сяцъ сюда вернусь. Буду тутъ гастролировать, въ антрепризѣ N***. Ты увидишь, какъ я работаю...

Онъ невольно улыбается этому техническому термину. Маня это видитъ... Чудачокъ!.. Онъ, пожалуй, какъ многіе, думаетъ, что ея ремесло легко... Легче всякаго другого?

— А здѣсь ты надолго?

— Нынче вечеромъ выѣзжаю въ Петербургъ, на гастроли въ *Студію*...

— И много получишь?

Она смѣется, растопыривъ пальцы обѣихъ рукъ...

— Что такое?.. Сколько?

— Двадцать тысячъ въ два мѣсяца тамъ и здѣсь...

Петръ Сергѣевичъ встаетъ, пораженный... Она смѣется.

— Возмутительно! — говоритъ онъ, вздергивая плечами.— Бросать такія деньги на театръ... Въ такой бѣдной странѣ, какъ Россія...

Опустивъ голову, Маня разглядываетъ кольца. Щеки ея чуть-чуть поблѣднѣли... Вспомнился Ксаверій...весь разладъ, пережитый ею недавно... „Подумайте объ оправданіи вашей жизни...“

Когда она поднимаетъ голову, лицо ея точно постарѣло. Но она мягко улыбается брату.

— Поди, поди сюда!.. Я поцѣлую тебя... Ты умиляешь меня, Петя... Все тотъ же ты, что и былъ... Но, видишь ли?.. Если-бъ люди не любили такъ страстно... не искусство, нѣтъ!.. Если-бъ они не любили зрѣлища, то мнѣ не удалось бы уплатить тебѣ мой долгъ и расквитаться съ Маркомъ...

— Ахъ, вотъ это хорошо!.. Хорошо, что ты съ нимъ-то разсчиталась... Со мной-то и погодить можно было-бы... Свои люди... Знаю, что я непослѣдователенъ...—Хрустнувъ пальцами, онъ опять начинаетъ ходить по комнатѣ.—То-то мы съ Аней диву дались, получивъ сразу такую уйму денегъ... Точно съ неба онѣ тебѣ свалились... Ай... ай... ай!.. Какая знаменитость!

Онъ улыбается, издали какъ чужую разглядывая эту женщину. Она въ бархатномъ платьѣ, съ жемчужной ниткой на шеѣ,—подаркомъ лондонскихъ поклонниковъ,—въ эффектной модной прическѣ, съ тысячными кольцами на рукахъ. Опять лицо его морщится, и онъ похожъ на старичка.

— Идите... чай готовъ!—кричитъ Анна Сергѣевна.

Въ столовой Маня говоритъ:

— Что же вы меня о Ниночкѣ не спросите?..

— Ахъ, да!.. Гдѣ же она?.. Въ Москвѣ?

— Сейчасъ сюда пріѣдетъ Маркъ съ фрау Кеслеръ... Они ее привезутъ...

Братъ съ сестрой переглянулись. Они давно подозрѣваютъ, что Штейнбахъ возлюбленный Мани. Но она, кажется, и не хочетъ этого скрывать...

Маня подходитъ къ окну и смотритъ въ переулокъ.

...Сумерки падаютъ... Вотъ сейчасъ, на томъ троттуарѣ, она разглядитъ черную фигуру Штейнбаха... Она одѣнется и побѣжитъ на бульваръ, полная смятенія... Она—невѣста Нелидова.

...А Маркъ пойдетъ по ея стопамъ и настигнетъ ее... И побѣдитъ въ этой борьбѣ... „Мы оба дѣти несчастія", звучитъ его голосъ изъ далекаго прошлаго... „И мы встрѣтились недаромъ..."

— Маничка, чай остынетъ,—зоветъ сестра.

Она отходитъ отъ окна, вся застывшая, вся далекая...

Она знала, когда ѣхала сюда, что прошлое нельзя забыть; что оно выйдетъ изъ всѣхъ угловъ и разбудитъ въ душѣ ея заснувшую тоску... Но у нея былъ талисманъ отъ всѣхъ сомнѣній, отъ всѣхъ воспоминаній. Этотъ талисманъ Гаральдъ!..

Почему же такъ блѣдно его имя сейчасъ? Развѣ она не выстрадала уже свободы своей души? Развѣ не ушла отъ стремленія къ смерти, вотъ въ этихъ стѣнахъ, охватившихъ ее съ такой грозной мощью? Нелидовъ... Что это?.. Свѣтлый сонъ?.. Или кошмаръ?.. Чего не хватаетъ ей сейчасъ?.. Не побѣдительницей развѣ вернулась она въ этотъ домъ, откуда уходила когда-то побѣжденная?

Звонокъ... Они бѣгутъ въ переднюю.

Слава Богу!.. Маркъ... Не надо ни отвѣчать, ни занимать разговорами...

...Въ померкшей душѣ все громче звучатъ голоса... Она видитъ себя, бѣгущей по этому переулку въ метель... Фонари гаснутъ подъ порывами бури. Въ двухъ шагахъ ничего не видно... „Николенька... Ты?.."

...Вотъ онъ передъ нею, несчастный, дрожащій, растерявшійся, какъ ребенокъ... То, чего онъ боялся, свершилось. Онъ полюбилъ обреченную...

...„— Николенька, если судьба меня прокляла, стань выше судьбы!.. И прижми меня къ сердцу..."

...Они обнялись. Прижались другъ къ другу съ отчаяніемъ. Какъ будто міръ рухнулъ за ними, и они остались вдвоемъ. Онъ не отрекся отъ нея. Онъ любитъ!.. Спасена . . . .

— Это ангелъ... ангелъ!.. — какъ сквозь сонъ доносится до нея плачущій голосъ Анны Сергѣевны.—Золотые локоны, голубые глазки... Какое чудное дитя!

Петръ Сергѣевичъ смущенно крутитъ бороду... Онъ видѣлъ Нелидова только разъ въ жизни. Но дѣвочка его портретъ...

Шумно стало сразу въ столовой. Фрау Кеслеръ говоритъ безъ умолку, жалуется на Маню... Такая транжирка!.. Ужасъ!.. Пришли къ ней въ Парижѣ русскія курсистки. Она тысячу франковъ дала имъ. Отъ столовой пришли... Пятьсотъ франковъ!

— Что-жъ, это хорошо,—улыбается Петръ Сергѣевичъ, гладя и цѣлуя ручку Ниночки. Тоской и умиленіемъ полна его душа.

— Хорошаго мало... Всѣхъ не накормишь... А сломаетъ она ногу, или заболѣетъ, тогда что?.. Нѣтъ, я теперь взялась за умъ. Отымаю у нея деньги и вношу на имя Нины. Надо ей что-нибудь скопить... Ребенку въ ея положеніи...

— Что такое? — дрогнувшимъ голосомъ перебиваетъ Маня и ставитъ назадъ чашку, которую несла къ губамъ.—Повтори, что ты сказала...

Всѣ словно замерли въ комнатѣ... „Что за глаза!..“ думаетъ Штейнбахъ. „И грозятъ и молятъ...“

— Не будь мѣщанкой, Агата, — черезъ мгновеніе холодно говоритъ Маня. — Артисты не для того работаютъ годами, совершенствуются и творятъ, чтобъ въ личной жизни подчиняться предразсудкамъ и обычаямъ толпы... У Сарры Бернаръ никто не смѣлъ спросить, кто отецъ ея Мориса? У него была мать... И этого довольно...

Петръ Сергѣевичъ черезъ столъ протягиваетъ руку и гладитъ пальцы Мани. Шумный вздохъ облегченія срывается у него. Онъ улыбается съ удовлетвореніемъ. „Ей-Богу, хорошо сказано!.. Ай-да Маничка!..“

Маня молча пьетъ чай, не принимая участія въ бесѣдѣ, которой овладѣлъ Маркъ. Она не видитъ его бѣглыхъ, острыхъ взглядовъ.

Уѣзжая, Маня говоритъ:

— Жду васъ обоихъ въ шесть вечера на обѣдъ въ мою гостиницу...

— Будемъ пить шампанское,—смѣется фрау Кеслеръ.

Петръ Сергѣевичъ высоко поднимаетъ брови.

— Это по какому случаю?

— Какъ вы странно спрашиваете?—отвѣчаетъ Штейнбахъ.— Развѣ Марія Сергѣевна не осуществила всего, о чемъ мечтала? Не прошла она развѣ долгій и трудный путь прежде, чѣмъ достигнуть цѣли?.. Вы скажете, что она баловень судьбы, что она избранница? Да... Но не одинъ талантъ даетъ намъ силы въ борьбѣ съ жизнью. Ее побѣждаетъ только трудъ. Упорный трудъ и вѣра въ своего бога. Этотъ богъ—Искусство...

— Браво! Браво!—весело подхватываетъ фрау Кеслеръ.

И Петръ Сергѣевичъ вдругъ вспоминаетъ вечеръ въ гимназіи, когда маленькая Маня плясала передъ восхищенной публикой. Не мечталъ ли онъ самъ тогда о новой дорогѣ для этого ребенка? Не жаждалъ ли онъ самъ въ душѣ ея найти иного бога?.. Не любовь?

И, какъ бы отвѣчая на его мысль, Штейнбахъ заканчиваетъ:

— Широкій путь открылся теперь передъ Маріей Сергѣевной. Слава, любовь публики, независимость, творчество... Пожелаемъ же ей пройти этотъ путь съ высоко поднятой головой, какъ идутъ побѣдители!.. Не зная колебаній, презирая сомнѣнія, торжествуя надъ блѣдными печалями и маленькими радостями средней женщины... свободной отъ ихъ иллюзій и разочарованій... И въ этой новой жизни пожелаемъ ей новаго счастья, не похожаго на то, чѣмъ она жила *вчера*. И чѣмъ еще *завтра* будутъ жить тысячи другихъ!..

Маня надѣвала у зеркала шляпу. Руки ея дрогнули и замерли надъ головой...

„Странный тонъ!.. Торжественный и горькій... Онъ прочелъ сейчасъ въ моей душѣ?.. Отъ него нѣтъ тайнъ... Это ужасно!..“

III.

Петербургъ тонетъ въ туманѣ. Снѣга нѣтъ. Сырость пронизываетъ. Даже тяжело дышать.

— Поѣздъ подходитъ,—говоритъ сторожъ веселой компаніи, пьющей кофе съ коньякомъ въ буфетѣ перваго класса.

— Петя... Постой, куда ты? —кричитъ нарядная Дуничка Коровина вслѣдъ Лихачеву.

Но онъ сорвался съ мѣста, бросилъ на столъ золотой и тоже бѣжитъ на платформу. Щегольское пальто его разстегнуто. Барашковая модная шапка съ неправильно продавленнымъ верхомъ сидитъ набекрень. Онъ не можетъ скрыть охватившаго его волненія.

— Лихачевъ, поднесите ей букетъ!—кричитъ, догоняя его директоръ, богатый купецъ Евтихьевъ. Это кругленькій человѣчекъ съ брюшкомъ, еще молодой, съ тонкимъ и бритымъ лицомъ. Послѣ Штейнбаха это главный пайщикъ *Студіи*.

Онъ машетъ роскошнымъ букетомъ, точно флагомъ.

— Ну, вотъ еще!.. Чужіе цвѣты... Подносите сами,—огрызается Лихачевъ.

— Вы же ея товарищъ... Вотъ чудакъ! — безпомощно озираясь, говоритъ Евтихьевъ, когда Лихачевъ скрывается въ туманѣ.—И куда помчался?

— Дайте, я поднесу,—предлагаетъ Дуничка.—Я влюблена въ ея жениха...

— Во сколькихъ вы влюблены? — брюзгливо спрашиваетъ Ѳедотовъ, везя ногами въ тяжелыхъ сѣрыхъ ботикахъ.

Онъ талантливый художникъ, пишетъ за большія деньги декораціи для *Студіи*. Его длинные, прямые желтые волосы, остроконечная борода, свисшіе усы навѣваютъ уныніе. Тусклый взглядъ неврастеника безстрастно скользитъ по лицамъ. Дуничка раздражаетъ его своимъ здоровьемъ, избыткомъ темперамента, своей зрѣлой красотой. Но цѣлый годъ онъ не можетъ добиться взаимности... Увлеклась этимъ Лихачевымъ, а имъ только играетъ, подлая баба!..

Канъ, композиторъ, положившій *Сказку* Гаральда на музыку, подхватилъ подъ руку режиссера, длинноносаго, какъ бекасъ, задумчиваго еврея и увлекаетъ его за собой. Канъ—худой брюнетъ, подвижной и нервный. Онъ точно ртутью налитъ. Не идетъ, а бѣжитъ въ припрыжку и приплясываетъ около Шпильмана. Онъ доказываетъ ему необходимость поставить въ *Студіи* его новый балетъ, который требуетъ огромныхъ затратъ...

Тинская, красивая блондинка, въ огромной шляпѣ, идетъ подъ руку съ рыжей и накрашенной Полли. Всѣ онѣ, какъ и Дуничка, служатъ въ *Студіи*, въ балетѣ.

— Ты ея портретъ видѣла на Невскомъ?

— Ну, да развѣ можно вѣрить портретамъ? Въ гримѣ небось?

— Больше ничего и не нужно... Петька Лихачевъ ее въ Парижѣ зналъ... Говоритъ, красавица...

— Тоже вѣрить Петькѣ!.. Сами увидимъ...

Полли въ экстравагантной шляпѣ виляетъ на ходу бедрами и стрѣляетъ глазами въ мужчинъ. Они конфузливо улыбаются. Удивленно и игриво смотрятъ вслѣдъ. Полли оглядывается и хохочетъ.

Поѣздъ подошелъ. Маня показывается на площадкѣ, и первый взглядъ ея падаетъ на красивое и взволнованное лицо Лихачева.

— Нильсъ!—ласково говоритъ она, протягивая руку.

— Какъ я васъ ждалъ, Ма... Марья Сергѣевна!.. Наконецъ-то!..

Голосъ его срывается. Онъ цѣлуетъ ея руку.

Но она не видитъ его волненія. Горячими глазами она глядитъ поверхъ его склоненной головы...

Какъ билось сейчасъ ея сердце, когда подходилъ поѣздъ! Такъ тревожно и сладко, какъ не билось оно давно... безконечно давно...

Вотъ подходитъ цѣлая группа людей... Что говоритъ ей этотъ симпатичный толстякъ?.. Цвѣты? Какъ это мило!.. Она улыбается Дуничкѣ и протягиваетъ руку для поцѣлуя всѣмъ этимъ господамъ.

А!.. И дамы?.. Кланяются издали. Какія онѣ всѣ надменныя!

Маня насторожилась словно. Она видитъ острые, напряженные взгляды... Она знаетъ: каждая черточка въ ея лицѣ, каждая складка въ ея платьѣ, ея брилліанты въ ушахъ, ея кольца, шляпа, мѣха, обувь даже — все будетъ подмѣчено и оцѣнено всѣми этими женственными мужчинами и безполыми дамами-каботинками. Враждебной, замкнутой группой стоятъ онѣ въ сторонѣ и щурятся потемнѣвшими глазами.

Она сама видитъ всѣхъ и все подмѣчаетъ. Взгляды ея жадно ощупываютъ всѣ эти банальныя мужскія лица, бритыя и фальшивыя. Гдѣ же Гаральдъ?.. Она узнала бы его сразу... Но его нѣтъ.

И вдругъ стало такъ тускло и скучно... Она видитъ плачущее небо, задернутый больнымъ туманомъ городъ, чудовищные сапоги носильщиковъ, холодную суету вокзала... И сердце пе-

рестаетъ стучать. Сверлящая боль въ вискѣ, забытая на время, заставляетъ ее поблѣднѣть и зажмуриться...

Почему она надѣялась, что онъ встрѣтитъ ее? На письмо ея, вѣдь, не было отвѣта...

А если онъ его не получилъ? И этотъ прекрасный порывъ ея пропалъ безслѣдно?..

IV.

Штейнбахъ входитъ въ подъѣздъ одной изъ гостиницъ, на Невскомъ, и въ обширномъ вестибюлѣ сбрасываетъ пальто на руки подбѣжавшаго портье.

Это крупный блондинъ въ ливреѣ, въ фуражкѣ, съ роскошными бакенбардами, съ брюшкомъ, съ золотыми часами на массивной цѣпочкѣ. Важный, безъ тѣни фамильярности или льстивости, онъ похожъ скорѣе на капитана корабля, чѣмъ на швейцара.

— Былъ кто-нибудь?

— Двое... Вотъ карточки... Придутъ опять черезъ часъ. А еще телеграмма...

— Маня, ты спишь? — тихонько спрашиваетъ Штейнбахъ, отворяя дверь въ номеръ бельэтажа, въ концѣ коридора.

— Нѣтъ... Войди...

Она лежитъ на кушеткѣ, покрытая пледомъ. Петербургская сырость не проникаетъ въ эту теплую и роскошную комнату. Въ коридорѣ тихо. Только съ улицы доносится гулъ трамвая и гудки автомобилей. Штейнбахъ зажигаетъ электричество и звонитъ.

— Затопите каминъ, — говоритъ онъ вошедшей прислугѣ. — Погода ужасная, Маня!.. Не лучше Лондона. Такой же желтый туманъ... Такой же гнетъ... Какъ твоя голова?

— Теперь лучше... Ты былъ въ *Студіи*?

— Да... Сейчасъ оттуда... Сцена очень хороша, велика... Я мечталъ именно о такой для тебя... Меня задержалъ режиссеръ... Это Шпильманъ... Очень талантливый и образованный человѣкъ... Онъ здѣсь по моему настоянію... Ты, вѣдь, слышала о немъ?

— Тотъ самый Шпильманъ?

— Ну, да... Завтра репетиція въ часъ... Шпильманъ волнуется... думаетъ, что ты простудилась... Твой великолѣпный Нильсъ... тоже волнуется... Просилъ разрѣшенія навѣстить тебя... Я, конечно, отказалъ...

— Ты... никого... больше не видѣлъ?

— Я познакомился съ артистами...

— А... Гаральдъ?..

— Его нѣтъ... Странный человѣкъ! Можно подумать, что онъ совсѣмъ не интересуется постановкой своей вещи... Я былъ и у него... Не засталъ дома...

Она закусила губы, удерживая вопросы.

Штейнбахъ подходитъ къ кушеткѣ съ телеграммой.

— Отъ фрау Кеслеръ, — говоритъ онъ. — Ниночка здорова. Дядѣ тоже лучше. Все благополучно... Кстати, отсюда можно говорить по телефону съ Москвой... Я попрошу Агату говорить съ тобой каждый день въ шесть... Удобно?

— Да... да... — разсѣянно отвѣчаетъ она. — Теперь уйди, Маркъ... Я одѣнусь къ обѣду...

— Нѣтъ, Маня... Если ты можешь ѣхать въ оперу, то ужъ лучше одѣнься сразу для театра... Мы пообѣдаемъ у себя...

— Хорошо... хорошо... Ступай!

Онъ уходитъ, плотно заперевъ за собой дверь, соединяющую ихъ комнаты.

Но она все лежитъ... Глаза ея, большіе и тревожные, устремлены въ каминъ. Она что-то видитъ тамъ... И улыбается...

Потомъ беззвучно встаетъ и идетъ къ раскрытому коффру... Оттуда къ зеркальному гардеробу. Она внимательно оглядываетъ свои платья. Какое надѣть завтра на репетицію? Вотъ это... золотистаго бархата съ мѣхомъ сконгса. Оно идетъ къ ней лучше другихъ. А шляпа?.. Она задумчиво скользитъ взглядомъ по картонкамъ...

Сейчасъ... Сейчасъ... она выберетъ все... Пока стихъ ея tic... пока есть еще время... Она обдумаетъ до мелочей весь свой туалетъ, кончая сумкой, носовымъ платкомъ, перчатками, духами... Можетъ ли что-нибудь называться мелочами, когда дѣло идетъ о первомъ впечатлѣніи, рѣшающемъ все?.. Вѣдь въ нашей памяти о встрѣчахъ съ людьми цѣнны только эти индивидуальные штрихи, которые тонутъ потомъ въ болотѣ

привычки, которые стираются, какъ грани отъ тренія... Но эти первыя впечатлѣнія вызываютъ нашъ восторгъ или антипатію. Нашу дружбу или отчужденіе. У нихъ своя непререкаемая власть.

— Ты готова?—раздается голосъ за дверью.

Какъ кошка она дѣлаетъ прыжокъ и поворачиваетъ ключъ.

— Нельзя... нельзя...

— Не надо ли тебѣ помочь потомъ? Не зови Полину... Скажи мнѣ...

Она на цыпочкахъ отходитъ отъ двери, смотритъ на красивые изломы золотистаго бархата. И мечтательно улыбается.

Въ этомъ платьѣ она будетъ хороша...

V.

Маня отдергиваетъ штору и съ отвращеніемъ смотритъ на сверкающую отъ дождя асфальтовую мостовую...

Что за гадость! Снѣгъ растаялъ. По Невскому ѣдутъ пролетки съ мѣховой полостью. Вонъ городовой въ черномъ плащѣ. Несчастный! Какъ ему холодно... Который это часъ? Неужели она проспала? Сейчасъ сердце дало толчокъ, точно крикнуло: „Вставай!..“

Только десять... Слава Богу!.. Она успѣетъ еще до репетиціи съѣздить *туда*... Лишь бы Маркъ не услыхалъ...

Она прислушивается съ секунду, стоя босикомъ на коврѣ, къ звукамъ въ сосѣднемъ номерѣ...

Спитъ...

Быстро, безшумно она одѣвается. Какъ умно, что она все приготовила съ вечера!.. Не надо открывать коффровъ, стучать ящиками...

Глаза ея полны тайны, когда она, уже одѣтая, подходитъ къ двери сосѣдняго номера. Наканунѣ она заперла ее на ключъ...

Нѣтъ... ничего не слышно... Только бьется ея сердце... О, какъ стучитъ!.. Зрачки расширены... На блѣдныхъ щекахъ разгорѣлись два пятна... Это некрасиво... Надо взять себя въ руки... Надо быть интересной... И владѣть собою!.. Не выдавать себя...

Но она волнуется, какъ школьница, потихоньку крадущаяся на бульваръ, когда всѣ подруги уже въ классѣ... И весело, и

жутко... Только скорѣй, скорѣй теперь! На улицѣ она будетъ въ безопасности. Этотъ громадный городъ проглотитъ ее и замететъ всѣ слѣды. И даже такая ищейка, какъ Штейнбахъ, не догадается, гдѣ она была...

Портье заступаетъ ей дорогу.

— Что вамъ?—съ внезапной ненавистью спрашиваетъ она.

— Я прикажу подать автомобиль, сударыня. Господинъ баронъ...

— Не надо!.. Я возьму извозчика...

Ухъ!.. Наконецъ... Сырость охватываетъ ее... Пустяки!.. Пустяки... Все это безсильно передъ давно забытой радостью, переполнившей душу.

Она дѣлаетъ знакъ лихачу и даетъ себя подсадить услужливому швейцару въ красной ливреѣ.

— Куда прикажете?—спрашиваетъ лихачъ. Ей закрываютъ ноги полостью. Она машетъ рукой въ свѣтло-сѣрой перчаткѣ. И капли мокраго снѣга смачиваютъ ея пальцы.

— Прямо къ Невѣ...

Прижавшись въ уголокъ пролетки, она изъ-подъ опущеннаго верха глядитъ сверкающими глазами вдаль. Вуалетку она опустила. Вотъ онъ, Петербургъ... Городъ красивъ, но что за погода!.. Досадно, что смокнетъ перо, что съежится перчатка... Ахъ, если-бъ солнце!.. Ничего... ничего... Все это мелочи, въ концѣ-концовъ... Она сейчасъ увидитъ Гаральда и скажетъ... Что она скажетъ?..

Дотронувшись до спины извозчика, она называетъ улицу... Лихачъ поворачиваетъ назадъ, потомъ влѣво... Сквозь туманъ мелькаютъ какія-то голыя деревья... Бульваръ... Какой онъ безконечный!.. Ахъ, скорѣй бы!.. Скорѣй... Сырость пронизываетъ... Такъ ли она сказала адресъ?.. Маркъ сообщилъ ей его нехотя, вскользь, еще въ Парижѣ... Что-то запутанное... Домъ выходитъ на двѣ улицы... Съ одной одинъ номеръ, съ другой...

Что же это?.. Она забыла?

Выпрямившись, она глядитъ впередъ, на мутную, зловѣщую воду канала.

„А вдругъ его нѣтъ дома?“

Лихачъ останавливается внезапно.

— Сударыня... Вотъ этотъ №... Прикажете въѣхать во дворъ?

Она высовывается. Въ лицѣ ея разочарованіе. Грязный дворъ, мрачный фасадъ, отвратительные запахи... Неужели онъ здѣсь?..

— Прикажете подождать, сударыня?..

— Да, да... Позвоните дворника...

Но не дождавшись, съ бурно бьющимся сердцемъ она идетъ по грязи къ одному изъ подъѣздовъ. И спросить-то даже некого...

Слава Богу!.. Какая-то женщина, похожая на бѣлую кухарку, идетъ съ корзиной въ рукахъ...

— Скажите, пожалуйста, здѣсь меблированныя комнаты *Лучъ*?

Кухарка оглядывается на дверь подъѣзда, словно видитъ ее въ первый разъ.

— Я тутотка проходнымъ дворомъ хожу... А вамъ кого надоть-то?

— Я васъ спрашиваю, здѣсь меблированныя комнаты *Лучъ*?

— Здѣсь... здѣсь... только это черный ходъ... Парадный черезъ дворъ... на той улицѣ...

— Благодарю васъ... Такъ въ этомъ подъѣздѣ?..

— Вотъ... вотъ... Колидоромъ пройдете... потомъ по лѣстницѣ... какъ пройдете стало-быть...

— Благодарю васъ...

Маня скрывается подъ навѣсомъ.

Она идетъ какъ во снѣ. Мрачный коридоръ, грязная лѣстница, запахъ кошекъ, какіе-то переходы... Совсѣмъ какъ въ кошмарѣ. Темныя, зловѣщія запертыя наглухо двери...

Опять коридоръ. Углубленный внутрь себя взглядъ Мани безучастно скользитъ вокругъ, какъ-будто ничего не замѣчая... Тутъ? Или этажемъ ниже? Кого спросить?.. Пустяки... пустяки... Вѣдь это черный ходъ...

Свѣтлѣетъ наконецъ... Вонъ и фигура какого-то парня, босоногаго, въ розовой рубахѣ, съ метлой въ рукѣ... Запахло мастикой и пóтомъ. У стѣны стоитъ деревянный длинный ларь.

— Скажите, гдѣ меблированныя комнаты *Лучъ*?

— Здѣсь... Вамъ кого?

— Номеръ тринадцатый...

— А вотъ поверните направо... Колидоръ пройдете... потомъ налѣво... крайняя комната...

— Благодарю васъ...

Ахъ, если-бъ сердце не стучало такъ громко!.. Даже глохнешь отъ этого стука...

Она медленно идетъ и съ побѣлѣвшими губами останавливается у двери № 13.

Она стучитъ... Тихонько...

Но ни звука не слышно за дверью...

Она стучитъ громче...

Та же тишина...

Маня стоитъ, пораженная... Ушелъ?..

Почему же она такъ вѣрила, что они свидятся?

Рядомъ окно. Она подходитъ и, поднявъ вуалетку, безъ думъ глядитъ остановившимися глазами на сѣющій дождь... на задернутый туманомъ городъ; на голые, печальные скелеты деревьевъ внизу; на мутную, зловѣщую воду канала.

Потомъ поворачивается и, какъ лунатикъ, идетъ куда-то...

Около какой-то двери она видитъ наивные штиблеты... Жилецъ еще сладко спитъ...

Выпучивъ глаза, глядитъ на нее коридорный, присѣвшій на корточки у топящейся печи.

— Гдѣ здѣсь выходъ?

— Пожалуйте... Вотъ сюда... Я проведу...

Она даетъ ему на-чай и вынимаетъ изъ сумки свою карточку. На ней выгравировано одно слово: *Marion*.

— Пожалуйста, передайте это господину... господину Гаральду, въ 13-й №... И пришлите мнѣ моего извозчика... Онъ тамъ... у чернаго хода.

Она объѣхала всѣ книжные магазины, ища его книгъ. Всѣ разошлись. Было одно только изданіе.

Въ одномъ книжномъ складѣ, гдѣ-то на задворкахъ, ей подаютъ маленькій томикъ стиховъ и книжку разсказовъ.

— Это ничего, что экземпляръ разрѣзанъ? Другого нѣтъ...

— Все равно... Заверните...

Она побывала въ лучшихъ художественныхъ магазинахъ, ища его портретовъ... Всѣ раскуплены... Въ одномъ только ей предлагаютъ завалявшуюся *carte postale*...

— Развѣ онъ имѣетъ такой успѣхъ?—спрашиваетъ Маня итальянца-хозяина.

— О, большой!.. У женщинъ, конечно... Послѣ концерта, гдѣ онъ читалъ, студентки раскупили всѣ его *cartes-postales*...

Маня бросаетъ бѣглый взглядъ на карточку и прячетъ конвертикъ въ сумку...

— Куда прикажете ѣхать?

Маня смотритъ на свой браслетъ съ крошечными часами... Еще рано...

— На Невскій... Въ какую-нибудь кофейню... Тамъ я васъ отпущу...

Только усѣвшись въ пролетку, она вынимаетъ карточку...

Такъ вотъ онъ какой!.. Лицо *Евгенія Онѣгина*, какъ его изображаютъ въ оперѣ. Высокій, прекрасный, сдавленный у висковъ, убѣгающій лобъ. Тѣ же маленькіе бачки, та же прическа... тѣ же бритыя щеки и губы... Только костюмъ современный. Онъ сидитъ у стола и, опустивъ рѣсницы, читаетъ книгу. Глазъ не видно... Какіе они?.. Профиль рѣзкій, губы сжаты съ выраженіемъ силы. Красивъ выдающійся упорный подбородокъ.

Маня закрываетъ глаза... И странная улыбка змѣится по ея губамъ.

Въ кофейной она сидитъ за столикомъ и медленно пьетъ изъ своей чашки. Карточка Гаральда лежитъ передъ нею...

Какіе у него глаза?.. Смягчаютъ ли они это суровое, сухое лицо?.. Улыбнутся ли они ей, какъ родной душѣ... какъ артисткѣ, понявшей художника?

Угадаетъ ли онъ ея тоску? Ея разочарованіе... Ея усталость?

Французженка Полина, которую Маня привезла съ собой въ Россію, раскладываетъ по ящикамъ коммода послѣднія мелочи изъ коффра.

— Ah, madame!.. Partie seule... sans mon aide!.. Je ne dormais pas, madame... Quel dommage!..

— Маня, гдѣ ты была?—тревожно спрашиваетъ Штейнбахъ, входя въ комнату.

— Каталась...

— Въ такую погоду?

Она снимаетъ шляпу, избѣгая глядѣть въ его лицо.

— Я не могу безъ воздуха... Голова болитъ...

— Почему-жъ ты меня не разбудила?

— Съ какой стати?.. Ты спалъ?

Вдругъ онъ спрашиваетъ.

— Ты брала автомобиль?

— Н-нѣтъ... Я брала извозчика...

Онъ молчитъ, обдумывая что-то и зорко щурясь на ея профиль съ опущенными рѣсницами.

Она разстегиваетъ перчатки.

— До репетиціи осталось полчаса,—говоритъ онъ измѣнившимся звукомъ. И она это слышитъ.—Я велю подать кофе...

— Пожалуйста...

Она садится передъ зеркаломъ и поправляетъ прическу. Глаза таинственно поблескиваютъ изъ-подъ влажныхъ рѣсницъ. Губы упорно сжаты... Что-то враждебное встаетъ въ душѣ...

VI.

Гаральдъ вернулся черезъ полчаса.

Коридорный подаетъ ему карточку *Marion*.

Стиснувъ губы, сжавъ брови, глядитъ на нее Гаральдъ, словно хочетъ разглядѣть за этими пятью буквами образъ, символомъ котораго онѣ служатъ.

Онъ садится за работу.

Нѣтъ... Трудно сосредоточиться. Ему досадно...

Огромнымъ усиліемъ воли онъ все-таки овладѣваетъ своимъ сознаніемъ.

Постепенно уходитъ онъ отъ дѣйствительности. Таинственныя тропинки вымысла, на которыя онъ ступилъ сейчасъ неувѣреннымъ шагомъ, манятъ его все дальше и дальше...

И падаютъ стѣны, замыкающія горизонтъ...

Бьетъ часъ.

Онъ отодвигаетъ бумагу. Откидывается въ кресло и закрываетъ глаза...

Таинственныя тропинки скрылись въ туманѣ. И вотъ онъ опять лицомъ къ лицу съ повседневностью.

Надо завтракать. Изъ ресторана идти въ редакцію, для переговоровъ съ Благинымъ о разсказѣ. Онъ обѣщалъ дать его *Голосу*... Оттуда онъ заглянетъ къ Дорѣ... Онъ не видалъ ее три дня...

Эта женщина манитъ его, какъ загадка... Когда онъ пойметъ ее, очарованіе исчезнетъ. И это будетъ жаль...

Marion... вдругъ вспоминаетъ онъ. И встаетъ... Брови его дрогнули.

Надо занести ей карточку... Сейчасъ?.. Да, сейчасъ, пока она на репетиціи... Онъ не хочетъ встрѣчаться съ нею.

Медленно переодѣвается Гаральдъ. Онъ обдумываетъ свой туалетъ, начиная съ галстука и кончая штиблетами.

Въ редакціи *Голоса* его зовутъ снобомъ. Это первый сказалъ Валицкій. Самъ онъ такъ вульгаренъ съ своими бархатными жилетами и красными галстухами!.. Онъ не понимаетъ, что костюмъ человѣка одинъ изъ важныхъ штриховъ, дополняющихъ его личность, какъ манера ѣсть, ходить, садиться, пожимать руку, говорить и слушать собесѣдника... Нѣтъ ничего неважнаго и лишняго, когда думаешь о впечатлѣніи, вызываемомъ тобою.

Валицкій влюбленъ въ Дору. Каждый изъ нихъ тамъ мечтаетъ стать ея любовникомъ. И если-бъ онъ сказалъ имъ: „Я ни разу не поцѣловалъ губъ этой женщины“, они засмѣялись бы ему въ глаза.

Marion... вспоминаетъ Гаральдъ. И опять странная тревога охватываетъ его. Онъ смѣло глядитъ въ лицо этому чувству..

Когда онъ получилъ ея письмо, эта тревога уже закралась въ его душу. Ему былъ непріятенъ порывъ этой женщины.

Все непосредственное ему чуждо. А отъ этихъ строкъ вѣяло зноемъ. Слова письма были просты, искренни. Но оттого-то они показались ему темными. И враждебными всему строю его души. Какъ въ искусствѣ цѣнно не изображеніе дѣйствительности, а отраженіе въ ней души художника,—такъ и въ жизни цѣнны не инстинкты, а наша борьба съ ними, наша побѣда...

„Есть много причинъ, почему я не хочу ее видѣть сейчасъ“, думаетъ онъ, выходя на улицу. „Какъ артистка, она будетъ плѣнять меня и дастъ мнѣ много красокъ и образовъ... И я съ трепетомъ жду ея дебюта... Но мы не должны встрѣчаться внѣ сцены. Все очарованіе исчезнетъ. Я знаю себя.“

„Вотъ, напримѣръ, Лихачевъ... На сценѣ онъ прекрасенъ какъ богъ. Я вижу его ноги, торсъ, его движенія. Онъ волнуетъ меня... Зачѣмъ я буду опошлять этотъ образъ? Сойдя съ подмостокъ, этотъ полубогъ одѣнется какъ я... Нѣтъ, много хуже... Начнетъ говорить банальности... Позоветъ меня ужинать и, можетъ-быть, напьется... некрасиво, какъ пьютъ русскіе, вообще... Я не хочу его видѣть такимъ... Или Тинская, эта блондинка съ дѣвичьимъ обликомъ... Какъ настойчиво зоветъ она меня къ себѣ, когда я прихожу за кулисы, чтобъ взглянуть на нее!.. Но я боюсь идти... Она примѣрная семьянинка. Въ ея маленькой квартирѣ я услышу чадъ самовара, плачъ ея дѣтей. Она можетъ выйти ко мнѣ въ несвѣжемъ капотѣ, съ будничнымъ лицомъ... И потомъ, когда легкой феей она скользнетъ изъ-за кулисъ и улыбнется мнѣ печально и таинственно, — смогу ли я забыть ея озабоченное домашнее лицо и пошлость ея обстановки?.. Нѣтъ, эти опыты опасны съ такими зрителями, какъ я...“

Вотъ и переулокъ. Надо свернуть, и шаговъ черезъ пятьсотъ покажется высокій, унылый ящикъ дома, гдѣ пріютилась редакція. Но Гаральдъ идетъ мимо. Онъ спѣшитъ на Невскій.

Уже два часа. Въ гостиницѣ онъ спрашиваетъ, дома ли Marion?

— Уѣхали въ театръ полчаса назадъ,—любезно отвѣчаетъ портье.

— Передайте, пожалуйста, мою карточку...

Съ облегченіемъ выходитъ Гаральдъ на подъѣздъ.

Надо идти налѣво, чтобъ застать редактора въ эти часы. Но онъ идетъ къ Невѣ. Онъ что-то обдумываетъ, глядя на носки штиблетъ. (Какъ европеецъ, онъ не признаетъ калошъ даже осенью.)

„Она спроситъ, конечно, почему я ей не отвѣтилъ?.. Но развѣ я отвѣчаю на письма, которыя получаю отъ читателя?.. Всѣ отвѣты въ моихъ книгахъ, и повторяться я не хочу... Я не могу, конечно, помѣшать порывамъ и признаніямъ людей, которые меня никогда не видали... людей, которыхъ плѣнило мое творчество... Но какъ личность я имъ чуждъ. И нѣтъ между нами связи.

„Я бываю часто растроганъ этими письмами. Они звучатъ какъ молитва... Но развѣ боги отвѣчаютъ на молитвы? А открыть постороннему глазу больше того, что сказано въ книгѣ,—зна-

читъ измѣнить себѣ. Я пишу не для нихъ. Для себя. Мнѣ не больно, если меня не понимаютъ. Пусть Валицкіе издѣваются, а Фельдманы бранятъ!.. Я страдаю только, если не удался сонетъ, или когда мнѣ самому кажется, что я бездаренъ. Искусство... Развѣ это не вѣчные снѣга, доступные лишь немногимъ? Не всякому дано подняться на вершины. Труденъ путь въ горы... Одиночества и молчанія требуетъ онъ отъ насъ..."

Гаральдъ останавливается передъ витриной художественнаго магазина. Портреты Marion всюду на первомъ планѣ. Многіе подходятъ и любуются...

„Она дѣйствительно прекрасна", думаетъ Гаральдъ. „Возможно, что это только гримъ придаетъ такое очарованіе этимъ глазамъ. Но не все ли равно? Внѣ сцены артистъ можетъ быть хоть безобразнымъ... Жизнь ничто. Важны только искусство и иллюзія".

Стиснувъ губы, глядитъ Гаральдъ въ это лицо, полное зноя и нѣги, на эту змѣиную фигуру, такъ смѣло изогнувшуюся въ сладострастномъ танцѣ. И тревога его растетъ...

Къ чему лицемѣрить съ собою?.. Его влечетъ эта женщина... Еще не зная ее, не видя ея глазъ, не слыша ея голоса, онъ уже на разстояніи чувствуетъ, какъ жгуче и болѣзненно вибрируютъ его нервы... Она будитъ жестокое любопытство, знойное желаніе, молодые порывы,—все, съ чѣмъ онъ борется во имя высшей цѣли, чему нѣтъ мѣста въ его суровой жизни!.. Страсть искажаетъ личность. Страсть враждебна творчеству. Эту женщину надо избѣгать!.. Инстинктъ самосохраненія подсказалъ это ему въ первый мигъ, когда онъ держалъ въ рукахъ ея письмо.

Онъ подходитъ къ другой витринѣ.

Маня лежитъ на землѣ въ позѣ Сфинкса и глядитъ на него огромными мистическими глазами. Она въ легкой туникѣ. Волосы завязаны греческимъ узломъ. Трагически сдвинулись темныя брови. Приподнявшись слегка на локтяхъ и положивъ въ ладони подбородокъ, она глядитъ ему въ душу... Жуткая, загадочная, полная угрозы и вызова...

И Гаральдъ стоитъ, не двигаясь. Весь подъ ея властью.

Вотъ она — *женщина!..* Изъ вѣка чуждая, изъ вѣка враждебная... Непонятая никѣмъ загадка. Стихійная, темная сила...

Въ ней наше счастье... Но не въ ней ли и гибель всѣхъ возможностей?

Не она ли это стоитъ тамъ, на всѣхъ путяхъ и перепутьяхъ, подстерегая минуту усталости, угадывая жажду отдыха въ зрачкахъ путника?..

Не она ли жестокимъ смѣхомъ смѣется надъ тѣмъ, кто лежитъ въ пыли, и наступаетъ ногой на грудь побѣжденнаго?..

Цѣпки руки ея, и жадны ея уста...

Она—символъ рода. И врагъ личности...

Берегись ее,—идущій вверхъ!..

10-го января 1912 г.
Москва.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

Книга V.

ПОБѢЖДЕННЫЕ.

Конецъ романа

КЛЮЧИ СЧАСТЬЯ

готовится къ печати.

Печатается и выходитъ на-дняхъ:

ТРАГИЧЕСКІЕ КОМЕДІАНТЫ.

Романъ. Переводъ съ англійскаго.

ДУХЪ ВРЕМЕНИ. Часть II. Третье изданіе.

Вышли изъ печати книги А. ВЕРБИЦКОЙ:

ДУХЪ ВРЕМЕНИ. Часть I. Третье изданіе.

СЧАСТЬЕ. Разсказы. Второе изданіе.

ЕЯ СУДЬБА. Повѣсть.

Того же автора.

I. **СНЫ ЖИЗНИ.** Сборн. разсказ. *5-е изд. 22-я тыс.* Ц. 1 р. 10 к. (На бумагѣ old style.)
II. **ПЕРВЫЯ ЛАСТОЧКИ.** Повѣсть. *Четвертое изд. 12-я тысяча.* Ц. 80 к.
III. **ВАВОЧКА.** Романъ. *Четвертое изд. 23-я тысяча.* Ц. 1 р. 40 к. (На бумагѣ вержэ.)
IV. **ОСВОБОДИЛАСЬ.** Романъ. *Четвертое изд. 22-я тысяча.* Ц. 1 р. 40 к. (На бумагѣ вержэ.)
V. **ПРЕСТУПЛЕНІЕ МАРЬИ ИВАНОВНЫ.** Повѣсти и разсказы изъ жизни учащейся молодежи. *4-е изд. 13—23-я тыс.* (Бумага old style.) Обложка худож. К. Спасскаго. Ц. 1 р. 25 к.
VI. **ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.** Романъ. *Третье изд. 22-я тыс.* Ц. 1 р. 25 к. (Бумага old style.)
VII. **ПО-НОВОМУ. ВЕЧЕРИНКА.** Повѣсти. *Второе изд. 15-я тысяча.* Ц. 1 р. (На простой бум.)
VIII. **ЧЬЯ ВИНА?** Повѣсть. *3-е изд. 19-я тыс.* Ц. 1 р. 10 к. (Бумага old style.)
IX. **ЗЛАЯ РОСА.** Повѣсть конца XIX вѣка. *15-я тыс. 2-е изд.* (Бумага old style.) Ц. 1 р. 10 к.
X. **СЧАСТІЕ.** Сборникъ разсказовъ. *Второе изд. 16-я тыс.* Ц. 1 р. 10 к. (На бумагѣ вержэ.)
XI. **МОТЫЛЬКИ.** Разсказы и повѣсти. *10-я тысяча.* Ц. 1 р. На простой бумагѣ.
XII. **СВѢТАЕТЪ!..** Повѣсть въ память 9-го янв. 1905 г. *10-я тыс.* Ц. 60 к.
XIII. **БЕЗПЛОДНЫЯ ЖЕРТВЫ.** Пьеса съ пред. автора. *6-я тысяча.* Ц. 80 к.
XIV. **ГОРЕ УШЕДШИМЪ!** Повѣсть. *Третье изд. 20-я тысяча.* Обложка К. Спасскаго. Ц. 1 р. 25 к.
XV. **ДУХЪ ВРЕМЕНИ.** Современный романъ въ 2-хъ книгахъ. *Третье изд. Пятьдесятъ первая тысяча.* Ц. 3 р. за оба тома. (На бумагѣ вержэ.) Каждая книга 1 р. 50 к.
XVI. **НАШИ ОШИБКИ.** 4-е изд. *За подвигомъ.* Пов. *12-я тыс.* (Бумага old style.) Ц. 1 р. 10 к.
XVII. **МИРАЖЪ.** Пьеса съ портретомъ автора. *Четвертая тысяча.* Ц. 1 р.
XVIII. **РАЗСВѢТЪ.** Пьеса. Обложка художника П. Гославскаго. *5-я тыс.* Ц. 1 р.
XIX. **МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ!** Автобіографическіе очерки съ портретомъ автора и другими семейными портретами. *Второе изданіе, исправленное, 8—15-я тысяча.* (Дѣтство. Годы ученія.) (Бумага old style.) Ц. 1 р. 60 к.
XX. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Новый современный романъ. Книга 1-я печаталась въ 1908 г. въ ноябрѣ въ кол. 15.000 экз. *Второе изд.*—въ февралѣ 1909 г. 25.000 экз. Ц. 1 р. 25 к.
XXI. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Книга 2-я; печаталась въ сент. 1909 г. въ кол. 15.000 экз. *Второе изд.*—въ февр. 1910 г. 25.000 экз. Ц. 1 р. 30 к.
XXII. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Книга 3-я. *(Дрожащія ступени).* Вышла 15-го декабря 1910 г. въ колич. 30.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.
XXIII. **МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ!** (Юность. Грезы.) 2-я книга; печаталась 15.000 экз. (съ 2-мя портретами: матери автора и артистки А. Н. Мочаловой). (Бумага old style.) Ц. 1 р. 50 к.
XXIV. **ЕЯ СУДЬБА.** Повѣсть. Ц. 85 к.
XXV. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** (*На высотѣ.*) Книга IV-я. Ц. 1 р. 60 к. Печаталась въ кол. 25.000 экз.

Изданія А. Вербицкой.

Вып. I. **ПОЛУЖИВОТНОЕ.** Ром. **Е. Белау**, пер. съ нѣм. Н. П. Дадоновой. *4-е изд. 10-я тыс.* Ц. 80 к.
Вып. II. **ИЗЪ ХОРОШЕЙ СЕМЬИ.** Ром. **Г. Рейтеръ.** *3-я тыс.* Пер. съ нѣм. **Ея же.** Ц. 1 р. *Все разошлось.*
Вып. III. **ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ОСМѢЛИЛАСЬ.** Романъ **Грантъ-Аллена**, съ его же предисловіемъ. Пер. съ англ. **Ея же.** *4-ое изд. 13-я тыс.* Ц. 60 к.
Вып. IV. **КУРСИСТКИ.** (Les Sévriennes.) Романъ **Габріэли Реваль**, изъ жизни парижскихъ студентокъ. Пер. **Ея же.** *6-я тыс. 2-е изд.* Ц. 80 коп.
Вып. V. **ПОТУСТОРОННІЯ ИСКАНІЯ.** Романъ **Дж. Мура.** Пер. съ англ. **Ея же.** *3-я тыс.* Ц. 1 р.
Вып. VI. **ВРАГИ МѢЩАНСТВА.** (Въ поискахъ.) Ром. **Шляфа.** Пер. съ нѣм. **Ея же.** *3-я тыс.* Ц. 80 к.
Вып. VII. **СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ.** Романъ **Вассермана.** Пер. съ нѣм. **Ея же.** *4-я тыс.* Ц. 1 р.
Вып. VIII. **КОНТОРЩИЦА.** Романъ **Рувра.** Пер. съ франц. Д. И. Соловьева. *4-я тыс.* Ц. 60 к.
Вып. IX. **ГИМНАЗИСТКИ.** Романъ **Г. Реваль.** Пер. съ франц. Н. П. Дадоновой. *4-я тыс.* Ц. 80 к.
Вып. X. **ТРЕТІЙ ПОЛЪ.** Ром. **Коллеты Иверъ.** *7-я тыс.* Пер. съ франц. Н. П. Дадоновой. Ц. 85 к.
Вып. XI. **ПРАВО НА ЛЮБОВЬ.** Пер. съ франц. А. Соколовой. *5-я тыс.* Романъ М. Тинэръ. Ц. 85 к.
Вып. XII. **ОГОНЬКИ.** (Сельская учительница.) Ром. **Леона Фрапье**, удостоенный преміи Гонкура, съ 28-ю рисунками въ текстѣ. Съ предисловіемъ и подъ редакціей А. Вербицкой. Перев. Л. Н. Ц. 1 р. 25 к. *10-я тысяча.*
Вып. XIII. **НИЦШЕАНКА.** Романъ Д. Лезюэръ. Перев. съ франц. Н. П. Дадоновой. *7-я тыс.* Ц. 85 к.
Вып. XIV. **СТАТИСТЫ ЖИЗНИ.** Ром. Л. Фрапье. (Изъ париж. нравовъ.) Пер. съ франц. Л. Н. Ц. 50 к.
Вып. XV. **ЧАРЫ ЛЮБВИ.** Романъ Гейнце Товотэ. Пер. съ нѣм. Н. Іевлевой. Ц. 75 к.
Вып. XVI. **ДИЛЛЕТАНТЫ ЖИЗНИ.** Ром. Клары Фибихъ. Пер. съ нѣмецк. С. Явленской. Ц. 85 к.
Вып. XVII. **ГРѢХЪ.** Ром. К. Фибихъ. Пер. съ нѣм. Н. Іевлевой. Ц. 85 к.
Вып. XVIII. **ТРАГИЧЕСКІЕ КОМЕДІАНТЫ.** Романъ Мередита. Пер. съ англ. Н. П. Дадоновой. Ц. 85 к.

Складъ всѣхъ изданій: Москва, Мясницкая, Банковскій пер., книжный складъ Н. Я. Башмакова. Петербургъ, Итальянская, 31, книж. складъ Я. Я. Башмакова.

© 1647 4

BINDING SECT. AUG 28 1970

PG 3470 V4K4 1910 kn.4

Verbitskaia, Anastasiia Alexseevna (Ziablova)
Kliuchi schast'ia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY